

Александр Вырвич

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ...»

Роман-трилогия

Москва
2020

Название романа-трилогии Александра Вырвича «Есть такая профессия...» исходит из того, что *большая* часть населения нашей огромной и многонациональной страны помнит ставшее крылатым высказывание из кинофильма «Офицеры»: «Есть такая профессия – Родину защищать». В многослойном произведении в трёх книгах («Противоборство», «Противостояние» и «Противовес»), охватывающем большой временной период, начиная с Великой Отечественной войны и заканчивая нашими днями, рассказывается о людях, которым в разное время пришлось выполнять сложные задачи по защите интересов нашей страны, в том числе и с оружием в руках. В центре повествования жизненный путь офицера Сергея Александрова, который по примеру своих дедов, защитивших Родину в годы Великой Отечественной войны (об этом повествуется в первой книге «Противоборство»), избрал своей профессией военную службу, в ходе которой, встречаясь по жизни с разными людьми и попадая в различные ситуации, как в годы учёбы и военной службы в мирное время (об этом речь идёт во второй книге «Противостояние»), так и в ходе участия в «своей войне» на Кавказе и миротворческих операциях в «горячих точках» (об этом рассказывается в третьей книге «Противовес»), убеждается в правильности своего жизненного выбора.

Красной нитью через весь роман проходит мысль о значении и величии Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне, благодаря которой были заложены основы современного мира, поэтому она влияла и продолжает влиять на основные события послевоенного времени.

Александр Вырвич

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Книга вторая

Москва
2020

УДК 821-311.6
ББК 84-44(2Рос=Рус)6
В 74

Вырвич А.Л.

В74 «Есть такая профессия...». Роман-трилогия.
Противостояние. Книга вторая – М.: Издательство «Буки
Веди», 2020. – 324 с.

ISBN 978-5-6044621-1-9

«Противостояние» – это вторая книга романа-трилогии «Есть такая профессия...», повествующая о выборе и начале жизненного пути внука дедов-фронтовиков Сергея Александрова, решившего освоить военное дело и стать офицером-пехотинцем. Начав свою службу в Центральной Группе советских войск в Чехословакии, он через пять лет направляется для дальнейшего прохождения службы в Приволжский военный округ, где его ожидают новые служебные задачи и перспективы.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-6044621-1-9

© Вырвич А.Л., 2020

*Посвящается светлой памяти
моих дедов-фронтовиков:*

- Вырвича Ивана Сергеевича,*
- Гаденко Афанасия Павловича,*
- Гаденко Петра Павловича,*
- Гаденко Ивана Павловича.*

Военно-политическое **противостояние** —
характер военно-политических отношений
между соперничающими государствами
(коалициями государств)...

*Война и мир в терминах и определениях /
/ Под общ. ред. Д.О. Rogozina*

Лучшее средство привить детям любовь к
Отечеству состоит в том, чтобы эта любовь
была у отцов.

Шарль Луи де Монтескье

Русское государство имеет то преимущество
перед всеми остальными, что оно управляется
непосредственно Самим Господом Богом. Ина-
че невозможно объяснить, как оно вообще су-
ществует.

Христофор Антонович Миних

Отечество любят не по признакам: капита-
листическое или коммунистическое, а потому
что оно — дар Божий, данный нам для непре-
станного созидания, где, конечно, неизбежны
взлеты, падения, грехи, заблуждения.

Наталья Алексеевна Нарочницкая

Ничто так не портит армию, как
неправильно поданная команда.

Армейская поговорка

Глава первая
Перед выбором
(Октябрь 65-го года)

I

С утра зарядил нудный осенний дождь, но Сергей очень надеялся, что к обеду, то есть ко времени окончания уроков в школе, он прекратится тоже. Увы! Надежда на то, что удастся после школы погулять на улице до вечера, развеялась.

Дома никого не было. Родители на работе, а старший брат уехал на какие-то соревнования. Значит, можно спокойно заняться дома своими мальчишечьими делами, среди которых не предусматривалось такое нелюбимое всеми учениками занятие, как выполнение учебных домашних заданий. Ещё в прошлом году Сергей задумался над этой проблемой. Все знают, что для учёбы существует такое место, как школа. Её и построили специально для этого. Почему же после уроков, придя домой, надо опять открывать учебники и тетради, то есть продолжать учиться, вместо того, чтобы гулять, отды-

хоть, играть с друзьями на свежем воздухе? Время после школы, а также дом, улица, речка, роща за посёлком – всё это предназначено для игры и отдыха, а никак не для учёбы.

Решение этой задачи Сергей нашёл, и вот уже второй год уроков он дома практически не делал. Домашние задания он делал в школе. Но не после уроков, а на переменах. Ещё до звонка, оповещающего об окончании очередного урока, он раскрывал учебник и тетрадь, и как только уборщица тётя Маша начинала звонить в коридоре в колокольчик, Сергей начинал выполнять то задание, которое учитель только что задал всем домой, всем в классе, кроме Сергея, выполняющего это задание тут же в школе. Бегать по коридору или школьному двору, играть, кричать, дёргать девчонок за косы на переменах он не любил и не понимал, зачем нужны эти паузы между уроками, пока не сообразил, что они нужны, чтобы дома не делать домашних заданий. Единственное, на что всё-таки приходилось дома обращать внимание, это на литературу, особенно, когда задавали что-то выучить наизусть. Этим исключением Сергей занимался перед сном. Пять раз он вслух читал необходимый текст, потом ложился в кровать, имея учебник под рукой, закрывал глаза и по памяти пробовал пересказать, что читал. Если в одном-двух местах сбивался, то подсматривал, чтобы рассказать до конца. А потом засыпал. Если сбивался чаще, то прочитывал текст ещё раз три и... засыпал.

Утром читал ещё три раза и шёл в школу, по дороге наизусть повторяя выученное. А так как при такой собственной системе учился он на одни пятёрки, то родители никогда не проверяли, сделал сын уроки или нет. И в школу отца ни разу не вызывали. Сын их не беспокоил, как и они его... в вопросах учёбы, конечно.

Итак, с уроками на сегодня покончено, и, раз погода плохая, осталось выбрать, каким из двух своих любимых дел он сегодня займётся. Первое дело – игра в солдатики, второе – выпуск домашнего журнала.

Первый номер журнала он выпустил в прошлом году, когда болел и в школу не ходил. Нет, сначала он пытался выпустить газету. Но большого листа, очень большого, который сгодился бы для написания на нём названия: «Домашняя газета» и какого-нибудь текста с картинками, у Сергея под рукой не оказалось. Тогда он решил выпускать домашний журнал. Сергей взял чистую двенадцати листовую тетрадь в линейку и написал на обложке название, которое придумалось сразу, «Луч». Из подшивки старых журналов «Огонёк» и «Крестьянка», что пылились в кладовке, он вырезал всякие картинки, которые наклеивал на обложку, а страницы заполнял всякими заметками, объявлениями по дому и смешными историями из тех же старых журналов. Кое-что он придумывал сам.

В прошлом году вышло четыре номера «Луча», а в этом – пока два. Пора было начинать выпуск третьего номера, но это – ближе к вечеру.

А сейчас – игра в войну!

Сергей с детства помнил сказку про оловянного солдата. Нет, настоящих оловянных или даже пластмассовых солдатиков у Сергея не было. Ну где он в своём шахтёрском посёлке на Западной Украине найдёт таких солдатиков для своей армии? Нет тут таких! И никогда не было. Но есть игра, которая называется «Лото», в комплект которой входят деревянные бочонки с номерами от «1» до «90». Это же девяносто воинов! Бочонки с обычными цифрами были простыми солдатами, бочонки с нолями: «10», «20» ... «80» - были офицерами, а номер «90» был главнокомандующим. Сражения разворачивались на

полу на всю ширину дорожки. Ничего, что солдаты были толстоваты, можно было не думать о продуктах и кухне для них, больше внимания сосредоточив на оружии, которое изготавливалось из пластилина. А танки и грузовики мастерились из спичечных коробков. Нет, не тех, что по одному экземпляру хранились в большой картонной коробке под кроватью у Сергея вместе с коллекцией этикеток от спичечных коробков, которую он собирал всю свою сознательную жизнь, а других... попроще. Слева и справа от дорожки, на которой размещались войска и техника, курсировали военные корабли, сделанные из бумаги. Деревянный пол был покрыт красно-коричневой краской, поэтому море называлось «Красным». Сергей знал, что такое море на Земле существует, наряду с Азовским и Чёрным морями. Но где взять столько чёрной краски, чтобы пол дома стал похожим на Чёрное море? Да и родным вряд ли эта затея понравится. Пусть море остаётся красным.

Когда битва на полу уже заканчивалась, Сергей услышал, как сначала открылась входная дверь, а потом из веранды донеслось цоканье маминых каблуков. Мама пришла с работы. А работала она в школе, в той же, где учились сыновья.

Сергей знал, что по профессии мама была агрономом... Точнее, она выучилась в институте на агронома, но в настоящее время работала учительницей биологии и зоологии в школе, то есть по профессии она сейчас была учительницей. Никаких тетрадок она домой не приносила. Возможно, по примеру младшего сына все школьные дела она старалась максимально сделать в школе, чтобы дома заниматься детьми и мужем.

Сергей быстро собрал остатки своей армии, потому что они мешали проходу к шкафу с одеждой.

– Ты голодный? – спросила мама.

Сергей отрицательно покачал головой, хотя от этого вопроса у него тут же засосало под ложечкой. Он вспомнил, что, придя домой, сразу занялся своей армией. А мама всегда, уходя на работу, оставляла что-то съестное на кухне.

Но мама есть мама. Она даже не прореагировала на сыновье мотание головой, и минут через десять позвала того на кухню, где уже весело шипел керогаз, и пахло чем-то вкусным.

Поев, Сергей уже собирался уходить из-за стола, как его остановил мамин вопрос:

– А что это Матвей Никитович тобой недоволен?

Речь шла о классном руководителе, к которому со стороны Сергея претензий не было, а вот со стороны Матвея Никитовича... Сергей не стал подробно рассказывать маме всю подноготную сторону конфликта, так как мама, вероятней всего, всё или почти всё уже знала. Дело, собственно, было даже не в классном руководителе, а в его дочке Люське, учившейся в одном классе вместе с Сергеем. Люську в классе никто не любил, и никто с ней не дружил. Она сама старалась держаться от одноклассников на дистанции. Может, это отец так дочь воспитывал и инструктировал, может, характер у неё был такой необщительный, что она сторонилась всех и даже одноклассниц... Но одноклассникам казалось такое поведение довольно высокомерным, если на сказать чванливым. И вот вчера на перемене на какие-то обидные слова в свой адрес со стороны одноклассника Люська запустила в него чернильницей. Чернильница-невыливайка, конечно, была рассчитана на многие случаи своего нестандартного применения в школе, но только не для использования в виде метательно-летательного инструмента. Короче, несколько капель чернил из неё в процессе полёта всё-таки

вылетело. Сама чернильница в школьника не попала, но чернила попали и в одноклассника, и на стену. А Сергей, как редактор стенной газеты, тут же всё нарисовал: и Люську, и чернильницу, и капли, разлетающиеся в разные стороны. Причём никаким текстом этот рисунок, а точнее, карикатура не подкреплялась, никаких подписей там не было. Просто какая-то девочка (потому что с косичками) бросала чернильницу (потому что из той вылетали капли чернил)... Когда классный руководитель увидел такой рисунок в стенгазете, то просто взял и снял газету со стены и унёс куда-то. И всё! Конфликт на этом, как считал Сергей, и закончился, так как никто ни с кем на эту тему больше не разговаривал, никто никого не ругал и никаких разборок не учинял. Сергей понимал, что в таких случаях со взрослыми лучше не связываться, ничего с ними выяснять не надо, а с учителями – тем более. Всё равно взрослые окажутся правы, даже если они не правы. Это же разные весовые категории. Это как молодая футбольная команда их посёлка, собираясь участвовать в первенстве района, сыграла неделю тому назад товарищескую игру с командой, участвующей в первенстве области. Счёт был 0:14 – не в пользу молодёжи.

– Не знаю, – сделал наивное лицо Сергей. – Мне он ничего не говорил.

– Ладно! Спустись в подвал и набери немного картошки. Отец скоро придёт, – сказала мама, хлопоча на кухне.

Сергей выполнил поручение, посидел немного на кухне, так не мог решить, чем заняться дальше. Выпускать журнал ему уже расхотелось... Может, книжку почитать? На день рождения сын директора школы подарил Сергею книгу «Петрушка – душа ско-

морощья», которую Сергей уже начал читать. Но сначала надо было у мамы кое-что уточнить.

– Мам, а почему ты училась на агронома, а работаешь учительницей? – спросил сын.

– А разве в шахтёрском городке нужны агрономы? – в свою очередь задала вопрос мама. – Агрономы нужны в колхозах. Я что, должна бросить вас с отцом здесь, а сама уехать в какой-нибудь колхоз в районе?

– Так тогда тебе надо было учиться на учителя, а не агронома. – сказал Сергей. – Вот Матвей Никитович рассказывал нам, что он учился в институте на учителя. И работает учителем.

– Ох, сынок, – не всё в жизни так просто. Я же собиралась работать агрономом не здесь, а около своих родителей... Может, даже и в Осипенко, где сейчас живут дед Панас и бабушка Дуня. Но после института меня по распределению отправили сюда... в Волынскую область. Хорошо, что и отца отправили сюда, помогать строить шахты.

– Так вы вместе сюда приехали? – уточнил Сергей. – А поженились вы когда и где?

Мама поняла, что пришло время подробно рассказать сыну, как и почему она вместе с отцом, будучи родом из Восточной Украины, оказались на Западной Украине.

Встретились и познакомились студентка Ворошиловградского сельхозинститута Люба Годенко и горный мастер Леонид Александров в шахтёрском городе Ворошиловграде в парке. Люба училась на третьем курсе и жила в общежитии, а шахтёр Лёня из Краснодона был направлен на годичные курсы по освоению новой техники и оборудования в областной центр и тоже жил в общежитии. Но жили они в разных общежитиях. При первой случайной встрече в городском парке Люба

сильно понравилась молодому шахтёру, и он добился её согласия встретиться здесь же в следующее воскресенье. Подготовился он к той встрече основательно. Придя в парк на полтора часа раньше назначенного времени, Леонид обошёл все аттракционы и киоски с цветами и мороженым, со всеми договорился, с кем-то даже и расплатился.

Люба долго сомневалась, идти или нет на встречу с этим молодым человеком. Да, он показался ей симпатичным, весёлым, активным... Но одно дело гулять по парку с подругами, а совсем другое дело идти туда одной. Но любопытство пересилило, тем более, что никакого другого парня на примете у Любы не было. В конце концов, не понравится, так не понравится...

Но в планах Лёни варианта «не понравится» не было. Они гуляли по парку, где все им улыбались. Подошли к киоску с цветами.

– А дайте, пожалуйста, моей девушке самый красивый букет, – сказал Леонид.

Продавщица тут же вручила Любе огромный букет. И они пошли дальше. Подошли к тележке с мороженым.

– А дайте мой девушке самое вкусное мороженое, – попросил Леонид.

И просьба тут же была выполнена.

И только после получения вкусного эскимо, Люба обратила внимание, что ей все продавцы улыбаются и всё дают... бесплатно, так как о деньгах никто даже не заикался.

То же было и на разных аттракционах...

– А почему мы никому не платим? – спросила удивлённая девушка своего спутника.

– Шахтёров и их девушек здесь все уважают, – ответил ей Леонид.

И Люба поняла, что за такого парня надо держаться.

Через три месяца их знакомства в очередное воскресенье Леонид повёз девушку в Краснодар, чтобы познакомить со своими родителями. Когда мама Леонида, сказала, что, может, рановато им думать о свадьбе, надо лучше узнать друг друга, её муж Иван Александров произнёс:

– Клава, мы были точно такими же и познакомились в этом же парке.

Скоро сыграли свадьбу, затем родился Николай... И только потом Люба закончила институт, получив диплом агронома. Подошло время так называемого распределения, кто куда будет направлен на работу после института. И тут Леонид узнаёт, что группу специалистов горняков с Донбасса отправляют на Западную Украину, чтобы помочь там в освоении и развитии Львовско-Волынского угольного бассейна, и что он является одним из кандидатов на такую поездку. А Люба узнаёт, что планируется одну группу выпускников Ворошиловградского сельхозинститута, в основном, агрономов и зоотехников, распределить и направить в Волынскую область на западе Украины. Леонида вместе с товарищами вызывают к первому секретарю Ворошиловградского обкома КПСС, где он во время приёма выдвигает идею, что раз туда же едут и выпускники сельхозинститута, то почему бы эти группы не объединить. Ехать на другой конец Украины девушкам агрономам будет легче вместе с надёжными парнями шахтёрами. Идея понравилась присутствующим чиновникам. И вот случилось, то, что случилось. В сентябре 1952-го года 6 горняков и 5 выпускниц сельскохозяйственного института прибыли вечером в шахтёрский посёлок Нововолынский Волынской области. В райкоме им сказали, что уже поздно, начальства нет... Поэтому всем прибывшим специалистам нужно пройти в общежитие, где уже подготовлены для них места, а утром

их снова ожидают в здании райкома, где прибывшее начальство их примет и распределит.

Рассказывала мама эту историю, может, не так подробно, упуская какие-то, как ей казалось, мелкие факты, несущественные моменты, но Сергей, кое-что слышавший о знакомстве родителей и их отправке в Нововолынск от старшего брата, мысленно дополнял то, что пропустила мама.

– Вот так мы попали сюда, – сказала мама и сделала паузу, так как ещё не решила, стоит ли рассказывать сыну дальше, поймёт ли он правильно, то, о чём в их семье не принято было говорить. Глаза её потемнели... Она понимала, что рано или поздно об этом надо будет сыну рассказать. Поймёт ли он? Приняв решение, он спросила:

– Ты знаешь, кто такие бандеровцы?

– Да! – ответил сын. – Я же в прошлом году был в пионерском лагере. Там мы познакомились с местными пацанами. И когда ходили в поход, они нам показали крайний дом у леса, где был бой с этими бандеровцами. А потом водили и показывали место, где был «схрон», землянка, в которой эти бандеровцы прятались.

– Хорошо, – сказала мама, присев на стул, – тогда слушай дальше. Расположились на ночь мы в здании, в котором с одной стороны было общежитие, а с другой стороны, что-то вроде гостиницы. Сейчас там ДОСААФ размещается...

– Я знаю, где это, – сказал Сергей.

– Погода была дождливая. Ночью дождь усилился, поднялся сильный ветер, затем разразилась гроза с громом и молнией. А в середине ночи в двери наших комнат стали громко стучать и требовать, чтобы мы вышли в коридор. Мы вышли... Нас ожидали люди в плащах с капюшонами, с которых стекала вода... и с оружием в руках. Они построили нас, нашу группу, всех

одиннадцать человек, прибывших сюда вечером, в одну шеренгу. Вперёд вышел один из них и, не снимая капюшона с головы, громко сказал:

– Долго разговаривать с вами мы не будем. Знайте, что ваш приезд сюда нежелателен. Поэтому, если кто из вас завтра не уедет отсюда туда, откуда вы приехали – пеняйте на себя. Разговор будет ещё короче!

Он повёл стволом, как я поняла, немецкого автомата... (Я в кино такой видела!) в нашу сторону, потом резко развернулся и вышел. Остальные так же молча, держа в руках оружие, кто такие же автоматы, а кто – обрезы, последовали за ним.

Мама помолчала. В её глазах блеснули слёзы, потому что ей сейчас ещё раз пришлось пережить ужас той ночи.

Сергей молча подошёл к маме и прижался к ней. Мама обняла сына, и они какое-то время молчали.

– Понимаешь, мы и сказать-то ничего не могли. И отец твой молчал. У них же оружие... А утром все девушки, кроме меня, собрали чемоданы и уехали... Им же предстояло в сёлах работать, а если эти... пришли сюда в шахтёрский посёлок, то что говорить о сёлах. А мы с твоим отцом и остальными шахтёрами остались. А через полгода в феврале родился ты...

Сергей вдруг понял состояние мамы. Не за себя она тогда, в том строю в коридоре, переживала! Потому что в строю находилось не одиннадцать человек, а... двенадцать. Он, ещё не родившись, тоже был в том коридоре вместе с родителями.

– Мама, – сказал Сергей тихо, но решительно, – Я вырасту и буду тебя защищать... И тебя, и отца... и всех.

II

Первый секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев вошёл в свой кремлёвский кабинет в приподнятом настроении. Для абсолютного большинства советского народа сегодняшний день – 14 октября 1965-го года – обычный рабочий день, но для Леонида Ильича это памятная дата. Ровно год назад на Октябрьском пленуме ЦК КПСС его избрали руководителем Коммунистической партии Советского Союза. Самые близкие его соратники, товарищи по партии и по духу уже поздравили его с этим событием. Некоторые, в особенности представители «старой гвардии», даже те, кто голосовал за него год назад, даже и не вспомнили об этой дате, продолжая считать товарища Брежнева временщиком на таком высоком посту, которого всё равно скоро надо будет менять на более достойного представителя «старой гвардии».

Думал ли Брежнев, простой рабочий парень, в начале своего жизненного пути, работая землемером в России и Белоруссии и слесарем на Украине, что сможет стать партийным лидером, руководителем такого масштаба? Конечно нет. Но пройдя высокие посты руководителя партии сначала Молдавской ССР, а затем – Казахской ССР, а также Председателя Президиума Верховного Совета СССР, имея опыт работы на различных постах в ЦК КПСС, являясь Героем Социалистического Труда, он к 1964-му году уже созрел, чтобы подняться ещё выше. Лишение Брежнева в июле 1964-го года высшей государственной должности в стране, какой являлась должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР, и на которую неожиданно был избран Анастас Иванович Микоян, была очередным тревожным звоночком для партийного функционера

Леонида Ильича Брежнева. Он всегда следовал указаниям и советам Никиты Сергеевича Хрущёва, Первого секретаря ЦК КПСС, поддерживал его инициативы, даже и несколько авантюрные, типа засадить максимальные площади в стране кукурузой или отправить ракеты, в том числе и с ядерными боеголовками, на Кубу. Но в последние годы политика, особенно кадровая, которой стал придерживаться Хрущёв, и его заявления о необходимости кардинальных изменений в руководстве страной стали вызывать определённые опасения... и не только у одного Брежнева. Конечно, Леонид Ильич, как человек, длительное время прослуживший в армии, прошедший войну, понимал значение исполнительности, дисциплины и единоначалия в армии, где все решения зависят от командира, в конечном счёте, отвечающего за свои слова и достигнутый результат. Но страна, как и вся Коммунистическая партия, – это не армия. И единоличные, волюнтаристские методы руководства огромной страной могут привести к непредсказуемым последствиям. Первые трения в отношениях между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Брежневым и Первым секретарём ЦК КПСС Хрущёвым начались в 1963-м году. Леонид Ильич хорошо помнил события, предшествующие этому.

21 августа 1963-го года самолёт Ту-124 авиакомпании «Аэрофлот» с бортовым номером 45021 вылетел из аэропорта Юлемисте, выполняя регулярный рейс из Таллина в Москву. Почти сразу же после взлёта экипаж обнаружил, что при уборке шасси носовая стойка осталась в промежуточном положении. Все попытки исправить ситуацию окончились неудачей. О проблеме тут же сообщили на землю, планируя вернуться обратно, что было самым безопасным. Дополнительные сложности создавали полностью заправленные топливом баки. Но

диспетчеры эстонского аэропорта, понимая, что аварийная посадка на их аэродроме может иметь трагические последствия, отправили самолёт в направлении Ленинграда, мотивируя своё решение туманом, который вроде уже успел закрыть их взлётную полосу. Подлетев к Ленинграду, Ту-124 начал облетать город на малой высоте, пытаясь максимально выработать топливо для снижения вероятности пожара при посадке и неблагоприятных последствий, если он всё таки возникнет. А экипаж всё это время пытался выпустить заклинившую носовую стойку шасси. На восьмом круге у самолёта отказал левый двигатель, хотя топлива было более чем достаточно. В аэропорту «Пулково» уже ожидали проблемный борт, и все аварийные службы были стянуты к грунтовой полосе, куда самолёт должен был приземлиться «на брюхо». В такой ситуации экипажу было дано разрешение на сквозной пролёт к аэропорту через центр города. Но при полёте над городом у самолёта отказал и правый двигатель. Самолёт превратился в огромный планер, который падал с высоты 500 метров прямо на город.

В этот момент командир воздушного судна тридцатилетний Виктор Мостовой принял два совершенно правильных решения: совершить приводнение самолёта на Неву, передав при этом управление второму пилоту Василию Чеченеву, ранее служившему в военно-морской авиации и имеющему опыт приводнения самолётов.

Пролетев буквально в четырёх-пяти метрах над строящимся мостом Александра Невского, самолёт совершил идеальное приводнение на поверхность реки шириной около 400 метров в районе Александро-Невской лавры. Находящийся неподалёку буксир подоспел на помощь и отбуксировал самолёт к берегу, куда все пассажиры были успешно эвакуированы. Из находившихся

на борту самолёта 52-х человек никто не погиб и даже не пострадал.

Казалось всё... Все молодцы! За проявленное мастерство, хладнокровие и мужество, что привело к спасению пассажиров, экипаж надо наградить и забыть про это дело. Начальство этих лётчиков так и поступило, подготовив документы на награждение экипажа орденами Красной Звезды.

И эти документы поступили на подпись к Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу, который собирался их подписать. Но тут между ним и товарищем Хрущёвым состоялся следующий разговор.

– Леонид Ильич, – сказал Первый секретарь ЦК КПСС, – я думаю, что награждать этих пилотов не стоит.

Широкие густые брови Брежнева поднялись от удивления, так как он никак не ожидал такого предложения. Он промолчал, ожидая дальнейшего объяснения.

– Понимаешь... Пилоты совершили то, что и должны были совершить. Каждый советский человек на своём рабочем месте должен трудиться честно и профессионально. И многие так и делают. Но мы же не можем всех наградить за профессиональное исполнение служебных обязанностей. Пилоты сделали то, что умели, что должны уметь. Но не это главное. Помнишь, как в 1960-м году мы посмертно наградили лётчика, сбитого по ошибке нашими же ракетами, когда стреляли по американскому самолёту-шпиону.

– Конечно! – ответил Брежнев, не понимающий, куда клонит Хрущёв. – Я подписал Указ о награждении лётчика Сафронова орденом Красного Знамени посмертно, за мужество, проявленное при задержании самолёта-шпиона, пилотируемого Пауэрсом.

– Вот! – констатировал Хрущёв известные ему факты. – Этот Сафронов погиб при выполнении боевой задачи, и обстоятельства его гибели относились как к военной, так и к государственной тайне. И Указ о его награждении был засекреченным и нигде не публиковался. А сейчас что? Пилоты выполняли плановый полёт, в ходе которого совершили аварийную посадку. Если мы Указ об их награждении опубликуем, то тут же всех, особенно наших «друзей» на Западе заинтересует вопрос о техническом состоянии нашей гражданской авиации. Самолёт-то новый!

– Точно так, Никита Сергеевич, самолёт выпущен в прошлом году Харьковским заводом.

– Вот! И всякие там «голоса Америки» вовсю начнут трубить, что авиастроение у нас, как и автомобилестроение, отстаёт, наша техника проигрывает западным образцам. Проще говоря, мы подставимся и выглядеть будем... хреново. А не публиковать такой указ оснований у нас как бы нет. Поэтому с политической точки зрения подписание такого указа о награждении пилотов нецелесообразно.

Брежнев немного поупирался, мол, пилоты, действительно, молодцы и достойны награждения орденами, но разве Хрущёва переубедишь?

Леонид Ильич поинтересовался у руководства «Аэрофлота», какие меры поощрения оно приняло в отношении отличившихся пилотов. Оказывается, командир и штурман получили двухкомнатные квартиры, второй пилот был повышен до командира экипажа. Не забыли и капитана буксира, которого наградили часами и почётной грамотой.

А тут ещё неожиданно после инсульта в 1963-м году и инфаркта в начале 1964-го года покинул свой пост секретарь ЦК КПСС Козлов Фрол Романович, которого

многие считали преемником Хрущёва. Формально он оставался на своей высокой должности, как сказал Хрущёв «по гуманным соображениям», но все понимали, что работать он больше не сможет. Козлов практически руководил «малым» Советом Министров СССР, часто вместо Хрущёва подписывая важные документы. И эти решения были в достаточной степени продуманы и обоснованы. Тяжёлое заболевание Козлова кардинальным образом изменило расклад сил в ближайшем окружении Н.С. Хрущёва и в Президиуме ЦК КПСС в целом. А Хрущёв на августовских и сентябрьских совещаниях продолжал активно выражать своё недовольство ситуацией в стране, говоря о необходимости перестановок в высших эшелонах власти. Медлить было нельзя. От человека, чуть не начавшего ядерную войну два года назад из-за конфликта между США и Кубой, можно было ожидать всего. Леонид Ильич, опираясь на своих единомышленников, решил действовать, в результате чего ровно год назад Хрущёв «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья» отправился на пенсию, а Брежнев сегодня отмечает первую годовщину своего избрания на высший пост в СССР – первым секретарём ЦК КПСС.

Брежнев сел за рабочий стол. Его кабинет находился на третьем этаже в левом крыле Сенатского дворца. То, что под ним на втором этаже находился бывший кабинет Сталина, абсолютно не беспокоило Леонида Ильича, потому что, как он высказался однажды в кругу своих единомышленников: «Хрущёв развенчал культ Сталина после его смерти, а мы развенчали культ Хрущёва при его жизни!»

В конце концов, именно Сталин на XIX съезде партии обратил внимание на рослого и пышущего здоровьем Брежнева, занимавшего в то время пост руково-

дителя ЦК КП(б) Молдавии, и сказал: «Какой красивый молдаванин!»

«А почему я, наряду со всеми партийными секретарями... в республиках, областях и даже в районах, называюсь первым секретарём? – задал себе вопрос Брежнев. – Выше меня партийной должности в стране нет. Пора уже ставить вопрос перед товарищами, чтобы моя должность называлась «Генеральный секретарь». За год сделано много, положительные результаты, как говорится, на лицо. Так что можно уже поднимать этот вопрос.»

...Были, конечно, и упущения... Но не критические, а так... на уровне недочётов, недоработок. Обидно было для Леонида Ильича, который ещё в должности руководителя партии в Казахстане активно включился в строительство ракетного полигона Тюра-Там, предназначавшегося для стартов межконтинентальных ракет, выводящих на околоземную орбиту космические аппараты, и ставшего впоследствии всемирно известным «космодромом Байконур», что именно в космической отрасли произошли сейчас эти сбои. Брежнев, долгое время на правах секретаря ЦК по оборонной промышленности курировал космическое направление и после первого полёта человека в космос получил даже звание Героя Социалистического Труда, поэтому он следил за состоянием космической программы в стране, знал её возможности и перспективные планы по дальнейшему освоению космоса. И тут в марте этого года случилось происшествие, чуть было не закончившееся гибелью космонавтов Беляева и Леонова. Возвращаясь на Землю на восемнадцатом витке вокруг Земли после удачного (первого в мире!) выхода человека в открытый космос, совершённого космонавтом Леоновым, в системе ориентации космического корабля «Восход-2» произошёл сбой.

Но на земле об этом ничего не знали, так как корабль вышел из зоны радиосвязи, и только на следующем витке появился в эфире. В ЦУПе были уверены, что посадка проходит штатно, но тут космонавты доложили, что по-прежнему болтаются между Землёй и космосом, что они отключили автоматическую систему спуска и просят разрешить перейти на ручное управление. Получив согласие, Леонов вылез из кресла и лёжа, глядя в иллюминатор, ориентировал Беляева. Всё это время корабль продолжал полёт, поэтому космонавты, вручную управляя кораблём и тормозным двигателем (тоже впервые в мире!), приземлились не в казахстанской степи, а в нерасчётном районе. Только на третьи сутки их нашли в глухой тайге при сильнейшем морозе в 180 км севернее города Пермь. Спускаемым аппаратом за это время заинтересовались медведи, и космонавтам несколько раз приходилось отпугивать их стрельбой из пистолета Макарова (ПМ), которым они были вооружены. Чтобы не замёрзнуть, космонавтам пришлось ободрать изоляцию скафандров и завернуться в неё как в одеяла. Спасатели, на лыжах пробившиеся к космонавтам по глубокому снегу, вынуждены были рубить лес в районе посадки «Восхода», чтобы расчистить площадку для приземления вертолётa. В сообщении ТАСС это назвали посадкой в «запасном районе», который на самом деле являлся глухой пермской тайгой. Также народу объявили, что космонавты два дня отдыхали в Перми.

Да и сам выход в открытый космос из корабля чуть не закончился гибелью Леонова, так как его скафандр раздулся и влезать в шлюз не хотел, из-за чего космонавту пришлось выдохнуть, которым он, вообще-то, дышал, стравливать из скафандра. В шлюз Леонов вошёл головой вперёд, и чудом смог перевернуться. Пот лил с него ручьём, разъедал глаза, температура тела повысилась до

39 градусов. За 12 минут нахождения в космосе Леонов потерял 6 килограммов.

Брежнев собирался обстоятельно обсудить тогда состояние дел в космической отрасли, но ему доложили об ухудшении здоровья Генерального Конструктора Сергея Королёва.

«Пусть летом отдохнёт в Крыму, а позже вернёмся к этому вопросу, – решил тогда Брежнев. – И посмотрим, как пройдёт, запланированный на конец осени запуск космического аппарата на Луну».

Было от чего беспокоиться Леониду Ильичу. Американцы в 1965-м году активизировались в освоении космоса и начали стремительно догонять СССР в этой необъявленной битве за космос. В марте стартовал их двухместный корабль, в июне на четверо суток полетел ещё один. Американский астронавт на 22 минуты вышел в открытый космос, вдвое превысив время пребывания в открытом космосе Алексея Леонова. В августе американский космический корабль провёл в космосе 8 суток, вновь побив советский рекорд.

Вообще-то, как заметил Леонид Ильич, американцы к решению различных задач подходят своеобразно, со специфическими взглядами и, можно сказать, нестандартными подходами. И если результат не соответствует общепринятым требованиям и взглядам, то американцы «ничтоже сумняшеся» (хотя они и не знают такого выражения) доказывают, что у них-то как раз всё правильно, так как их правила более точные и лучшие. Взять, к примеру, первый полёт американского астронавта в космос. Что с того, что советский Гагарин первым улетел в космос, облетел Землю и через 108 минут вернулся на Землю?! Зачем так заморачиваться? По расчётам специалистов NASA космос начинается на высоте 122 км от Земли. Надо подняться на эту высоту и всё – ты уже

астронавт. Правда международные эксперты будут считать, что это не столько «полёт», сколько «прыжок» в космос, но кто их будет слушать? Зато можно через 15 минут уже вернуться назад на Землю, практически туда, откуда стартовала ракета. Так американцы и сделали, отправив астронавта Шепарда 5 мая 1961 года на ракетеносителе «Редстоун» в космос. Ракета, в которой отсутствовал иллюминатор, достигла высоты 187 км, после чего включились тормозные двигатели, и спускаемый аппарат стал падать на Землю. Но за время, прошедшее от старта до приземления, оказывается, Земля чуть-чуть повернулась, и астронавт приводнился в Атлантический океан почти в 500 км от точки старта на мысе Канаверал. Но самое смешное в этой истории была засекреченная информация об одном эпизоде, случившемся во время такого исторического события. Пришла она по каналам внешней разведки и немало позабавила руководителей СССР и КПСС. Дело в том, что, так как этот полёт американские специалисты планировали провести в течение всего 15 минут, то возможности удовлетворения астронавтом естественных человеческих потребностей в ходе полёта не предусматривалось. Астронавт занял своё место в ракете, люк задраили, а старт отложили... Сначала из-за ухудшившейся погоды, а затем из-за сбоя в работе главного компьютера. И Шепард в ожидании старта более 4 часов находился в обитаемой капсуле, размером с кабину обычного истребителя. И вот, когда все проблемы были разрешены и все службы начали готовиться к непосредственному старту, оказалось, что астронавт захотел в туалет, справить малую нужду. А такая процедура как раз и не была предусмотрена... Что делать? Переносить старт? А уже идёт прямая трансляция с космодрома, вся Америка прильнула к экранам телевизоров в ожидании триумфа американской науки и

техники. В результате срочного совещания был найден выход: справиться нужду прямо в скафандр, от которого предварительно надо отключить электропитание, так как скафандр буквально утыкан электронными датчиками. Попадание на них влаги неминуемо привело бы к замыканию и гибели астронавта. К счастью для США, пилот не погиб, так как бельё впитало мочу, и спустя какие-то минуты ракета стартовала. Вот так в буквальном смысле слова была подмочена репутация американской космической программы.

Леонид Ильич знал, что Королёв сделал ставку на принципиально новый многоместный корабль «Союз», у которого объём жизненного пространства был намного больше, чем у «Востока». «Союз» мог маневрировать на орбите и стыковаться с другими космическими кораблями. В июне 1965-го года космонавты уже начали тренировки на новых тренажёрах и на макете «Союза».

Леонид Ильич протянул руку к телефону, чтобы вызвать дежурного секретаря из приёмной, но, передумав, звонить не стал. На сегодняшний день он вроде ничего не планировал, кроме одной встречи, а какие-то текущие документы потерпят до завтра.

Но тут раздался звонок, и дежурный доложил, что прибыл Министр обороны маршал Советского Союза Малиновский Родион Яковлевич.

Об этой встрече они договорились несколько дней тому назад после разговора накоротке, поняв, что есть дела, которые надо осудить более подробно.

– Пусть заходит! – сказал Брежнев в трубку.

В кабинет чётким шагом зашёл широкоплечий коренастый военный в маршальском мундире с двумя медалями «Золотая Звезда», Поправив седые волосы, аккуратно зачёсанные назад, он подошёл к столу и, пожимая руку Брежневу, сказал:

– Здравия желаю, Леонид Ильич! Разрешите от имени всего личного состава нашей армии поздравить вас с годовщиной нахождения на высоком и важном посту и заверить, что все задачи, поставленные перед Вооружёнными силами Советского Союза партией, которую возглавляете вы, мы выполним!

– Спасибо Родион Яковлевич, присаживайся. Знаю, что ты в этом году ещё не отдыхал. Когда – в отпуск?

– Да вот парад седьмого ноября проведу и поеду. Да и вы вроде ещё не отдыхали? – с сочувствием в голосе сказал министр обороны.

Действительно, год 20-летия Победы выдался напряженным, и пока ещё некогда было думать об отпуске. Всё закрутилось ранней весной после подписания Указа о восстановлении празднования Дня Победы, отменённого в 1947-м году. В стране проводились различные массовые мероприятия, все бывшие фронтовики получили медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», наконец, впервые с июня 1945-го года на Красной площади 9 мая прошёл военный парад.

Но эти все события происходили внутри страны, а сейчас Брежнева беспокоила внешнеполитическая обстановка, особенно вокруг Демократической Республики Вьетнам. В начале марта США начали регулярные бомбардировки Северного Вьетнама, а затем в районе стратегического аэродрома Дананг высадилось 3500 американских морских пехотинцев. В ответ на эскалацию там военных действий со стороны США с апреля 1965-го года во Вьетнам началась поставка советских ракет класса «земля-воздух» для отражения налётов американской авиации.

Ещё свежи в памяти были события 1962-го года в ходе так называемого «Карибского кризиса», чуть не завершившегося ядерной войной, поэтому Брежнев не хо-

тел повторения подобного сценария.

Министр обороны доложил Первому секретарю ЦК КПСС о мерах, предпринимаемых для поддержки вьетнамских товарищей в борьбе с международным империализмом в лице США и сайгонского режима. Кроме того, Малиновский рассказал об эффективных действиях северовьетнамских войск, которые, широко используя методы партизанской войны, наносят большие потери, как войскам Южного Вьетнама, так и поддерживающих сайгонский режим морским пехотинцам США.

– Вьетнамские партизаны – это поистине высочайшие мастера маскировки и диверсионно-подрывной деятельности. Мне доложили об одном случае, когда вьетнамцы замаскировались в месте, удобном для оборудования аэродрома. И там действительно, вскоре американцы построили аэродром со всеми мерами предосторожности и охраны периметра аэродрома. Никто и подумать не мог, что партизанам не надо проникать на аэродром извне, так как они уже расположились внутри территории аэродрома. После нескольких ночных вылазок, когда всё на аэродроме: самолёты, склады с топливом и боеприпасами – стало рваться и гореть, американцы вынуждены были покинуть это место, так и не поняв, откуда на охраняемом объекте появляются эти неуловимые партизаны. Помните, бандеровские землянки и укрытия на Западной Украине после войны? – спросил Малиновский Брежнева. – У вьетнамских специалистов это дело поставлено более профессионально.

Брежнев хорошо это помнил, так как, после войны на базе 4-го Украинского фронта, начальником политуправления которого служил генерал-майор Брежнев, был сформирован Прикарпатский военный округ, расположившийся как раз на территории Западной Украины, где мир, в отличие от других округов, не наступил. Здесь

вовсю орудовали отряды Украинской повстанческой армии, руководимые украинскими националистами. К Брежневу, члену Военного совета Прикарпатского военного округа, стекались сведения о многочисленных преступлениях националистов. Особенно много их указывалось в донесениях начальника политотдела Львовского облвоенкомата Суворова и его коллеги с Волыни Грицова. Бандеровцы убивали красноармейцев, сотрудников правоохранительных органов и представителей интеллигенции, приехавших «с востока», а также местных активистов, уничтожали целые семьи, не щадя маленьких детей. Часто действовали, переодевшись в форму демобилизованных красноармейцев, настраивая местное население против советской власти. Обычным делом были одиночные убийства военнослужащих, после чего преступники сразу скрывались в лесах, в оборудованных земляных укрытиях, где их сложно было найти. Только в 1954-м году был арестован последний, оставшийся на свободе лидер УПА.

Так что не понаслышке знал Брежнев, что такое антисоветское бандеровское движение, так как столкнулся с ним непосредственно. И в своей работе на этом направлении он руководствовался словами того же Сталина, который ещё весной 1941-го года высказался на эту тему: «Не случайно презренные предатели украинского народа – лидеры украинских националистов, все эти мельники, коновальцы, бандеры уже получили задание от немецкой разведки разжигать среди украинцев, которые те же русские, ненависть к русским и добиваться отделения Украины от Советского Союза. Все та же старая песня древних времен ещё с периода существования Римской империи: разделяй и властвуй... Недооценивать националистов не следует. Если разрешить им безнаказанно действовать, они принесут

немало бед. Вот почему их надо держать в железной узде, не давать им подкапываться под единство Советского Союза».

А всего за 10 лет борьбы с бандеровцами (в течение 1945-1955 годов) на Западной Украине погибло около 25 тысяч советских военнослужащих, сотрудников органов госбезопасности, милиции и пограничников, а также около 30 тысяч представителей советского и партийного актива. Зная эти секретные сведения, в одном из своих выступлений Брежнев так высказался об этом:

«Иностранные империалисты и их прислужники – буржуазные националисты – не останавливались ни перед чем, пытаясь превратить Украину в опорный пункт борьбы против... Советского государства».

Подобные отряды, так называемых «лесных братьев», кстати, активно поддерживаемые иностранными спецслужбами, действовали после войны не только на Украине, но и в Прибалтике. Весной 1965-го года Леониду Ильичу доложили о том, что во время чекистской облавы на северо-востоке Литвы погиб последний бандит из антисоветских литовских «партизан». Знал Брежнев, что работа по выявлению представителей националистического подполья, виновных в смерти советских граждан в Прибалтике, продолжается и сейчас.

– Хорошо! – оценил Брежнев умелые действия вьетнамских товарищей. – Главное, и ты, Родион Яковлевич, это понимаешь, нам нельзя сильно ввязываться в эту войну, не говоря уже о поставках туда серьёзных ракет, тем более, с ядерными боеголовками. Мы наоборот, готовимся представить на Генеральную Ассамблею ООН проект резолюции о нераспространении ядерного оружия. Да и потери во Вьетнаме в личном составе нам не нужны. Сколько мы потеряли людей на Кубе?

Малиновский посмотрел бумаги, находящиеся в папке, принесённой с собой, и ответил:

– В период с 1 августа 1962-го года по 16 августа 1964-го года на Кубе погибло 64 советских гражданина, в основном, конечно, это военнослужащие.

– А американцев сколько погибло?

– Один, – виноватым голосом, словно в этом был повинен лично он, ответил Малиновский. – Майор Рудольф Андерсон, пилот сбитого нашими ракетчиками американского разведывательного самолёта У-2. Да! – повеселевшим голосом добавил министр обороны. – Есть данные, что, когда наши корабли только шли к Кубе, то американские разведывательные самолёты так низко летали над ними, что один всё-таки долетался и, врезавшись в воду, затонул. Правда, лётчику удалось спастись.

Брежнев молчал, так как ему вспомнился свой недавний полёт, который чуть не закончился трагически.

9 февраля 1961 года он в качестве Председателя Президиума Верховного Совета СССР на самолете Ил-18 отбыл из Москвы в Гвинею с официальным визитом. Около 130 километров на север от Алжира на высоте 8250 метров внезапно появился истребитель с французскими опознавательными знаками и сделал три захода на опасно близкое расстояние от советского самолета. Во время заходов истребитель дважды открывал стрельбу по самолету с последующим пересечением его курса.

Свои ощущения во время того инцидента Леонид Ильич запомнил надолго: похоже на войну, но всё равно – по-другому. Потому что от тебя ничего не зависит. Единственное, что ты в состоянии сделать – это спокойно сидеть в кресле, смотреть в иллюминатор и не мешать пилотам выполнять свой долг. Всё решали секунды. И

именно в эти секунды опытный экипаж, возглавляемый пилотом Борисом Бугаевым, сумел вывести гражданский самолёт из зоны обстрела.

«А сбили бы самолёт, погиб бы я... и что? – задавал после себе вопрос Брежнев. – Хрущёв объявил бы войну Франции? Нет, конечно!»

А через два месяца этот же Ил-18 с бортовым номером 75717 под управлением Бориса Павловича Бугаева взял на борт Юрия Гагарина, чтобы доставить в Москву, где первого космонавта встречали руководители страны во главе с Хрущёвым и восторженные толпы москвичей, гостей столицы и журналисты.

Воспоминания Брежнева прервал Малиновский, которому уже давно хотелось поделиться с Первым секретарём информацией, которую он получил совсем недавно.

– Леонид Ильич, я полностью поддерживаю вас в стремлении не допускать нашего противостояния с американцами до уровня шестьдесят второго года, когда мы, действительно, стояли на пороге... в шаге от начала ракетно-ядерной войны. Мне недавно подробно доложили о событиях двадцать седьмого октября шестьдесят второго года с нашими подлодками.

– Я помню... это был самый напряжённый день в том... кризисе. Американцы называли этот день «Чёрной субботой».

– Дело в том, что в этот день американцы обнаружили нашу дизельную подводную лодку Б-59 неподалёку от Кубы в международных водах. И недолго думая, начали сбрасывать сигнальные гранаты, чтобы заставить лодку всплыть для идентификации. Одновременно готовились и глубинные бомбы. Авианосно-ударная группа США в этом районе состояла из пяти эсминцев и авианосца «Рэндольф». Ситуация на лодке

сложилась критическая: поднялась температура, сели батареи, из-за чего судно лишилось света и электропитания; уровень углекислого газа вырос почти до смертельного уровня. Моряки начали терять сознание. И главное, не было связи с Москвой. Командир подлодки капитан второго ранга Савицкий решил, что наверху уже началась война между СССР и США, и дал команду, подготовить к пуску атомные торпеды. Говорят, он кричал: «Мы должны принять бой! Погибнем, но флот не опозорим!»

– Герой! – оценил действия и команды командира подлодки Брежнев.

– Вот-вот! Но по существующим правилам для пуска торпеды этот герой должен был получить согласие замполита и старпома. А обязанности старпома в этом походе исполнял начальник штаба бригады капитан первого ранга Архипов... Василий Архипов. Он понимал то, что и мы с вами, Леонид Ильич, понимаем... Если бы произошёл пуск атомной торпеды, то началась бы ядерная война. Архипову удалось успокоить Савицкого и убедить его, что в такой неопределённой ситуации, когда нет связи, не работают резервные батареи и кислородная система, то надо всего-навсего всплыть на поверхность, что и было сделано.

– А что дальше?

– Они всплыли вечером рядом с авианосцем. Американцы с помощью семафора запросили, нужна ли им помощь, а наши ответили: «Нет, спасибо!» Потом наши попросили у американцев хлеба и сигарет.

– Молодцы... – протянул Брежнев с такой интонацией, что министр обороны не понял, хвалит он подводников или ругает. – А что американцы?

– Передали и хлеб, и сигареты. Наши весь следующий день находились рядом с авианосцем, подзарядили

батарей, а ночью исчезли... Ушли на глубину и оторвались от преследователей.

– Хорошо! – ещё раз сказал Брежнев, заканчивая свой разговор с министром обороны. – Это ещё одно свидетельство хрупкости нашего мира. Многое зависит от техники, но основное – от людей, – и сменив тему разговора спросил. – Как идёт подготовка к параду на седьмое ноября?

– По плану. Мы понимаем, что это мероприятие политическое, поэтому к параду относимся со всей серьёзностью. – успокоил министр обороны Первого секретаря ЦК КПСС. Закрыв папку, он попрощался с Брежневым и вышел из кабинета.

Брежнев вышел из-за стола, подошёл к окну. С высоты третьего этажа здания Сената, где размещался кабинет, хорошо просматривался Арсенал, а если посмотреть влево, то за Сенатской площадью высился Кремлёвский дворец съездов, модернистское здание, построенное четыре года назад. По большому счёту оно стилистически не соответствовало исторической застройке Кремля, но соответствовало духу времени и стремлению страны в светлое будущее.

Какое-то время Брежнев поразмышлял о предстоящей через неделю поездке в Киев. Туда надо будет поехать в рамках мероприятий к 20-летию Победы для вручения городу медали «Золотая Звезда». Накануне Дня Победы, 8 мая 1965-го года были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР с Положением о почётном звании «Город-Герой» и перечнем этих городов, среди которых был указан и Киев, столица Украины. Было бы хорошо захватить кроме Киева и в Днепропетровск, город, ставший родным для Леонида Ильича. Тогда обязательно надо будет взять с собой и жену – Викторину Петровну, которую дома он ласково называл «Витя». А

вот дочь Галина была головной болью Брежнева.

Сначала она убежала из дома, пока её отец работал Первым секретарём ЦК Компартии Молдавии, и колесила по стране вместе с мужем, цирковым артистом, старшим её на 20 лет. Несколько лет назад она в возрасте тридцать три года развелась со своим акробатом-силачом, так как закрутила бурный роман с восемнадцатилетним иллюзионистом Игорем Кио, приняв его предложение стать женой. Отца она поставила перед свершившимся фактом, оставив записку: «Папа, я влюбилась. Ему 25», и уехала с новым молодым мужем в Сочи. Это было слишком даже для терпеливого отца. Всему есть предел, посчитал Леонид Ильич и послал за молодыми вдогонку сотрудников органов госбезопасности, которые доставили Галину в Москву, а у Кио отобрали паспорт. Позже ему вернули новый паспорт, но уже без отметки о браке. Официально они были женатыми 10 дней. С этого времени прошло почти три года, но к глубокому сожалению Брежнева развод не помешал дочери продолжать встречаться с иллюзионистом. Она ездила к нему на гастроли, где они встречались в гостиницах, а в Москве проводили время на квартирах друзей.

Хорошо хоть сын Юра не доставляет особых хлопот своим родителям. Сейчас работает в Днепропетровске на трубопрокатном заводе имени Карла Либкнехта, не рабочим, конечно, а управляющим.

«Ладно! Всё хорошо! Дети выросли. Что ещё надо?» – спросил себя Брежнев. Поднял трубку и спросил у дежурного, кто находится в приёмной.

– Товарищи Подгорный, Шелепин, Суслов, Косыгин и Семичастный.

«Пришли поздравить с годовщиной», – понял Брежнев и сказал дежурному:

– Пусть все товарищи заходят!

III

Скрипнула входная дверь на веранде. Пришёл отец. Пока он раздевался, Сергей прошёл в свою комнату, не закрывая дверей, взял в руки книжку, но читать не стал. Он слышал, как отец объяснял маме, что задержался из-за лекции по международному положению, которую в красном уголке управления шахты прочитал им приезжий лектор то ли из Киева, то ли из самой Москвы.

— И что интересного он сказал? — спросила мама.

— Да много чего. Главное, что ситуации, как осенью шестьдесят второго года, когда Америка хотела напасть на Кубу, а мы завезли туда ракеты, из-за чего чуть не началась война, уже не будет.

В их семье о событиях на Кубе в 1962-м году знали не понаслышке, так как родной брат мамы дядя Анатолий, офицер-зенитчик, тоже был направлен на Кубу. И прошлым летом в отпуске они встречались. Конечно, дядя Толик не мог всё рассказать, но кое-что поведал. В том числе и о самом напряжённом дне в этой командировке, когда 27 октября 1962-го года зенитно-ракетной батарее, в которой дядя Толя служил, дали приказ на уничтожение воздушной цели. Пуск произвела первая боевая машина, а Толик был в расчёте на второй машине, и был готов тоже сделать пуск. Но это не понадобилось, так как американский самолёт-разведчик У-2, пролетающий над Кубой, был сбит первой же ракетой. Как сказал Толик, точно такой же самолёт и такой же ракетой сбили 1-го мая 1960-го года над Свердловском. Тогда, правда, американского лётчика взяли в плен, а лётчику в самолёте над Кубой не повезло, он погиб.

Ещё Анатолий рассказал об ужасном, непривычном тропическом климате на Кубе, где днём стояла духота, а

ночью налетала мошкара. Стартовые позиции оборудовались не в городах, а в лесах, где скапливались испарения от ядовитых растений. Постоянная влажность влияла на состояние как здоровья людей, так и техники. Солдаты и офицеры подхватывали болезни, о которых наши медики и не знали. Больных изолировали, увозили... но судьба многих неизвестна. Когда поступила команда на возвращение домой, то все выдохнули с облегчением.

— Кроме того, лектор про космос много рассказывал, про космонавтов, — продолжал отец. — Мы же опять щёлкнули американцев по носу. То наш Гагарин их опередил, потом Терешкова — первая в мире женщина улетела в космос, а в прошлом году, когда полетели Комаров, Феоктистов и Егоров, то оказывается, они впервые в истории улетели в космос и вернулись оттуда... без скафандров. А этой весной космонавт Леонов первым в мире вышел в космосе из ракеты наружу. Вот какая у нас космическая техника! У американцев, получается, техника послабее будет. Хотя они, как сказал лектор, спят и видят, чтобы нас обогнать, для чего очень много денег выделяют на космос. Но ведь не всё решают деньги. Вот такой случай лектор привёл. Короче, выделили американцы один миллион долларов для того, чтобы изобрести, скажем так, космическую ручку, чтобы писать в космосе могла.

— А это ещё зачем? — удивилась мать. — Чем им земная ручка не нравится?

— Вот, вот... Простая ручка, оказывается, в космосе не работает. Там же невесомость! Понятно, что не чернильницы они там используют... Но даже авторучка не пишет, так как чернила к перу не поступают...

— Вот проблему нашли, там, где и искать не надо, — авторитетно заявила мать. — Если у меня в авторучке заканчиваются чернила, а времени нет, то я... пользуюсь карандашом.

– А нельзя! – забраковал отец мамино решение космической проблемы стоимостью в один миллион долларов. – У тебя же простой карандаш... графитовый. В-первых, графит проводит ток, а во-вторых, ты в классе пишешь, и кусочки графита, пыль остаются в тетрадке, падают на пол... А в космосе они будут летать по всему космическому аппарату и могут что-нибудь замкнуть.

Сергея заинтересовало это обсуждение космической проблемы родителями, и он с книгой в руке подошёл поближе к открытой двери, чтобы ничего не пропустить.

– И на что же они потратили целый миллион? – спросила мама.

– Они изобрели авторучку, в которую чернила подаются под давлением из небольшого устройства... Лектор сказал, как оно называется, типа катриж... катридж... Крепится на ручку сверху.

– Господи! – сказала мама, но тут же быстро добавила. – Извини, Лёня, вырвалось. Ну точно с жиру бесятся эти капиталисты. Целый миллион потратить на такую, в общем, ерунду!

Серёжа знал, что отец в Бога не верил, был членом КПСС и ругал маму, если она «всую», вспоминала про Господа.

– Надеюсь, – продолжила мама, – наши учёные миллион на это не потратили.

– Не потратили. – успокоил свою жену отец. – Наши космонавты всё записывают карандашом, но не графитовым, а восковым.

После небольшой паузы отец продолжил:

– Ещё лектор про космонавта Феокистова рассказывал. Тот в прошлом году в космос летал. Оказывается, он фронтовик, воевал в разведке. И представь себе, что в Воронеже в сорок втором году, когда Феокистов был на задании, фашисты взяли его в плен и... расстреляли.

— Как расстреляли? — не поняла мама. — А в космос тогда кто летал?

— Он и летал. Выжил после этого расстрела, стал космонавтом и полетел.

— Чудеса! — только и смогла сказать мама.

— Серёга! — крикнул отец. — А ты не хочешь космонавтом стать? Я бы узнал, где на космонавтов учат. Или всё же вслед за нами в шахтёры пойдёшь?

Сергей отложил книгу и пошёл на кухню, где ужинал отец. Как только он появился в проёме кухонной двери, отец неожиданно спросил совсем другое:

— А что это ты о своих результатах в стрельбе ничего не рассказываешь?

Отец имел в виду, что позавчера в их школе случилось неординарное событие. Учитель физкультуры откуда-то принёс две малокалиберные винтовки. В те времена в школах не было учителей по начальной военной подготовке, потому что и предмета такого не было. К службе в армии старшеклассники готовились при военкоматах, ДОСААФ и на уроках физкультуры.

Вот на физкультуре и была организована стрельба для мальчиков. Всем выдали по три патрона, и все по очереди выстрелили в мишень с кругами. Сергеем, так как фамилия у него начиналась на букву «а», дали выстрелить первым, а как отличнику, дали выстрелить ещё раз в конце занятия. Ничего не помогло. В принципе, в самую мишень он несколько раз попал, но, что касается чёрных кругов, то пули, посланные туда Сергеем, даже и не думали в эти круги попадать.

Рассказывать отцу об этом недоразумении Сергей не стал, потому что у отца и своих проблем на работе хватает. Сейчас же надо было срочно как-то оправдаться перед ним. Немного опешивший сын, не понимающий, откуда отец узнал о стрельбе, пожал плечами и ответил:

– Да что там рассказывать. «Мелкашка» попалась не пристрелянная.... Учитель сказал, что винтовки все «центрального боя», поэтому целиться надо прямо в центр мишени. Я так и целился.

Отец хмыкнул:

– Тогда и все бы из неё не попали, а худший результат, говорят, только у тебя.

– Ну не знаю, – только и смог вымолвить сын.

– А я вот, кажется, знаю! – сказал отец и пошёл в кладовку, вынес оттуда охотничье ружьё и подал его Сергею со словами:

– Твоя мишень – настенные часы. Прицелься туда. Не бойся! Ружьё-то не заряжено! Я надеюсь, что ты знаешь основное правило обращения с оружием: даже не заряженное оружие нельзя, ни при каких обстоятельствах, наводить на людей. Целься в часы!

Сергей взял ружьё и прицелился в центр часов, на циферблате которых было написано: «Дорогому Леониду Ивановичу в день 30-летия от товарищей по работе». Ружьё было толще, чем малокалиберная винтовка или, как все её называли: «мелкашка». Целиться было неудобно. Чтобы одновременно на прямой линии увидеть целик и мушку, Сергею пришлось максимально вытянуть шею и подать голову вправо, ближе к ружью.

Отец внимательно следил за действиями сына и, когда тот замер, совместив, наконец, и целик, и мушку, и часы на одной линии, отобрал ружьё и снова хмыкнул:

– Клинический случай... Тебя же даже в армию не возьмут при таком прицеливании.

Сергей уже собирался было обидеться на отца за такие слова, так как что-то, а служба в армии – это была не просто почётная обязанность всех парней, а, пожалуй, их мечта, без осуществления которой невозможно было представить и спланировать всю будущую жизнь, но отец

растолковал сыну имеющуюся проблему. Оказывается, что, если ты «правша» и стреляешь, упирая приклад оружия в правое плечо, то и прицеливаться нужно правым глазом, закрывая при этом левый. А «левша» вынужден всю эту процедуру делать наоборот: стрелять от левого плеча и целится левым глазом. А Сергей, держа оружие справа, умудряется почему-то целиться левым глазом, запрокидывая голову, чёрт знает, куда! Поэтому и попасть он толком никуда не может, так как оружие пристреливается под нормальный, в данном случае, правый глаз, а, когда он пытается целиться левым, то расстояние от глаза до целика и мушки меняется, соответственно, нарушается прицельная линия и пули улетают не туда, куда они должны лететь.

– А ну попробуй зажмурить левый глаз, а правым целиться, – предложил отец.

Сергей попробовал и с ужасом осознал, что так у него не получается. При открытом правом глазе левый глаз не зажмуривается. Его надо или прикрывать ладонью, или пальцем с усилием тянуть веко левого глаза вниз. Лицевые мышцы, которые обычно легко это делают у большинства населения нашей страны, да, наверное, и планеты, абсолютно не подчинялись в этом вопросе Сергею. Вот зажмурить правый глаз и открыть левый – пожалуйста! А наоборот – ни-ни!

– Тренируйся, – сказал отец, – а то, действительно, в армию не возьмут. А ты ещё собираешься в офицеры идти, чтобы солдаты над тобой смеялись?

– Я научусь правильно целиться, – сказал Сергей.

Отец вздохнул.

– Наша страна сейчас строит коммунизм. Как ты думаешь, какие профессии для этого нужны?

– Строители! – не задумываясь ответил Сергей.

– Согласен! Только строители бывают разные. Одни

строят дома, другие – шахты, заводы и фабрики, третьи делают машины, поезда, четвёртые выращивают урожай. А все вместе строят коммунизм. Я – на шахте, мама – в школе. А ты? Что будешь делать ты?

– Я буду вас и всех других строителей защищать! – твёрдо сказал Сергей.

– Да не надо нас ни от кого защищать! Наши отцы, твои деды уже всех защитили, всех врагов победили. В армии отслужишь, как все. И всё!

– Если мы всех победили, и врагов не осталось, то почему дед Иван работает в военной академии? Кого он там учит?

– Военные, такие, как дед Иван, не работают, – уточнил отец. – Военные служат. А вот мы, шахтёры, работаем! Военный человек нужен на войне, а войны сейчас нет и долго ещё не будет.

К ним подошла мама и сказала:

– Лёня, так ведь хорошо, что войны нет. Но может, её нет, потому что армия у нас сильная?

– Люба, не порть мне воспитательную беседу! – Не женское это дело, обсуждать армию. А быть военным в мирное время – это не мужское дело! – назидательным тоном завершил отец своё очередное просветительно-воспитательное занятие с сыном.

Перед тем, как лечь спать, Сергей подошёл к зеркалу, вмонтированному в среднюю дверь платяного шкафа, и, прикрыв левый глаз ладонью, несколько минут пытался открыть и закрыть правый глаз. Верхнее веко правого глаза не хотело этого делать самостоятельно, и Сергею пришлось помогать ему с помощью пальцев, напрягая при этом все мышцы на лице в области глаза.

«Каждый день буду так тренироваться и всё равно научусь целиться, чтобы хорошо стрелять и никто надо мной не смеялся!» – решил Сергей и лёг спать.

Глава вторая
**«Человек человеку –
друг товарищ и брат»?**
(Ноябрь 70-го года)

I

– Все свободны! – произнёс Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов и закрыл папку. Офицеры, присутствующие на совещании, встали из-за большого стола в кабинете своего начальника, аккуратно, стараясь не шуметь, поправили стулья и вышли из кабинета.

Когда дверь за последним офицером закрылась, Андропов тоже поднялся из-за стола. Сначала он подал плечи назад, затем вперёд, разминая их, после чего повторил это движение, подняв голову вверх, максимально выпрямив свою длинную фигуру.

«Однако, засиделись!» – подумал руководитель органов государственной безопасности великой страны, подошёл к карте, висевшей на стене кабинета, и стал её разглядывать, приговаривая тихонько:

– Так где же эта Ухта?»

Найдя этот город на территории Коми АССР, в 300 километрах северо-восточнее от столицы Коми города Сыктывкар, Андропов улыбнулся и вернулся к столу, налил себе полстакана «Боржоми» и с удовольствием, не спеша, выпил.

Проблемы с почками у хозяина кабинета требовали именно этого, для чего несколько бутылок «Боржоми» всегда стояли на столе.

Впервые Андропов вошёл в этот кабинет три с половиной года назад, когда 18 мая 1967-го года его назначили на новую должность. Работая до этого в ЦК КПСС и Министерстве иностранных дел, затем послом в Венгрии, откуда был переведён заведующим отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, он всегда поддерживал курс партии и страны на построение социалистического общества и никогда не позволял себе сомневаться в правильности указанного руководством партии пути.

Когда в Венгрии случилось то, что случилось (А случилась там так называемая «Будапештская осень», когда в конце октября 1956-го года в республике вспыхнул контрреволюционный мятеж, направленный против социалистического строя), то Чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Венгерской Народной Республике Юрий Андропов, несмотря на смертельную опасность и обстрелы здания посольства оставался на своём посту. По служебным делам он был обязан постоянно перемещаться по восставшему Будапешту на машине. В конце октября посольская машина попала под обстрел на окраине города, и Андропов вместе с военным атташе и водителем более двух часов пробыл ночью в здании посольства. Так что повешенных на деревьях и телеграфных столбах коммунистов и работников венгерских органов безопасности видел воочию, а не по фото-

графиям.

В последний момент сотрудникам посольства удалось эвакуировать членов своих семей из здания, где они проживали, через дорогу от здания посольства, из города в безопасное место, а потом – в СССР. Жена Андропова Татьяна Филипповна и дети: Игорь и Ирина тоже эвакуировались вместе со всеми, но нервное потрясение, пережитое женой, стало причиной серьёзной, на всю жизнь болезни.

Для подавления восстания в соответствии с планом операции «Вихрь» в столицу Венгрии был введён Особый корпус Советской армии. В результате боёв в Будапеште погибло более 660 советских солдат, 15 пропали без вести, 1200 получили ранения. 26 солдат и офицеров стали Героями Советского Союза, 13 из них – посмертно. Свою четвёртую звезду Героя СССР получил и маршал Жуков.

С тех пор, продвигаясь по служебной лестнице, при решении важных проблем участник венгерских событий Андропов мог позволить себе сказать: «Вы не представляете себе, когда стотысячные толпы, никем не контролируемые, выходят на улицы».

Высшим принципом, которому следовал Андропов, была твёрдость в своих убеждениях. Он никогда не подвергал сомнению социалистический путь развития Советского Союза. Именно с этой позиции он смотрел на проблему настроений и взглядов некоторых партийных и государственных деятелей, оппозиционной интеллигенции, на проблему нравственной ущербности их поведения, на усилия ЦРУ, стремящегося разложить советское общество, разделить власть и народ. Ведущий тезис его позиции здесь был такой:

«Мы живем в стране социализма. Немало тех, кто сомневается в этом, говорит, что социалистическое общество не таким должно быть. Мы, дескать, ушли от со-

циалистических начал. Но мы – первые. Иного социализма на Земле никто в жизни не воплотил, да и не воплощал. Конечно, многое хочется улучшить, усовершенствовать. Мы обязаны это делать. Но искать иные пути, бросать наш опыт, отказываться от него – значит уйти от социализма, похоронить завоевания Октября, закрыть дорогу в будущее».

Венгерский опыт сформировал у Андропова прочное представление о том, что реформы социалистической системе если и нужны, то это должны быть весьма осторожные преобразования, которые бы не нарушили основы социалистической системы.

Свою задачу на посту Председателя КГБ СССР Андропов понимал, как существенное укрепление и расширение контроля его ведомства над всеми сферами жизни государства и общества. Зачем это надо? Чтобы пресекать всякие попытки посягательства на социалистическую собственность откуда бы эти попытки и на каком бы уровне не происходили. Чтобы не допускать всякие попытки проведения актов терроризма, кто бы специально или по глупости, а то и по болезни не собирался их провести. Андропов хорошо запомнил то, что случилось в январе прошлого года, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев чуть было не пострадал в ходе покушения. Можно всё валить на случай, можно на стечение обстоятельств, но халатность со стороны определённых должностных лиц тоже имела место.

Всё началось с того, что из воинской части в городе Ломоносове, что находится в Ленинградской области дезертировал офицер Виктор Ильин, что само по себе уже является редким, нетипичным, а потому неординарным чрезвычайным происшествием, который, прихватив с собой два пистолета Макарова (ПМ) с патронами, прибыл

в Москву. Случилось это, что тоже немаловажно, 21 января 1969 года, в день памяти вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. В этот день в столице планировалась грандиозная встреча космонавтов – Шаталова, Воынова, Елисеева и Хрунова, только что вернувшихся из космоса, где впервые в мире состыковались два космических корабля, была создана орбитальная космическая станция и два космонавта из одного корабля вышли в открытый космос и перешли в другой, на котором и вернулись на Землю. Встречать во Внуково прилетевших космонавтов должен по плану сам Брежнев, а затем по улицам столицы кортеж автомобилей направится в Кремлёвский дворец съездов.

Но торжества перенесли с 21 января, дня смерти Ленина, на 22 число. Ильин об этом узнал, только прибыв в Москву, и ему пришлось менять свои планы. Он поехал к своим дальним родственникам, проживавшим в районе ВДНХ, переночевал у них и к 11 часам уже был на Красной площади. Причём у своего родственника-милиционера прихватил форму и на Красной площади он оказался не в военной офицерской форме, а в сержантской форме сотрудника МВД. Место он занял у Боровицких ворот, так как просчитал, что здесь скорость кортежа и расстояния между машинами будут минимальными. И вот кортеж появился. Первым проследовал эскорт мотоциклистов, за ним – открытый автомобиль с космонавтами-триумфаторами. Как только вторая машина кортежа поравнялась с Ильиным, он открыл по ней стрельбу сразу из двух пистолетов, предполагая, что именно там находится цель – Брежнев. Но в этом чёрном лимузине ехали коллеги космонавтов: Береговой, Николаев, Терешкова и Леонов. Ильин высадил в автомобиль полные магазины и смертельно ранил водителя, старшего сержанта Илью Жаркова, который по трагическому сте-

чению обстоятельств вышел в свой последний рабочий день перед уходом на пенсию. Одна из пуль досталась мотоциклисту эскорта старшему сержанту Зацепилову. Ни космонавты, ни сам Генеральный секретарь, ехавший в пятой машине, не пострадали. Как только смолкли выстрелы, к Ильину подбежал младший лейтенант Ягодкин и приёмом самбо сбил того с ног, обезоружил. Космонавты тут же пересели в резервную машину. Толпа людей из-за рёва мотоциклов и гула машин не слышала хлопков от выстрелов и толком не поняла, что произошло.

Но Андропов-то всё понял и сделал из этой истории правильные выводы, что ещё надо работать и работать, совершенствовать, укреплять структуру и методы работы своего ведомства, так как вопросов после этого неудавшегося покушения накопилось много... А почему неудавшегося? Люди-то погибли. Почему так смогло получиться? Где тонко, там и рвётся.

А что касается самого террориста и его мотивов, то ничего вразумительного он так не сказал, хотя даже сам Андропов беседовал с ним. Но врачи определили у стрелка наличие обыденной шизофрении. А так как ещё Хрущёв заявлял, что против светлых идей коммунизма могут выступать только умалишённые, а Брежнев говорил, что стрелять в советского лидера может только безумный, то и попал Ильин не на расстрельную статью, а в больницу.

Неделю назад Андропов провёл расширенное совещание, где подвёл итоги обеспечения безопасности в стране в период проведения мероприятий, связанных с празднованием очередной 53-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе и военного парада на Красной площади. Всё прошло без эксцессов, по планам. Обывателям ведь нет никакого

дела до того, как там и что делается на Красной площади. Промаршировали коробки военных, прошла техника, продемонстрировали для народа и иностранцев нашу удаль и мощь Вооружённых сил – и всё. Прошла демонстрация трудящихся, поприветствовала руководство страны на трибуне – всё нормально.

А то, что в это время один батальон из дивизии имени Дзержинского находится внизу под трибунами, а второй – в здании ГУМа, чтобы в любой момент, в считанные даже не минуты, а секунды, перекрыть Красную площадь, разбить всё её пространство на отдельные квадраты, в каждом из которых сотрудник КГБ осматривает людей, проверяет документы, выявляет подозрительных лиц – это лишь один маленький эпизод, небольшой пункт из того огромного перечня мероприятий по обеспечению безопасности народа и руководства страны.

После этого совещания сразу же было проведено и второе, в более узком кругу, посвящённое, если так можно выразиться, космическим проблемам. Как раз на Байконуре готовилась к запуску автоматическая станция «Луна-17». Начальник, отвечающий за обеспечение безопасности космодрома, доложил о проделанной работе, а также довёл информацию по разным вопросам, касающимся отдельных проблем, в том числе и прошлогодних стартов кораблей «Союз-4» и «Союз-5». Его доклад дополнил начальник, организующий и отвечающий за безопасность Звёздного городка. Эта информация касалась именно той четвёрки космонавтов, по колонне с которыми 22 января прошлого года и стрелял офицер-шизофреник.

Вывод, к которому окончательно пришёл Андропов, когда все обстоятельства прошлогодних полётов были ему доложены, был неутешительным. Состояние дел с

освоением космоса, после того, как три года назад умер Генеральный Конструктор Королёв, ухудшилось. Прошлогодней праздничной встречи космонавтов в Москве после их возвращения могло бы и не быть из-за цепочки неполадок и разного рода ошибок.

Началось всё в понедельник 13 января 1969-го года, когда космонавт №13 Владимир Шаталов занял своё место в корабле «Союз-4». Но перед самым стартом поступил сигнал о проблемах с гиросприборами носителя. Температура на Байконуре минус 24 градуса с ветром, да ещё с космонавтом на борту не позволяли быстро устранить поломку. Верь – не верь в роковое влияние числа «13», а запуск пришлось перенести на следующий день. 14 января старт прошёл успешно. 15 января вдогонку стартовал корабль «Союз-5» с тремя космонавтами на борту: Волиновым, Елисеевым и Хруновым, с задачей состыковаться в космосе с «Союзом-4» и образовать таким образом первую в мире орбитальную космическую станцию. Утром следующего дня корабли состыковались и космонавты Елисеев и Хрунов, надев скафандры, вышли в открытый космос, чтобы перейти в соседний корабль. И тут в скафандре у Хрунова перестаёт работать вентиляция, что могло привести к росту температуры в скафандре и нехватке кислорода. Но космонавты не поддались панике и стали спокойно искать причину, не докладывая о проблеме на Землю. Вскоре выяснилось, что каким-то образом на скафандре Хрунова тумблер вентиляции оказался выключенным. Хрунов включил его, и циркуляция воздуха возобновилась. Через 37 минут космонавты оказались в соседнем корабле, заняли новые рабочие места и стали вместе со встретившем их командиром корабля «Союз-4» Шаталовым готовиться к расстыковке и возвращению на Землю. Вслед за ними через сутки, 18 января, должен был

вернуться на Землю и «Союз-5» под управлением Волынова.

Бориса Волынова в командировку на Байконур провожали дети, одиннадцатилетний сын Андрей и четырёхлетняя дочь Таня, которые попросили папу взять с собой «на счастье и удачу» игрушку – маленького плюшевого медвежонка. Игрушку на борт корабля космонавт пронёс в голенище космического сапога. Как оказалось позже, его жена Тамара втайне от мужа внутрь игрушки спрятала семейную фотографию, на обороте которой написала: «Да сохранит тебя любовь моя и наша».

При спуске с орбиты не сработал пиропатрон отделения спускаемого аппарата от агрегатного отсека, спуск пошел по нештатной траектории с перегревом спускаемого аппарата из-за неверной ориентации во время торможения (тепловым экраном назад), нерасчётными перегрузками и закруткой. Спускаемый аппарат отделился от агрегатного отсека только вследствие перегорания скреплявших их стальных лент. Так как спуск продолжался по нерасчетной баллистической траектории с вращением вокруг продольной оси, то выпущенный парашют стало закручивать, что увеличило скорость спуска. Нерасчётно сработала и система мягкой посадки (в метре от Земли), в результате чего Волынов получил инерционные травмы. Удар получился таким сильным, что у космонавта произошёл перелом корней зубов верхней челюсти. Но чудесным образом после этой игры со смертью он остался жив.

Экспедиция двух «Союзов» показала, что космос по-прежнему – враждебная человеку среда, не прощающая ошибок. Поэтому рисковать лишней раз человеческими жизнями с целью опередить наших косми-

ческих соперников-американцев не стоит. Все вопросы, связанные с пусками новых космических аппаратов, необходимо тщательно продумывать, готовить, перепроверять. Об этом и доложил Андропов товарищу Брежневу при очередной встрече.

Результатами сегодняшних совещаний Андропов остался доволен.

Первое было посвящено мероприятиям, проводимым в стране в течение этого года, года 100-летия Владимира Ильича Ленина. Основные мероприятия, конечно, были запланированы и проведены к 22 апреля, но и весь год страна живёт под этой датой, многие достижения посвящаются ей. 16 апреля торжественно открыли Ленинский мемориал в Ульяновске, 19 апреля с конвейера Волжского автомобильного завода сошёл первый автомобиль «ВАЗ-2101», а 15 июля началось серийное производство новой «Волги» Газ-24 на Горьковском автозаводе. Как всегда, радуют успехи в космосе. 17 августа с космодрома «Байконур» в направлении на Венеру стартовала автоматическая межпланетная станция «Венера-7», приближающаяся в настоящее время к Венере. По плану в середине декабря она впервые в мире совершит посадку на поверхность другой планеты. В сентябре на Луну была отправлена автоматическая станция «Луна-16», которая 21 сентября впервые в мире доставила на Землю образцы лунного грунта. А несколько дней назад, точнее, 10 ноября в направлении на Луну стартовала автоматическая станция «Луна-17», которая, как доложили Андропову, со дня на день (то ли завтра, то ли послезавтра) приземлится, то есть, прилунится на спутник Земли и доставит туда ни много ни мало – управляемый с нашей планеты самоходный аппарат «Луноход-1».

Конечно, все эти мероприятия проходили и продол-

жают происходить при всё усиливающемся контроле со стороны органов государственной безопасности. Нельзя такие важные для народа вещи пускать на самотёк. Есть ещё в стране несознательные граждане, а есть и попытки зарубежных «друзей» в кавычках сорвать поступательное движение Советского Союза вперёд.

В стране участились угоны самолётов: один случай произошёл в прошлом году и три – в этом. Точнее, в этом два, а третий удалось предотвратить, арестовав 15 июня 12 человек, в основном еврейской национальности, до того, как они захватили самолёт в ленинградском аэропорту. В составе этой группы был даже бывший пилот Марк Дымшиц. И цель этих угонов везде одна – эмигрировать из СССР. Хотя уголовным кодексом СССР за угон самолёта предусмотрен расстрел, некоторых это обстоятельство не останавливает. Ровно месяц назад, 15 октября, при угоне в Турцию самолёта Ан-24 отцом и сыном Бразинскасами погибла бортпроводница Надежда Курченко. И это в год 100-летия Ленина!

Хорошо, что весной этого года, буквально в начале апреля ведомству Андропова удалось провести за границей одну тайную операцию, которая на многие годы, можно сказать, навсегда разрешила одну острейшую проблему, которая при определённом стечении обстоятельств могла привести к серьёзным последствиям. И сил, и средств эта операция потребовала немало, но дело этого стоило.

Началось всё с докладной записки под номером 655/Аов и под грифом «Совершенно секретно», которую Андропов 13 марта 1970-го года направил в ЦК КПСС лично Генеральному Секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу. Повышенная секретность документа заключалась даже в том, что самые важные фразы были

не напечатаны, а вписаны в текст от руки, чтобы содержание оставалось тайной даже для машинисток:

«В феврале 1946 года в городе Магдебург на территории военного городка, занимаемого Особым отделом КГБ при 3-й ударной армии ГСОВГ (Группы советских оккупационных войск в Германии), были захоронены трупы Адольфа Гитлера, Евы Браун, Йозефа Геббельса, его жены и детей (всего 10 трупов). В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям.

Учитывая возможность строительных или иных земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаружение захоронения, полагал бы целесообразным произвести извлечение останков и их уничтожение путем сожжения.

Указанное мероприятие будет произведено строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ и должным образом задокументировано».

Андропов отслеживая данную ситуацию, знал, что вышеуказанные останки тел несколько раз перезахоранивались, и в настоящее время они находятся на глубине два метра во дворе № 36 по улице Вестендштрассе города Магдебурга в 25 метрах от гаража. Захоронение сровнено с землёй и тщательно замаскировано под окружающую местность. И в данный момент появилась опасность, что о месте погребения может стать известно почитателям Гитлера, и оно превратится в место сбора или даже поклонения немцев-реваншистов.

Через несколько дней Андропову сообщили, что согласие есть. А 26 марта он утвердил следующий секретный документ под названием «План проведения меропр-

ятия «Архив», целью которого значилось «изъять и физически уничтожить останки ... военных преступников». План предусматривал установление над местом проводимых работ специальной палатки, выставление скрытого поста наблюдения, охрану палатки, проведение раскопок в ночное время и порядок уничтожения останков.

И 4 апреля 1970-го года план был осуществлён. В отчёте о проведённом мероприятии сказано:

«...Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе города Шенсбек, в одиннадцати километрах от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидевиц».

Андропов был всецело уверен, что об этом решении и его доведении до логического конца он не будет жалеть до последних своих дней. Ещё раньше, когда он узнал, что Геббельс и его жена Магда перед тем, как покончить с собой 1 мая 1945-го года, умертвили, отравили своих шестерых детей, то понял, что такие люди не имеют права находиться среди людей, дышать, ходить... жить. Даже память о них надо стереть, потому что их действия не являются человеческими, не соответствуют человеку разумному, как таковому. Про Гитлера и говорить нечего. Вот, если представить, что надо будет самому Андропову сделать когда-нибудь выбор между жизнью и смертью, то его дети – Игорь и Ирина – причём? Да и жена Татьяна Филипповна не причём. Ей и так досталось в Венгрии, до сих пор болеет.

Даже дети от первого брака, дочь Женя и сын Володя, они ведь тоже не виноваты. Как можно, вместо того, чтобы отвечать за свои поступки, травить ядом собственных детей? Хотя с Володией и не так всё просто. Судьба сложилась неудачно – дважды сидел в тюрьме за

кражи. Но не убивать же его за это. Правда, вроде одумался, женился... недавно уехал в Тирасполь. Может, всё наладится...

На сегодняшнем совещании Андропову доложили, что в связи со столетием Ленина в Ухте на горе, возвышающейся над городом, откуда открывается панорамный вид на Ухту, из труб, арматуры и металлических пластин соорудили монумент высотой 33 метра. На монументе изображена голова Ленина, которая видна издалека. Получается, что это самая большая голова Ленина не только в СССР, но и во всём мире.

Андропов знал, что в столице Бурятии городе Улан-Удэ сейчас идёт строительство ещё одного памятника – скульптурного изваяния головы Ленина высотой более 7 метров на постаменте высотой более 6 метров. Когда оно завершится – это будет самая большая скульптура головы Ленина в мире. Но, вероятней всего, в этом году закончить такой памятник не успеют. Даже если на камнерезном заводе в Мытищах, где выполняется заказ, успеют изготовить две половинки памятника, общим весом 42 тонны, и даже успеют по железной дороге доставить их в Улан-Удэ, то установить сразу на площади не получится, так как для этого памятника по проекту необходимо выполнить большой объём работ по кардинальной реконструкции центральной площади города. А уже середина ноября, и в Коми АССР зима давно вступила в полные права.

А здесь, в Москве, зима ещё только начинается. Парад седьмого ноября войска провели в летней форме одежды, в фуражках, хотя небольшой снег уже шёл.

Идёт он и сегодня, но это не мешает Юрию Владимировичу вечером совершить прогулку и пройти положенные десять тысяч шагов, рекомендованные личным врачом.

II

Суворовец третьего отделения второго взвода третьей роты Калининского суворовского военного училища Сергей Александров сидел в читальном зале училищной библиотеки и смотрел в окно, выходящее во двор училища. В ноябре в Калинин темнеет рано, поэтому за окном было темно, а в пятнах света от осветительных фонарей, закреплённых на стенах старинного здания, падали крупные хлопья снега. Но Сергей не обращал внимания на картину за окном, мысли его убежали далеко за пределы училища.

Он вчера вернулся из очередного каникулярного отпуска, который проводил в Москве у деда Ивана. Полковник Иван Павлович Годенко, фронтовик, участник Парада Победы в 1945-м году, младший брат деда Афанадия, преподавал в военной академии. Его жена Варвара Ивановна, как уже понял Сергей, неоднократно заезжающий в Москву на каникулы, не очень любила гостей, но к Сергею относилась терпимо, тем более, что он не особо реагировал на всякие бытовые мелочи, а дед Иван был всегда рад своему родственнику. Самое интересное было то, что в Москву к деду на каникулы Сергей приехал не из Калинина, а из... Москвы.

Дело в том, что ещё в сентябре месяце парадная коробка из КлСВУ, сформированная для участия в параде на Красной площади, посвящённом 53-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, вместе с учебными принадлежностями и преподавателями, не говоря уже об офицерах-воспитателях, передислоцировалась в Москву, где на базе Московского суворовского училища продолжила и подготовку к параду, и... учёбу. Ежедневно после уроков проходили занятия по одиночной строевой подготовке, слаживанию шеренг и об-

щей коробки. Участники парада посетили Мавзолей Ленина, а также для них в Кремлёвском дворце съездов был организован концерт звёзд советской эстрады. Больше всего Сергею понравилось выступление Юрия Никулина, который спел песню про зайцев из ставшего популярным кинофильма «Бриллиантовая рука».

После двух генеральных репетиций на Московском центральном аэродроме и одной генеральной ночной репетиции на самой Красной площади, 7 ноября коробки по 200 человек из Московского и Калининского суворовских училищ прошли в парадном строю по брусчатке Красной площади. Из множества впечатлений, которых во время парада было не просто много, а – целое море, Сергею хорошо запомнилось два.

В Москве шёл небольшой снег, который при комфортной для него температуре не спешил таять. Поэтому чёрные фуражки суворовцев, коробки которых находились рядом с Лобным местом, побелели от снега. И вот, когда началось движение вдоль ГУМа, затем мимо Исторического музея, то на повороте один из суворовцев, поправляя фуражку, стряхнул с неё снег. Офицеры, что шли впереди колонны, оглянулись и, так как они ростом были повыше своих подопечных, то увидели нарушение однообразия, которым и сильны войска: в строю все фуражки белые, а одна – чёрная. Естественно, тут же была подана команда, чтобы все стряхнули снег с головных уборов. Само собой, в это время почти каждый, не говоря уже об офицерах, чертыхнулся про себя, но у некоторых про себя не получилось. Но вроде обошлось без мата. Хорошо ещё, что маршевая музыка в исполнении тысячетрубного духового оркестра, усиленная отражённым от кремлёвских стен эхом, забивала все посторонние голоса и звуки, не связанные с ритмическим печатанием подбитых металлическими набойками ботинок и сапог по брус-

чатке центральной площади не только Москвы, но и всей страны.

А второй, можно сказать, казус произошёл при завершении прохождения, когда в конце площади первая коробка суворовцев уже подходила к собору Василия Блаженного. Дело в том, что суворовские колонны были предпоследними в общем строю. А завершали пеший парад войск коробки Московского высшего общевойскового командного училища, так называемых «кремлёвских курсантов». Если коробки суворовцев шли, как могли... То кремлёвские курсанты, пересекая площадь широчеными шагами, буквально «летели». И хотя у Исторического музея, в начале прохождения вдоль трибун, они искусственно сдерживали себя, чтобы увеличить дистанцию между суворовцами и собой, в конце Красной площади они всё равно догнали суворовцев, наступая им «на пятки». Чтобы не подавить друг друга, суворовцам была дана команда: «Бегом – марш!»

А после парада начался недельный каникулярный отпуск, и суворовцы, не возвращаясь в Калинин, разъехались из Москвы кто куда. Правда, перед этим было построение на территории Московского СВУ, где всем объявили благодарность от имени Министра обороны СССР маршала Советского Союза Андрея Антоновича Гречко, который и принимал парад на Красной площади, поздравившись с коробками суворовцев и нахимовцев, на что все дружно прокричали: «Здрав... жлай... тов... марш... сов... юз!» Тут же зачитали приказ Командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Ивановского, в соответствии с которым суворовца Сергея Александрова вызвали из строя и вручили ценный подарок – сеточную электробритву «Москва».

И только потом все разъехались, а Сергею никуда из

Москвы ехать не надо было, разве что – на метро.

Каникулы, как и всё хорошее, пролетели быстро. Да и Москва со своими размерами, возможностями и достопримечательностями не позволяла скучать. Сергей, уже начавший задумываться, куда пойти учиться на следующий год, после окончания СВУ, на первых порах рассчитывал, что пойдёт учиться в Одесское пехотное училище, но, когда узнал, что оно недавно перепрофилировалось и стало артиллерийским, понял, что, так как артиллеристом, как дед Иван, он никогда не хотел стать, то, вероятней всего, пойдёт в «кремлёвские курсанты». От добра – добра не ищут.

На первом курсе СВУ весенние каникулы Сергей провёл в Волгограде, поехав в гости домой к Толику Омельченко. Конечно, монументальный, огромный памятник Родины-матери с мечом в руках на Мамаевом Кургане восхитил Сергея. Как сказал Толик, это самая высокая в мире скульптура-статуя высотой 85 метров. Только один меч имеет длину 33 метра и весит 14 тонн. Когда она начала строиться, Толик ещё учился в школе и видел, как постоянно в направлении Мамаевского Кургана через город шли колонны грузовиков с бетоном. Как объяснили Толику родители, для строительства памятника использовался предварительно напряжённый железобетон, который по технологии необходимо было поставлять постоянно. Поэтому грузовики, двигаясь по городу, не останавливались на красный свет, и ГАИ не имело права их останавливать, а наоборот – тормозили остальные машины.

Сергей знал, что где-то тут под Сталинградом получил боевое крещение дед Иван. Вместе с Толиком в суворовской форме они полчаса постояли на посту №1 на центральной площади у Вечного огня, так как оказы-

вается на этом посту в почётном карауле стоят ученики той школы, в которой раньше учился Толик.

Вернувшись тогда из поездки в Волгоград, Сергей первым делом пошёл в библиотеку, взял какой-то справочник, чтобы посмотреть высоту статуи Свободы, установленной в Нью-Йорке. Оказалось – каких-то жалких 46 метров.

А на втором курсе на зимние каникулы Сергей уехал в Ленинград в гости к однокласснику Лёше Егорову. Мало ли как сложится судьба потом во взрослой жизни, а побывать в основных городах страны Москве, Волгограде и Ленинграде надо обязательно. Нет, в Советском Союзе много замечательных и примечательных городов, которые для их жителей являются лучшими в стране, но эти три города, в понимании суворовца Александра, символизировали всю страну. Понятно, что Ленинград летом, с его белыми ночами, разводными мостами и фонтанами Петергофа, и зимний Ленинград – это два разных понятия. Но первый раз в своей жизни Сергей приехал в Ленинград именно зимой. Точнее, он даже не приехал в этот город, а практически пришёл пешком. Егоров из Калинина сразу уехал домой, а Сергей сначала заехал в Москву и уже оттуда поездом «Москва-Ленинград» направился в гости. Желающих попасть из Москвы в Ленинград оказалось больше чем мест в плановых поездах, поэтому билет для Сергея нашёлся в плацкарте какого-то дополнительного поезда. За окнами поезда мела метель, переходящая местами в буран... Не доезжая до Ленинграда, поезд остановился и пассажирам довели, что двигаться дальше поезд не может, так как пути занесены снегом. За окном было темно, в переполненном вагоне было душно и плакали дети, вода в титанах, и горячая, и холодная, закончилась... Сергей оделся, взял свой чемоданчик, прыгнул с подножки вагона и по насыпи, двинул

в ту сторону, куда смотрел тепловоз. Через несколько часов движения рельсы закончились, так как он добрался до Московского вокзала в Ленинграде. Кстати, поезд притащился к вокзалу только на следующий день, когда Сергей вместе с Алексеем уже всю отдыхали, включив на полную катушку бобинный магнитофон с песнями в исполнении Владимира Высоцкого, которые Сергей слышал впервые.

А сегодня первый учебный день после каникул. Как всегда, ежедневные два часа военного перевода, затем – русский язык и литература, математика, физподготовка...

Сергей не очень часто посещал библиотеку. Но были моменты, когда это надо было сделать, потому что читальный зал с его традиционной тишиной – это минуты покоя, так как твоё личное пространство тут никто не посмеет нарушить. Жизнь в военном училище сродни нахождению в интернате. Подъём, физическая зарядка, умывание, завтрак, учебные занятия, обед, самоподготовка, вечерняя прогулка и отбой – все эти ежедневные мероприятия проводятся коллективно. Человек постоянно находится в круговороте дел и событий, абсолютно не принадлежа себе самому. А иногда так хочется хоть на чуть-чуть, хоть на несколько минут выключиться из этой суеты, отвлечься, побыть наедине с самим собой, что-то нужное вспомнить, о чём-то важном помечтать...

Кто-то скажет, что это не проблема. В конце концов, есть команда: «Отбой». Лежи себе в кровати и думай, о чём не додумал днём, мечтай о чём хочешь. Тот, кто так рассуждает, ничего не знает о жизни людей в военной форме. Набегавшись, накрутившись, накувыркавшись за день, организм, как только голова коснётся подушки, получает команду на выключение. Сказали же: «Отбой!»

Сначала таким местом личного пространства у Сергея была библиотека, а затем стал актовый зал, сцена и

несколько кабинетов позади сцены, где проходили репетиции разных коллективов художественной самодеятельности училища. Сергей начал регулярно приходить туда, став поначалу чтецом, а затем и ведущим всех концертов художественной самодеятельности как в самом училище, так и выездных концертов. Особенно ему нравилось объявлять один номер: «Кавказский танец! Исполняет суворовец Далаксакуашвили Григорий!»

В этом году, году 100-летия Ленина, Сергей подготовил отрывок из поэмы Андрея Вознесенского «Лонжюмо» и со сцены на концертах его исполнял. А перед чтением всегда объяснял зрителям, что в Лонжюмо, пригороде Парижа, в 1911 году размещалась партийная школа Ленина, здесь ковались кадры будущей революции, ядро партии. Готовился Сергей к своим выступлениям тщательно, так как помнил свой первый выход в суворовской форме на сцену, когда он чуть было не опозорился.

Училище тогда готовилось торжественно встретить своё 25-летие. Молодого суворовца Александрова, который где-то там громко прочитал хорошо известное ему со школы стихотворение Маяковского «Стихи о советском паспорте», заметили и включили в группу чтецов, которые после торжественного собрания в городском драмтеатре, должны выйти на сцену этого театра и начать торжественный концерт стихотворными строчками о юбилее родного училища. Сергей должен был громко и выразительно прочитать всего четыре строчки:

«И заверяем именем своим,
Не даром ведь суворовцы – солдаты,
Приз Министерства сохраним
До новой юбилейной даты!»

Одним словом – проще пареной репы. Да, речь в этих строчках шла о том, что переходящий приз Министерства обороны лучшему суворовскому училищу –

бюст Суворова, который был вручён Калининскому СВУ в этом году и стоял в фойе училища, калининские суворовцы не собираются никому отдавать, став снова лучшими.

Четыре строчки... всего... наизусть... Это даже смешно. Репетиции в училище, генеральная репетиция на сцене драмтеатра показали, что все готовы. И вот наступил решающий момент, пять чтецов чётким шагом вышли на сцену в ярких лучах, бьющих прямо в глаза прожекторов, и после звонких звуков торжественной мелодии фанфар начали читать. Пока первый чтец читал, глаза Сергея немного привыкли к свету, и он разглядел большой зал драмтеатра от партера до самых верхних балконов заполненный людьми до отказа, которые смотрели на него. Столько людей вместе, перед которыми надо ещё будет что-то говорить, он никогда за свою четырнадцатилетнюю жизнь не видел, поэтому сразу понял, что он свои строчки забыл. Когда же очередь дошла до него, то он, моментально вспомнив начало своего текста, громко начал его декламировать, точно зная, что дальше первых двух строчек он не помнит ничего. Но он понимал так же, что замолчать не имеет права. Поэтому он сказал следующее:

«И заверяем именем своим,

Не даром ведь суворовцы – солдаты...»

А дальше его понесло, он ведь помнил примерный смысл того, о чём должен был сказать:

«...Приз Министерства обороны будем держать...

До новой юбилейной даты!»

Анализируя позже этот момент, он понял, что готовиться к выступлениям на сцене надо тщательнее. И в любой напряжённый момент никогда не надо сдаваться, надо держаться до последнего.

Сегодня в библиотеку Сергей пришёл не в поисках

личного пространства, а по делу, о котором он доложил на самоподготовке командиру своего отделения вице-сержанту Алексею Тележникову, и с его ведома убыл сюда. Дело в том, что на уроке русского языка и литературы преподаватель Наталья Михайловна Колясинская довела до учеников, что в связи со столетием Ленина и предстоящим съездом КПСС объявлен областной конкурс сочинений на тему: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». А так как Сергей не привык в долгий ящик откладывать предстоящие дела, то он и решил, что библиотека – самое подходящее место для обдумывания этого дела. Он понимал, что просто так взять и написать, почему партия – это всё, перечисленное в теме сочинения, он не сможет. Это же надо знать теорию вопроса, какие задачи стоят перед членами партии, как они эти задачи выполняют? Вот, взять к примеру, отца... Он коммунист, работает на шахте, в Бога не верит и ругает маму, если та, случайно в разговоре вспомнит Бога. Вернее, он говорит так: «Я могу согласиться, что есть Высшая сила, которая руководит всем на Земле. Возможно, она называется Богом. Но я вижу и понимаю, что так называемые представители Бога на Земле – священники, эти попы и всякие другие служители церкви, они же всё делают неправильно, дискредитируют само понятие Веры, так как служат не Богу, а сами себе». Аргументов, чтобы согласиться с отцом или поспорить с ним у Сергея не было никаких. И как он в таком случае должен писать сочинение?

Были ещё непонятные вопросы. Например, Сергей перед самоподготовкой поразмышлял вот о чём:

«Вот в Моральном кодексе строителя коммунизма написано, каким должен быть человек нового коммунистического общества, а именно: «Человек человеку – друг, товарищ и брат». С «товарищем» всё понятно. Все в стране обращаются друг к другу с этим словом. Даже но-

вый начальник училища полковник Чирков Коммунар Михайлович, который вёл парадную коробку по Красной площади, выступая перед строем, что сказал, как обратился к своим подопечным? «Товарищи суворовцы!..» – вот как он сказал. Значит, мы все – товарищи. Я – ему, а он – мне.

Разберёмся со словом «друг». Друзья – это люди, периодически общающиеся между собой, имеющие похожие взгляды, привычки, увлечения. Взять, к примеру, взвод. В общем смысле, мы все тут друзья. Но если приглядеться, то видно, что Витя дружит больше с Петей, Лёха водится с Саней и Вовкой, а Толик – сам по себе. У отца есть друг Алексеич. Но они с ним даже не на шахте познакомились, а на охоте. Тот тоже заядлый охотник. Стали друзьями, встречаются, в гости друг другу ходят. А остальные люди вокруг разве могут стать такими близкими друзьями?

Теперь о «брате». Брат – это родственник. Вот у меня есть старший брат Николай. Между нами существуют хорошие братские отношения. Брат всегда поможет, защитит, подставит плечо. Или взять СВУ. С самого начала обучения мы обратили внимание, как суворовцы старших курсов обращались друг к другу. Чаще всего это было слово «брат». Несколько лет назад система обучения в суворовских училищах перешла на трёхлетний цикл. А ведь раньше он составлял семь лет. Конечно, семилетчики друг для друга становились почти-что реальными братьями. А нам, трёхлетчикам, в следующем году предстоит расстаться, разъехаться по разным военным училищам. Как мы будем прощаться? А как потом встречаться? Мы же, действительно, станем, как братья, и, наверное, тоже будем друг друга братьями называть. А в масштабах страны разве могут посторонние друг другу люди стать братьями... и сёстрами?»

А так как Сергей не находил ответов на эти вопросы, не говоря уже о других, более весомых (Как понять, например, утверждение, что при коммунизме будет действовать правило: «От каждого – по способности, каждому – по потребности!» Кто определит эти потребности, если видно, что они у каждого человека разные), то он понял, что писать сочинение на такую тему надо совсем по-другому, не так, как пишутся обычные школьные сочинения по литературе.

Вот для этого он и пришёл сегодня в библиотеку и сейчас на столе перед ним лежат сборники стихов Маяковского, Блока, Вознесенского и Межирова. Полистав эти сборники Сергей понял, как он будет писать своё сочинение. Он не будет изобретать велосипед. Его уже изобрели. Он не будет ничего придумывать о КПСС. О ней уже всё написано... стихами. Что такое КПСС? Ведущая часть советского общества, в которой находятся лучшие люди страны. А раз это так, то на всех этапах развития страны: революция, гражданская война, создание СССР, коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, полёты в космос и планы на построение социализма и коммунизма – впереди шагает КПСС. И все поэты, кто больше, кто меньше, но обязательно описывали все эти страницы истории. Надо выписать отрывки из их стихов на эту тему, выстроить в порядке развития событий и как-то связать. Ну, например, историей, что один суворовец пришёл в библиотеку и начал читать стихи, чтобы лучше узнать историю страны. Правда, история об этом читателе должна быть тоже... в стихах. Но это уже другой вопрос. Решение принято, можно возвращаться в класс.

Снег во внутреннем дворе училища, куда не залетал ветер, падал красиво, медленно. Но это означало только одно. Следующее занятие по физической подготовке, как,

впрочем, и почти все последующие занятия до весны будут проходить на лыжах. А есть ещё и выходные дни, когда устраиваются спортивные соревнования – лыжные гонки. Прошлой зимой Сергей выполнил второй разряд по лыжам, а теперь придётся «пыхтеть» пока не выполнит первый. Опять по всем Вооружённым силам пойдёт директива: «Всему личному составу за зиму пройти на лыжах столько-то километров».

Когда Сергей вернулся в класс, самоподготовка почти заканчивалась. Он посмотрел, что за уроки будут завтра. Начало четверти, ничего серьёзного.

Чук, сидевший впереди, повернулся и спросил:

– Серёга, а что историчка говорила на последней истории в Москве?

И без перевода было понятно, что Володя Мартычук, по прозвищу Чук, спрашивал о том, какое задание на предстоящие каникулы дала им на последнем уроке истории, состоявшемся в Москве перед самым парадом, преподаватель Шлыкова Валентина Ивановна. А завтра она обязательно спросит о выполнении этого задания.

– Валентина Ивановна сказала, что так как на улице ноябрь, который раньше был октябрём, когда совершилась революция, то дома на каникулах порасспрашивать родственников, кто что помнит про революцию.

– У меня нет таких родственников, – развёл руками Чук.

– Скажи ей, что твой дед брал Зимний, получишь пятёрку. – посоветовал Сергей однокласснику.

– А подробности? – не отставал Чук.

– «Аврора» выстрелила и разбила ворота перед Зимним дворцом. Твой дед вышел на площадь. Погода была, как сегодня, снег, мороз. А где в городе взять дрова, чтобы развести костёр и погреться на улице? Вот охрана и ушла с площади во дворец, чтобы погреться. Дед открыл

дверь, поднялся в зал, где заседали Временное правительство, и сказал ему: «Которые тут временные? Слаз!»

Чук почесал затылок и сказал:

– У меня ощущение, что если я такое расскажу, то получу двойку.

– Правильно! Потому что «Аврора» выстрелила холостым зарядом. А всё остальное было именно так. Мы с Лёшей, – Сергей кивнул в сторону Егорова, сидящего за соседним столом, – прошлой зимой там были. И в музее видели винтовку с биркой: «Винтовка деда Мартынчука». Подтверди, Лёха?

Егоров кивнул и, улыбаясь, добавил:

– Точно! Трёхлинейка Мартынчука.

К ним повернулся Вовка Мартынов и возразил:

– Не надо никого путать. Все знают, что трёхлинейка – это винтовка Мосина.

– Эх, Лёха! – вздохнул Сергей. – Всё ты перепутал. Вовчик прав. Трёхлинейка – это Мосина, а у деда Мартынчука была двухлинейка.

– Да ну вас! – отвернулся Чук.

Сергей знал, о чём будет завтра рассказывать на уроке истории. Он поговорил с дедом Иваном, который знал о многих исторических фактах, о которых в учебниках не написано. Например, он рассказал, что Ленин за свою революционную жизнь использовал около 140 псевдонимов; он картавил, потому что такой же дефект речи был у его отца; впервые Ленина арестовали, когда ему было 17 лет; рост у него был 1,65 м (Сергей подумал тогда, что Ленина не приняли бы сейчас учиться в МосВОКУ, где принимают только с ростом не ниже 1,7 м); Ленин начинал курить, но бросил, так как его пристыдила мать, сказав, что в семье и так мало денег (Сергей этому факту удивился, так как он сам тоже начинал курить на втором курсе, но потом как-то подумал об этой

привычке, так как вред – на лицо, а пользы не видно. Не найдя в курении никакой пользы, он бросил, получается, почти, как Ленин); в ссылку в Шушенское с Лениным отправилась не только жена Надежда Крупская (с которой он был повенчан в церкви, иначе их бы разлучили во время ссылки), но и её мама. Так что долгое время Ильич жил с тёщей. Она постоянно что-то готовила, потому что «Надя не умела».

Но не об этом завтра будет рассказывать Сергей. Не о Ленине, а о его младшей сестре Маше, Марии Ильиничне Ульяновой, которая активно вслед за братом вступила в революционную борьбу и 5 раз была арестована. И вот после очередного ареста, её заключили в камеру, откуда периодически увозили на допрос. Конвоир заводил её к следователю, а сам оставался у двери. Оценив всю обстановку, Мария решила попробовать... сбежать. В камере, оставаясь одна, она начала тренироваться в быстром раздевании и одевании. Когда её в очередной раз привезли на допрос, она при входе в здание сказала конвоиру, что хочет в туалет. Тот подвёл её к дверям туалета, а сам остался у дверей. Мария зашла в туалет, моментально сбросила кофту, оставшись в другой, набросила платок на голову, изменив внешний вид, и через несколько секунд, практически, тут же, вышла снова и, не обращая внимания на конвоира, энергичной походкой направилась к выходу. Конвоир остался стоять у двери туалета, полагая, что его задержанная ещё не вышла. Да и не могла она так быстро выйти. А Мария спокойно вышла из здания на улицу и скрылась в толпе.

Самоподготовка закончилась, все встали, подошли к своим полкам, вмонтированным в проём стены, и начали раскладывать учебники и тетради. Над Сергеем, не мешая ему, навис долговязый Вовка Печора, положил книжки на свою полку и отошёл. Все в классе знали, что его отец

воевал и был ведомым у того самого знаменитого лётчика Талалихина, совершившего ночной таран над Москвой. Печора сказал, что когда вырастет, то обязательно найдёт самолёт Талалихина. Хотя, куда ему ещё расти, когда он и так самый длинный в классе и на параде шёл в первой шеренге? И фамилия у него – Печеневский – самая длинная. Поэтому в классе все его звали коротко и ясно: «Печора».

Потом были ещё какие-то дела. Что-то куда-то надо было перенести. Затем подошло время вечерней прогулки.

Взвод вышагивал по покрытой свежевыпавшим снегом беговой дорожке спортивного городка, раскинувшегося на берегу Волги, а в нескольких сотнях метров от него работала строительная техника, урчал трактор, выравнивая землю. Там заканчивалось строительство мемориального комплекса, посвящённого освобождению Калинина от немецко-фашистских захватчиков. И завтра, 16 ноября, а именно 16 ноября 1941-го года город был освобождён, Калинин будет отмечать эту дату, и завтра же состоится открытие этого мемориала, который строился несколько лет. Да сколько лет их взвод тут по вечерам марширует, столько этот памятник и строится!

– Запевай! – скомандовал заместитель командира взвода старший вице-сержант Михаил Строков.

В каждом взводе было несколько своих строевых песен. Были официальные, которые надо было обязательно петь на построениях и прохождении различного рода в присутствии начальства. Во втором взводе это была песня: «Взвейтесь, соколы, орлами!» А были песни для души, которые и пелись-то, в основном, на вечерних прогулках, и то, если дежурного по училищу рядом не было. Сегодня был именно такой момент, и взводный запевала Толик Омельченко запел, а взвод подхватил

свою любимую песню. Откуда появилась эта песня, кто её сочинил, как она попала к ним во взвод, никто не помнил. Как говорится, история об этом умалчивает. Текст песни был простой, непритязательный, но имел свой философский смысл и даже развитие. Первый куплет был следующим:

«Протекала речка,
Через речку – мост.
На мосту овечка,
У овечки хвост».

Во втором куплете речь шла, о том, что с течением времени рано или поздно всё заканчивается. «И это тоже пройдёт!» – так утверждал ещё царь Соломон. Короче, речка высохнет, мост поломается, овечка, от которой останется только хвост, к сожалению, сдохнет.

А третий куплет был посвящён причинно-следственным связям, властвующим в этом бренном мире, в котором, если бы не было речки, то не было бы и моста, а если бы не существовало овечки, то и хвоста бы не было.

Но самым любимым местом суворовцев второго взвода третьей роты в этой строевой песне был, несомненно, припев, повторяющийся после каждого куплета. Вот он:

«А ну-ка раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь!
Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!»

Песня летела в вечерней тишине вдоль Волги широко и свободно, словно сама великая русская река. Два десятка подростковых глоток в полный голос горла-нили эту песню с удовольствием, озорством, на макси-мальном душевном подъёме. Они были почти готовы вступить во взрослую жизнь, даже в такое нелёгкое её направление как военная служба. Потому что это служба была не вообще ради службы, а ради своего Отечества.

Глава третья
Разговор на кухне
(Декабрь 73-го года)

Мы учим здесь науку побеждать,
Чтоб в бой водить полки и батальоны.
Профессия – Россию защищать
Со звёздами нам ляжет на погоны.
Строевая песня курсантов МосВОКУ

Курсант третьего взвода 14-й роты 1-го батальона МосВОКУ Сергей Александров собирался в увольнение. В разговорах между собой курсанты называли своё училище по-старому «МКПУ», хотя оно давно уже было не «Московским командным пехотным училищем», а гордо носило более полное название: «Московское высшее общевойсковое командное ордена Ленина Краснознамённое училище имени Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», и именно так представлял его в начале всех концертов художественной самодеятельности училища ведущий этих концертов на протяжении последних трёх лет курсант Александров. Иногда в разговорах не самих курсантов, а о курсантах МосВОКУ мелькало словосочетание «кремлёвские курсанты», но только в историческом значении,

так как первые курсанты даже не училища, а Московских революционных пулемётных курсов, образованных в декабре 1917-го года, несли службу в Кремле и даже охраняли там квартиру Ленина. Кстати, Ленин до сих пор является почётным командиром училища, и центральный вход в училище начинается сразу же за памятником вождю мирового пролетариата.

Неофициально каждый курс в училище имел своё название, соответствующее названию советских кинофильмов. Кому-то такие сравнения покажутся шуткой, иронией, но определённая правда, похожесть на эти названия всё-таки имела место. Первый курс назывался «Без вины виноватые», второй – «Приказано – выжить», третий – «Весёлые ребята», а четвёртый – «Их знали только в лицо».

Сергей в настоящий момент учился на третьем курсе и, сказать по правде, не особо чувствовал, что самые-пресамые послабления в учёбе или даже в требовательности командиров и преподавателей происходят на третьем курсе, чтобы соответствовать «Весёлым ребятам». Да всё, как обычно. Занятия в аудиториях и поле, регулярные стрельбы и вождения, служба в двух караулах: один – на территории училища в Москве, а второй – на Ногинском учебном центре в 60 км от Москвы. Вот сейчас взвод Сергея почти в полном составе находится в карауле под Ногинском, а сам Сергей только что вернулся из другого конца Московской области, из-под Волоколамска. Дело в том, что ежегодно группа курсантов, в основном участники училищной художественной самодеятельности, выезжает в село Ярополец, где посещает братскую могилу курсантов, погибших в этом районе при обороне Москвы в 1941-м году, возлагает цветы, а потом в Доме культуры даёт концерт для жителей села. И Сергей, как ведущий концерта, был включён в эту группу.

Конечно, ещё на первом курсе, когда молодые курсанты посетили училищный музей, им рассказали о подвиге кремлёвских курсантов в годы Великой Отечественной войны. Основная масса курсантов МКПУ в начале октября 1941 года находилась в полевом лагере под Солнечногорском, когда училище было поднято по тревоге и перед командованием была поставлена задача: сформировать Отдельный курсантский полк количеством в 1500 человек, совершить 84-км марш и занять оборону под Волоколамском. Командиром полка был назначен начальник училища Герой Советского Союза полковник С.И.Младенцев, комиссаром – полковой комиссар А.Е. Славкин. За одни сутки курсантский полк совершил такой переход и приступил к оборудованию оборонительных позиций по берегу реки Лама вблизи населённых пунктов Ярополец и Гусево.

Волоколамский боевой участок, в состав которого вошёл курсантский полк, вскоре возглавил генерал-майор И.В.Панфилов, командовавший 316-й стрелковой дивизией. 12 октября Отдельный курсантский полк вступил в бой с частями немецко-фашистских войск, рвавшихся к Москве. Стойкость курсантов вынудила фашистов искать другое место для прорыва. Они попытались прорваться через позиции соседней Панфиловской дивизии и им удалось потеснить 1077-й полк на правом фланге обороны. Как рассказали в музее, опираясь на воспоминания командира курсантского батальона В.Я.Лободина, начальник штаба 1077-го полка лично обратился к курсантскому комбату, чтобы курсанты помогли, и ударили во фланг противнику. Две курсантские роты ночной атакой выбили фашистов из занимаемых позиций. И таких эпизодов, решительных и неожиданных действий курсантов на подмосковных полях, было много. С задачей, задержать противника до подхода резервов, «кремлёвские кур-

санты» справились с честью.

До 6 декабря, когда полк был расформирован, и оставшимся в живых курсантам были присвоены офицерские звания, полк вёл упорные бои на подступах в Москве. А в братской могиле у села Ярополец осталось лежать 811 курсантов. Это более половины из состава полка. А 9 курсантов, павших смертью храбрых в этих боях, навечно зачислены почётными курсантами училища. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Москву, 59 курсантов и 30 офицеров были награждены орденами и медалями.

Сергей попытался тогда же на первом курсе дополнительно узнать о судьбе командира курсантского полка полковника Младенцева. Оказалось, что до войны тот был преподавателем тактики в училище. Потом участвовал в Финской кампании, где, командуя полком, получил звание Героя Советского Союза. На должность начальника Московского пехотного училища, в котором он раньше и преподавал тактику, полковник Младенцев был назначен уже после начала Великой Отечественной войны в июле 1941 года. Не удивительно, что именно он возглавил Отдельный курсантский полк, обороняя Москву.

Имея исключительную отвагу и боевой опыт, полковник Младенцев успешно решал поставленные задачи, а в критические минуты боя лично водил курсантов в контратаки. После расформирования курсантского полка полковника Младенцева направили вновь руководить училищем, которое к тому времени было эвакуировано в Новосибирск. В 1944-м году генерал-майора Младенцева после неоднократных его просьб вернули на фронт, где назначили командиром дивизии. После войны генерал-майор Младенцев продолжил службу, руководил Тульским и Ярославским пехотными училищами. Уволен в запас в 1954 году, скончался в 1969 году.

Сергей понимал, что станет он в процессе службы генералом или нет, зависит не только лично от него, но и от других факторов. В училище на эту тему гуляла шутка о том, что сыновья полковников точно станут полковниками, а вот генералами могут и не стать, потому что у генералов есть свои сыновья. Сергею, сыну потомственного шахтёра, не пожелавшему идти в выборе профессии по стопам отца, в предстоящей военной службе надеяться было не на кого, кроме как на самого себя. Закончив СВУ с одной четвёркой в аттестате по русскому языку, в ВОКУ он сразу выбился в отличники и стал кандидатом на получение золотой медали. А когда узнал, что золотой медалист имеет право после окончания училища выбирать место службы, то понял, что медаль надо получать во чтобы-то ни стало. Попасть служить за границу – это не просто и часто – дело случая. Послужить Родине в Забайкалье или на том же Сахалине – это всегда успеется. А попадёшь ли после этого в Чехословакию, Германию или Венгрию – это неизвестно. Зачем же искушать судьбу? А для получения права выбора, то есть, для получения золотой медали, кроме отличной учёбы, необходимо было показать себя и в общественной работе. А так как со времён учёбы в Калинин Сергей был активным участником художественной самодеятельности, то продолжил этим заниматься и в Москве, благо, училищная база, клуб при училище со многими кружками и секциями позволяли это делать. Да и по комсомольской линии Александрова избрали ротным секретарём.

Подобных поездок, как сегодня, когда вместо занятий или заступления в караул предстояло поучаствовать в важных общественных мероприятиях, в училищной жизни Сергея случалось немного. В прошлый раз, недели две назад, когда взвод почти в полном составе нёс службу в карауле в Москве, Сергей, как обычно, был назначен на

пост №1 у Боевого Знамени, что находилось в специальной витрине, установленной в вестибюле основного училищного корпуса рядом с комнатой дежурного по училищу. Позади часового во всю стенку красовалась огромная карта Советского Союза, выложенная мозаикой красного цвета разных оттенков.

Два часа неподвижного стояния на одном месте с автоматом наперевес рядом с училищным стягом на глазах дежурного и его помощника — ещё то испытание. Днём-то стоять не скучно, какая-то пусть и вялая, но жизнь в вестибюле главного корпуса теплилась: то начальство пройдёт, то курсанты куда-нибудь переместятся, то дежурный по училищу или его помощник промелькнут, то посетители появятся. А вот ночью... скука смертная.

В магазине радиотоваров в Москве Сергей купил радиоприёмник под названием «Микро». По рассуждениям Сергея, когда он рассматривал диковинный маленький радиоприёмник в магазине, его правильнее было бы назвать «Микрон» из-за его размеров. В спичечный коробок таких приёмников поместилось бы целых два. А «Микро» его назвали, наверное, потому, что буква «н» просто не помещалась на маленьком корпусе. В паспорте было написано, что это «микроминиатюрный радиоприёмник». Сбоку был рычажок «вкл-выкл», а выше названия приёмника разместились рукоятка переключения частот в виде белой пуговицы от кальсон (Простите, разработчики этого устройства из Зеленограда, а потом и Минского радиозавода, где запустили производство таких приёмников, за сравнение!) От радиоприёмника шёл тоненький проводок, на конце которого размещался наушник. То есть слушать такое радио можно было, лишь вставив наушник в ухо. Вот Сергей и приспособился, стоя на посту ночью, пропускать провод за ухом через

воротник ко внутреннему карману куртки, где лежал радиоприёмник – и таким образом слушать радио.

Да, кто-то скажет, что курсант Александров тем самым нарушал Устав гарнизонной и караульной службы, один из четырёх уставов, на котором основывается вся воинская служба, и заслуживает самого сурового наказания, вплоть до исключения из училища. Нет и ещё раз – нет! Времена исключения из училища даже за менее грубые нарушения прошли на первом и втором курсах. Чтобы тебя исключили на третьем курсе – это надо такое-эдакое сотворить... на уровне уголовного дела. И потом, в Уставе написано, что часовому запрещается есть, пить, курить, сидеть, прислоняться к чему-либо, ходить в туалет и т.д. Но всё запретить абсолютно невозможно! Ну, например, может ли часовой прыгать на одной ноге? А делать стойку на руках? А слушать радио?

Сергей не знал, что этот радиоприёмник, весивший всего 27 грамм, разработанный в Зеленограде под Москвой, продавался не только в СССР, но и шёл на экспорт во Францию. Он произвёл мировую сенсацию на съезде радиоинженеров в США, где в газетах задавались вопросом, как это СССР смог нас обогнать. Даже Никита Сергеевич Хрущёв, выезжая за границу, брал эти приёмники с собой в качестве сувениров и подарил их президенту Египта Гамалю Абдель Насеру и даже самой английской королеве Елизавете.

Две недели назад Сергей на посту у Боевого Знамени училища радио не слушал, так как его голова была забита другими, более важными мыслями и размышлениями. Он сочинял сценарий предстоящих дневных киносъёмок. А находясь в карауле в отдыхающей смене под утро, не давал покоя двум курсантам, вернее, сержантам, – Валерке Константинову по кличке «Тигр» (так как он был выпускником Уссурийского СВУ) и

Шуре Болонкину. Они в соответствии со сценарием вместе отрабатывали приёмы рукопашного боя.

Дело в том, что перед этим Игорь Михайлов принёс из увольнения ручную портативную восьмимиллиметровую кинокамеру. Ходил по училищу и снимал всякую ерунду. То они снег на плацу убирают, то в снежки играют, то друг друга в сугроб бросают. А Сергей предложил начинающему кинооператору прийти завтра в караул, где можно снять что-то поинтереснее, чем игры в снежки. Игорь как раз в караул не заступал. Вот Сергей ночью на посту придумал сценарий, утром с действующими лицами они отрепетировали свои роли, а днём, когда в караул пришёл Михайлов, сняли кино. По сюжету, придуманному Сергеем, на курсанта-часового, чью роль и исполнял Сергей, напали два преступника, но в результате рукопашной схватки часовой их обезоружил и задержал. Получилось ли что-нибудь на плёнке, пока неизвестно, но Игорь пообещал, что если получится, то когда-нибудь покажет.

Когда Сергей учился в СВУ, то на каникулах он к деду Ивану, живущему в Москве, заезжал два раза. А за два с половиной года учёбы в МосВОКУ по состоянию на сегодняшний день – ещё три раза. Вот сейчас он собрался посетить полковника Годенко Ивана Павловича, родного брата деда Афанасия, в четвёртый раз. Дед был участником Великой Отечественной войны, видел и пережил многое, но, главное было, его разговорить. Немного в этом помогала дедова фронтовая привычка. Он, когда вечером возвращался домой, то обязательно заходил в магазин около дома и покупал бутылку водки. Ужин он начинал со стакана водки. Его жена Варвара Ивановна эту привычку знала, терпела... Но второй стакан дед в этот день не выпивал. Полбутылки оставались в шкафу... для выходных дней или праздников.

В увольнение сегодня Сергей ехал с ночёвкой. Обычно так отпускали в увольнение только москвичей, но Сергея, как отличника учёбы, кандидата на золотую медаль и общественного активиста, тоже иногда так отпускали. Сначала автобусом до станции метро «Текстильщики», затем в метро до станции «Полежаевская», от которой до дома, где жил дед Иван с женой, рукой подать... Через полтора часа Сергей уже сидел у деда Ивана на кухне. Ужинали.

У деда Ивана и его жены Варвары Ивановны был сын Павлик. Их трёхкомнатная квартира состояла из гостиной, спальни и комнаты Павлика. За все приезды в гости к деду Сергей ни разу этого Павлика не видел, но Варвара Ивановна каждый раз рассказывала про него, мол, Павлик то и Павлик сё... Хотя какой же он для Сергея «Павлик»? Он же Павел Иванович, двоюродный дядя, получивший своё имя в честь своего деда Павла, который для Сергея является прадедом. Но что этот дядя делает, кем и где работает, этого Сергей не знал. Знал только, что Павлик по стопам своего отца не пошёл, военным не стал.

– Насколько я знаю, ваш отец, он же мой прадед Павел, воевал в Империалистическую войну. Он что-нибудь рассказывал вам с братьями об этом? Какие-то эпизоды вспоминал? – спросил Сергей деда.

– Воевал. Но, во-первых, ту войну точнее будет называть Первой мировой, – уточнил дед Иван. – А во-вторых, любая война – не особый повод для рассказов, особенно со слов её участников, – дед немного помолчал, а потом продолжил. – Как-то отец говорил, что несколько раз на фронте пересекался с одним унтер-офицером... Все его кликали «Чепай». Хороший был вояка, спуска, по словам отца, австриякам не давал. Однажды в Галиции отец попал в одну заварушку... почти в плен. Австрийцы

обложили со всех сторон. Не выбраться. Отец уже думал, что всё... пропал, отвоевался... Но тут подошла подмога во главе с Чапаем. Отбились! А я потом навёл справки. В академии кое-какие материалы посмотрел. Всё сходится! Этот Чепай оказался не кем-нибудь, а известным всем, и мне, и даже тебе, Василием Ивановичем Чапаевым.

– Ничего себе, – удивился Сергей.

– А я такое словосочетание «ничего себе» стараюсь не употреблять, – заметил дед. – Зачем же желать себе ничего, в том числе и ничего хорошего. Кстати, сын Чапаева Александр стал артиллеристом. Тоже хорошо воевал... но на другой войне. И я с ним пересекался в Великую Отечественную. Взаимодействовали... в Прибалтике, – добавил Иван Павлович.

Вспомнив о предстоящем полевом выходе, Сергей спросил деда:

– Да, Иван Палыч, а зимой на фронте как обогревались?

– Как получится. Но главным обогревателем была, конечно, печка-буржуйка. Хотя постоянно надо было решать проблемы с топливом, но солдатская смекалка часто выручала. Как-то захожу к пехоте в землянку, а там не просто тепло, а жарко, как в бане. Посреди землянки – печка, раскалённая докрасна. А я знаю, что дров, деревьев или разрушенных домов поблизости нет.

– Чем топите? – спрашиваю.

– Так тут поблизости дом кирпичный стоял, вот им и топимся. – отвечают.

Боец, что ближе всех к печке находился, дверцу печки открывает, а там, вижу, действительно кирпичи горят. Самые натуральные кирпичи!

А боец, молча, показывает на ведро, стоящее в углу. А там тоже кирпичи, но залитые доверху керосином. Оказывается – несколько часов такой ванны для кирпичей, и

они становятся вполне пригодными для использования в качестве необычного топлива. Керосин выгорит – новую партию загружают в печку.

А вот сапёры, как люди высокой технической культуры, могли себе позволить обогреваться иначе. Они использовали трофейные противотанковые мины, выплавляя из них тол и жгли его в печке. Он горит ровным пламенем и без дыма.

А что тебя это так заинтересовало вдруг? Просто или по делу?

– Да у нас через месяц полевой выход намечается с ночевкой в поле... в палатках. Мы в шутку такие занятия называем «на выживание».

– Наверное, буржуйки-то вам выдадут. Не у костров же будете греться.

– Я уточнял. С буржуйками много проблем. Короче, наше средство обогрева называется «поларис».

– И чем же оно отличается от американских ракет с таким же названием?

– По виду и по издаваемому гулу, я думаю, ничем. А вот тепла наши «поларисы» дают больше. Это длинная металлическая труба, запаянная снизу... Сантиметрах в пятидесяти от низа в трубе делается отверстие, а выше его, сантиметрах в пятнадцати – второе. И всё – «изделие» готово к запуску. Труба ставится вертикально, в нижнее отверстие, практически до самого его края, заливается солярка, которая поджигается. Труба накаляется практически докрасна и греет, пока солярка вся не прогорит.

– И какой же диаметр вашего «полариса»?

– Такой же как у труб для буржуйки, может, немного больше. Перевозить легко. Кинул такую трубу в любую машину. Можно сверху на БМП или БТР закрепить.

– Вот вы сейчас курсанты, будущие офицеры...–

порассуждал дед, – А вот практика в войсках, стажировка у вас будет?

– Конечно! По-моему, в конце третьего курса... весной или в начале лета. Мы сейчас взводную тематику проходим. Поедем на стажировку должности командиров взводов осваивать.

– Офицер – это прежде всего воспитатель, это работа с людьми, с которыми, если что, тебе идти в бой. А бой... настоящий бой, это не учения. Я на войне понял, как важно общение командира с солдатом, – продолжил дед свои поучительные рассуждения. – В трудных условиях войны – это особенно важно. Ведь каждое слово, каждый поступок офицера солдаты обдумывают, оценивают... Им важно знать настроение своего командира, верит ли он сам в то, что говорит подчинённым, уверен ли сам в успехе боя или сомневается. Солдат обмануть нельзя. И путь к их сердцам найдёт лишь тот, кто не боится правды, кто умеет разговаривать с людьми откровенно и убеждённо. Солдаты должны убедиться, что командир о них думает, но под их настроение не подстраивается, а говорит то, во что верит сам. Солдаты воюют всегда гораздо лучше, если понимают обстановку, верят в командира и в свои силы.

– Ну вы прямо, как замполит, политинформацию мне читаете, – сказал Сергей.

– Это ты сейчас так рассуждаешь, потому что зависишь только от самого себя, а команду подразделением, поймёшь, как много зависит от твоих подчинённых. Ордена, медали, звания офицеру приносят его солдаты, свои успехи и победы офицер добивается не сам, а вместе с подчинёнными, – ответил дед.

Выпив положенный ему стакан водки и хорошо закусив, Иван Павлович спросил:

– А ты видел фильм «Освобождение»?

– Да, буквально на прошлой неделе у нас в клубе показывали «Битву за Берлин» и «Последний штурм».

– А начальные серии этой киноэпопеи видел?

– Конечно. Ещё в суворовском училище посмотрел первый фильм «Огненная дуга».

– Я знаком с режиссёром, консультантами... и даже с некоторыми актёрами виделся. Основные бои снимали на полигоне у города Переяслав-Хмельницкого. Я несколько раз туда приезжал, кое-какие эпизоды консультировал. Старались максимально приблизить съёмку фильма к реальности. В принципе – это удалось. Насколько возможно было восстановить...

– Как я понимаю со своей колокольни, это только в документальных фильмах всё точно соответствует действительности, а в художественных это почти невозможно, – заметил Сергей. – Главное – добиться максимально возможной похожести, и чтобы актёры классные были. Я заметил, что в эпизодах фильма о танковом сражении под Курском на переднем плане воевали «тридцатичетвёрки» и «Тигры», а на заднем плане ползали Т-55.

– Это ты правильно отметил. При съёмках таких исторических фильмов стоит две задачи: первая – не искажать историю, а вторая – картинку на экране выстроить в соответствии с тем временем, о котором идёт речь. Где можно было взять столько немецких танков для таких масштабных съёмок? Их вообще к тому времени нигде не осталось. Вот и пришлось копии танков заказать на Львовском ремонтно-механическом заводе. Воссоздали около десятка «Тигров» несколько самоходок «Фердинанд». Да Министр обороны Малиновский приказал выделить для съёмок сто танков и три тысячи массовки. Солдат переодели, современные танки перекрасили... Конечно, много зависит и от консультантов. Ведь ещё во время работы над сценарием Юрий Озеров, сам фронто-

вик, намеревался сделать Жукова главным консультантом картины. Но Жукова не утвердили наверху, хотя он смог сотрудничать с Озеровым во время съёмок.

– А этот Озеров не родственник спортивного комментатора Николая Озерова? – не удержался от вопроса Сергей.

– Родной брат... Плохо, что в таких масштабных исторических картинах бывает, что страдает история, исторические факты подвергаются определённой ревизии. Историю в кино искажают по двум причинам. Если реальные факты не подходят по той или иной причине, часто – по политической, тем, кто кино снимает или заказывает съёмку. Или, когда нет достоверной информации о том, как было в каком-то историческом эпизоде на самом деле.

– И вы хотите сказать, что исторические неточности есть и в «Освобождении»? – осторожно спросил Сергей.

– К сожалению... Точно знаю про одно искажение. Потому, что доподлинно знаю, как в действительности погиб командующий войсками Первого Украинского фронта Ватутин. Смертельное ранение он получил при столкновении своей штабной группы с украинскими националистами. А в фильме показан момент, что его штаб при перемещении наткнулся на якобы прорывающихся из окружения немцев.

– Вроде – мелочь... Подумаешь, чуть-чуть неточно... – заметил Сергей.

– Вот именно, что «вроде». А маленькая ложь вызывает большое недоверие, особенно у тех, кто был свидетелем этих событий.

– Хорошо! – принял Сергей точку зрения деда. – Эту неточность вы знаете точно. А не точно? Есть ещё спорные моменты в фильме... на ваш взгляд? – спросил

внук, поиграв словами.

– Я бы, например, изменил трактовку факта о затоплении нескольких станций берлинского метро.

– То есть, факт затопления метро вы не отрицаете? – уточнил Сергей.

– Этот случай известен всем, кто штурмовал Берлин. Но в фильме показано, что Гитлер лично дал команду затопить метро. Несмотря на то, что в тоннелях находились люди, женщины, старики, дети... Мирное население, одним словом.

– Так-так..., – протянул Сергей, ожидая, чем же по мнению деда провинились в этом сюжете создатели фильма.

– Известно, что немцы использовали тоннели и другие подземные коммуникации в интересах обороны Берлина для осуществления скрытых передвижений войск и нанесения неожиданных ударов по наступающим, тем более, что знали они эти коммуникации и использовали их лучше, чем наши войска. Никакого смысла, военной необходимости для немцев в подрыве или затоплении метро, что ослабило бы их возможности оборонять город не было. Почему мы должны считать и показывать немцев дураками в военном деле? И потом, Гитлер покончил с собой 30 апреля. А последнее более-менее нормальное совещание у Гитлера, на котором он мог бы отдать приказ о затоплении метро, состоялось 24 апреля. Именно на этом совещании командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг доложил о полном окружении Берлина войсками Красной армии... А метро было затоплено только утром второго мая. Через неделю после предполагаемого приказа Гитлера. Даже если предположить, что Гитлер, находясь в неадекватном состоянии, всё же отдал приказ о затоплении метро, то почему приказ был исполнен только через неделю, когда берлинский гарнизон

практически капитулировал?

– Запутанная история... – сделал вывод Сергей. – В кино показали одну из версий развития событий. А может быть всё было не так? Или точнее, не совсем так?

– Вот и я об этом же...

– Но фильм всё-таки художественный, а не документальный. Реальных военачальников играли артисты. Вы как считаете, похожи они на своих прототипов? – перевёл Сергей разговор от спорных моментов фильма на актёрскую игру.

– Попробовали бы они сыграть плохо, если ещё живы те, кого они играют. Например, Жуков, сам предложил режиссёру, чтобы его роль сыграл актёр Михаил Ульянов. А маршалу Коневу не понравился актёр, который должен был его играть. Показали ещё несколько претендентов, но Конев и их забраковал. Лишь Василий Шукшин, которому пришлось побриться налысо, удовлетворил маршала.

– Я видел Ульянова на сцене, – сказал Сергей. – Театр Вахтангова в качестве шефской помощи выделил в училище несколько билетов. Я их, как комсомольский секретарь, распространил, и сам тоже пошёл в театр. Спектакль был революционный, и Ульянов в нём играл роль Ленина. На сцене актёра Ульянова не было, там был один Ленин. Вот какого мы Ленина видели во всяких фильмах про революцию, таким узнаваемым он и был на сцене театра в исполнении Ульянова. Даже картавил так, как Ленин. А в фильме «Председатель»? Да, Жуков с Ульяновым вместо себя не прогадал. Великий актёр.

– Я же, как и многие фронтовики, не люблю смотреть фильмы про войну. Сильно там искажается действительность, – посетовал дед. – Особенно обидно, когда немцев показывают эдакими тупарями... бездарями... Ты же понимаешь, что воевали мы с жестоким коварным

противником. И в руководстве Германии было много умных политиков. И Гитлер в действительности был не таким, как его показывают в наших фильмах. Да, кстати, тут недавно Константин Симонов взял большое интервью у Георгия Константиновича... у маршала Жукова. Где-то у меня фрагменты этого интервью были... — с этими словами дед Иван вышел ненадолго, вернулся с нужной бумажкой, протянул её Сергею, — Посмотри сам, как Жуков оценивает Гитлера.

Сергей взял страницу с машинописным текстом и молча прочитал:

«Вообще у нас есть неверная тенденция. Читал я тут недавно один роман. Гитлер изображен там в начале войны таким, каким он стал в конце. Как известно, в конце войны, когда все стало расплзаться по швам, он действительно стал совсем другим, действительно стал ничтожеством. Но это был враг коварный, сильный... И если брать немцев, то конечно же они к нему не всегда одинаково и не всегда отрицательно относились. Наоборот. На первых порах восхищались им. Успех следовал за успехом. Авторитет у него был большой, и отношение к нему внутри. Германии, и в частности со стороны германского военного командования, было разное на разных этапах. А когда мы его изображаем с самого начала чуть ли не идиотиком — это уменьшает наши собственные заслуги. Дескать, кого разбили? Такого дурака! А между тем нам пришлось иметь дело с опасным, страшным врагом. Так это и надо изображать...»

— У меня есть визитка маршала Жукова, — сказал после небольшой паузы Сергей.

— Откуда? — удивился дед. — Маршал в последнее время болеет.

— Карпов с моего взвода ещё в прошлом году принёс. Его отец отвечает за техническое обеспечение пара-

дов на Красной площади. Вдруг какая-нибудь техника, танк или самоходка, вздумает заглохнуть на площади. По периметру... за праздничными плакатами стоят тягачи с работающими двигателями. Чуть какая-то заминка, кто-то отстал... начинает глохнуть... – команда: «Внимание!» Остановился – команда: «Марш!» За минуту остановившаяся бронемашина эвакуируется с площади. Но насколько я знаю, таких случаев не было.

– Так я о визитке... – напомнил дед.

– Я не знаю, где и как он её получил. Но мне она пригодилась. Я же в прошлом году по ней на хоккей «СССР – Канада» попал.

– Это осенью, когда наши с канадцами суперсерию в Лужниках играли? – уточнил дед.

– Ну да! Еле-еле смог на последнюю игру билет достать. Реально визитка Жукова помогла. В конце игры счёт был пять – пять. С таким счётом общая победа в серии оставалась бы за нами. Но за тридцать секунд до конца игры канадцы пробили Третьяка, забили шестую шайбу. И таким образом выиграли всю суперсерию. Но игра была жёсткая, не только на грани фола, но и за гранью... Несколько раз такие драки вспыхивали...

– Ну, на первую игру билеты ты достать не мог, потому что на игре сам Леонид Ильич... Брежнев присутствовал...

– Я знаю! Наши в той... первой игре победили.

– А знаешь ли ты, как канадцы в московской гостинице располагались? ■ спросил дед.

– Нет, конечно... Откуда?

– А мне тут недавно один знакомый рассказал. Гостиница «Интурист» на Тверской. С нашей стороны всё, как обычно. Иностранцы никогда не жаловались. А канадцы приехали какие-то испуганные, мол, за ними будет следить КГБ... В номерах, наверняка, «жучки»... Засе-

лились и начали эти «жучки» искать. Всё перерыли! Особо старались братья... как их...

– Маховлич? – подсказал Сергей.

– Вот-вот. Маховлич. Один из них в своём номере под ковром нашёл какую-то коробочку, прикрученную к полу. Ясное дело – подслушивающее устройство. Начал откручивать винты. Когда дошёл до последнего, раздался грохот... Он ведь открутил огромную люстру в конференц-зале этажом ниже, которая и грохнулась... вдребезги. А ещё один хоккеист, решив, что подслушивающее устройство вмонтировано в зеркало, выбросил это зеркало из окна номера. Пришлось руководству гостиницы таким постояльцам выставить счёт... несколько тысяч долларов.

– Весёлые ребята – эти канадцы, – сказал Сергей, взял листок с отрывком из интервью Жукова, вернул его деду. – Я книгу Жукова «Воспоминания и размышления» всю прочитал. Но остались вопросы. Вот как так получилось, что, имея опыт войны с японцами, финнами и даже повоював в Испании, отодвинув свои границы в тридцать девятом и сороковом годах на сотни километров на запад, зная, что рано или поздно Гитлер всё равно нападёт на нас и зная, как именно немецкие войска воюют в Европе... мы всё равно оказались не готовы к войне и за четыре месяца отступили от границы до самой Москвы? Я понимаю, что причин этому много, но, наверное, есть глубокие... причины, стратегически какие-то просчёты...

■ Боевые действия в Испании, Японии, Финляндии показали, что опыт Гражданской войны уже устарел, конницей и тачанками победы не добьёшься. И видя, как укрепляется и действует Германия, надо было организационно и технически перестраивать армию. Такие решения были приняты. К сожалению, война началась, когда наши вооружённые силы находились в стадии реорганизации и

первооружения. Война для нас началась при качественном и количественном превосходстве противника.

– И всё? Только поэтому мы отступали, а немцы нас постоянно опережали и окружали?

– И поэтому тоже! А были ещё и стратегические просчёты... Основная масса войск Западного округа, например, была расположена у границы в так называемом белостокском выступе, вогнутом в сторону границы, в сторону противника. Да и войска Юго-Западного фронта располагались не лучше. Естественно, ударив по флангам, немцы совершили глубокий охват и окружение наших войск. И потом делали так регулярно, включая окружение большой нашей группировки под Вязьмой, когда Москва оказалась почти открытой. Но самое главное... – дед Иван сделал паузу и почесал свою абсолютно лысую голову, – самое главное – это отсутствие опыта принятия самостоятельных решений у командиров и начальников всех рангов, включая высшее командование РККА. Все привыкли ждать указаний сверху, вот с началом войны до самого последнего момента ждали... Примешь решительные меры, а вдруг это провокация. Но об этом в книге Жукова, по-моему, говорится. Вместо решительных мер предпринимались полумеры, как бы чего не вышло.

– Это как шутильная армейская команда: «Стой там, иди сюда!» – заметил Сергей.

– И так было практически до самой Москвы. Могли ли немцы взять Москву? И да, и нет! Судьба Москвы висела на волоске. Если бы немцы не меняли свои первоначальные планы, не меняли направления главных ударов, а постоянно целили на Москву, то Москву бы они заняли. Но война-то на этом не закончилась бы. Она продолжалась и продолжалась, и всё равно конечная победа была бы за Советским Союзом. Слишком большим был СССР, и большие были его возможности и ре-

сурсы... Во всяком случае, больше, чем у Германии с её союзниками. И вообще, немцы планировали покончить с Советским Союзом быстро... в ходе молниеносной войны. Но молниеносной война могла быть только в Европе, а на громадных просторах нашей страны, чем глубже немцы втягивались, тем труднее им было доставлять к линии фронта резервы, продовольствие, боеприпасы, тем более вытянутой становилась линия фронта, требующая всё большего количества боевых частей. Да и оккупированные территории, где всюду действовали партизаны, требовали всё большего наличия войск. И *начала* Германия буксовать, начала выдыхаться... Фронт требовал всё большего количества войск, а требуемых резервов у Германии уже не было. А в СССР всё только начало разворачиваться, и эвакуированные заводы заработали на полную мощность, и свежие дивизии из глубины страны подтянулись к фронту... Да вся страна полностью перестроилась на военный лад. А советские офицеры получили необходимый опыт руководства войсками в сложной обстановке больших сражений на огромных пространствах.

— Иван Павлович, а вы не хотели бы свои воспоминания написать? Вы от Сталинграда дошли до Берлина, участвовали в параде Победы, воевали с Японией... Есть о чём рассказать.

— Я думал об этом, но своевременно понял, что это — не моё. Ты же понимаешь, что многое, из всего, что было на войне, описать невозможно. Война — это страх, смерть, ужас, кровь, грязь, жестокость... Описывать такое правдиво, реалистично нельзя. Сглаживать, жалея читателя, я не могу. А есть эпизоды, которые я и вспоминать не хочу. Освободила моя часть один концлагерь... Это же... просто увидеть... с ума сойти можно.

Дед Иван налил полстакана водки и залпом выпил.

Понюхал кусок чёрного хлеба, откусил половину солёного огурца.

— В такие минуты, встречая такое, я себя убеждал, что это происходит не со мной... Эти ужасы кто-то другой видит. И такое было не только на войне, но и после её официального окончания. Взять ту же Прибалтику или, что далеко ходить, знакомую тебе не понаслышке Западную Украину. Меня же после окончания войны с Японией буквально через неделю уже отправили во Львов. И многих выходцев из Восточной Украины, особенно владеющих украинским языком, туда для борьбы с бандеровцами направили. И велась там самая настоящая война, но особая, специфическая... и не менее жестокая. Кто-то из классиков сказал, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Так вот бандеровцы создали такую жёсткую систему воздействия на население, что она влияла, воспитывала, действовала, касаясь всех возрастов и слоёв: детей, подростков, молодёжь, стариков...

И дальше участник борьбы с бандеровским движением на Западной Украине полковник Иван Павлович Годенко, рассказал своему внуку, с какими трудностями столкнулся он и его товарищи в западных областях Украины, где бандиты в обязательном порядке вели среди населения активную политработу по разъяснению идей ОУН-УПА. Занимались ею политработники-бандеровцы, причём для каждой категории разные, отдельно для мужчин и женщин, а также раздельно среди юношей и девушек. Помогали в этой воспитательной работе священники греко-католической церкви. Каждый населённый пункт Западной Украины в той или иной степени входил в эту систему и работал на боевиков. Самое сильное влияние бандеровцев было, конечно, в сёлах. В каждом селе был пункт связи с круглосуточным дежурством. Связными обычно были молодые девушки в возрасте от десяти

до семнадцати лет. Задержишь такую, спросишь, куда идёт? Так, мол, к родственникам, куда же ещё? А когда в этой системе наши бойцы разобрались, поступали просто: переворачивали эту девушку вверх ногами и трясли, пока из бюстгальтера не выпадет зашифрованное донесение. Мальчишек бандиты использовали в качестве наблюдателей. Были у бандеровцев свои госпитали, тюрьмы, своя прокуратура и следственный аппарат, а также служба безопасности, существовали школы младших командиров и политвоспитателей, а при отделе особого назначения – «сотня отважных юношей» и «сотня отважных девушек».

– Самые младшие использовались как наблюдатели, разведчики и связные, а старшие – как диверсанты, – продолжал дед Иван. – Подрастая, молодёжь вливалась в ряды боевиков, уже будучи хорошо подготовленными для ведения эдакой партизанской борьбы.

– Так партизанская война ведётся против врага, который пришёл завоевать твою землю. А здесь, когда практически украинцы воевали с украинцами, это гражданская война! – порассуждал Сергей.

– Ну мы не могли её так назвать по идейным соображениям, – ответил дед. – Но в действительности так оно и было. А гражданская война, когда практически брат идёт на брата, она намного кровопролитнее, чем, когда воюют армии. При малейшем подозрении на сотрудничество с властями человек, и даже часто бывало, что и вся его семья, жестоко уничтожалась.

Короче, пока мы не изменили тактику, в каждое село не поставили гарнизон, дело не сдвинулось. Бандитов загнали в лес, лишили их снабжения. Они прятались в специальных бункерах-схронах. Берёшь длинный железный штырь и начинаешь протыкать землю, пока не обнаружишь схрон.

– А почему нам об этом на занятиях не рассказыва-

ют? – спросил Сергей.

– Нельзя! Мы же все вместе сейчас строим коммунизм. И Россия, и Украина, и Грузия, и Прибалтика... Скоро в наших паспортах исчезнет графа «национальность», так как мы все станем просто «советским народом», то есть, каждый из нас станет «советским человеком». Но почему-то мне кажется, что «советский человек» родом из Львова или Ровно будет отличаться от такого же гражданина СССР родом из Киева или Москвы.

– Вот почему в фильме «Освобождение» показано, что Ватутина убивают немцы, а не бандеровцы, – сделал вывод Сергей.

– Кстати, я думаю, что по такой же причине вам не рассказывают и о зверствах венгров в годы войны под Воронежем, о том, как жестоко обращались с населением на оккупированных территориях румыны, воюющие на стороне Гитлеровской Германии, продолжил дед. – Молчат о том, что болгарские лётчики под Сталинградом сбили около двухсот наших самолётов. Потому что мы же все – страны социалистического лагеря. Должны жить дружно. Назло врагам социализма!

Дед Иван вздохнул, налил остатки водки, так же залпом выпил и, почти не закусывая, спросил:

– Вот что ты знаешь про события в Венгрии?

– В пятьдесят шестом году там был контрреволюционный мятеж, который мы подавили, и с тех пор там существует Южная группа войск. Но мне что-то не хочется там служить после окончания училища.

– А почему этот мятеж там случился, вам говорят?

– Толком нет, но, наверное, потому что кто-то чем-то там был недоволен.

– В общем, да. Огромную роль сыграла дезинформация западных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Движущей силой поначалу были творческая ин-

теллигенция и студенты. А затем в бой вступили выпущенные из тюрем по амнистии год назад политические заключённые, включая фашистов, их пособников и даже охранников лагерей. Неожиданно выяснилось, что «мирные демонстранты» хорошо вооружены и организованы. Понимаешь, на что я намекаю?

– Нет, – откровенно ответил Сергей.

– Я же каждый год в отпуск езжу на Украину. Часть отпуска провожу в Бердянске на Азовском море, а иногда заезжаю во Львов, в Киев, где служил и остались друзья по совместной службе. Так вот разговаривая с ними, обсуждая различные вопросы, в том числе и политического содержания, понимаем, что работу с населением надо вести более активно. Сейчас модно все грехи валить на Никиту Сергеевича. Но, во-первых, есть за что его ругать. Ведь в пятьдесят пятом году, когда в честь десятой годовщины Победы Хрущёв амнистировал многих участников бандеровского движения, многие полицаи и бандиты, оставшись реальными врагами советской власти, вернулись домой. В отличие от других республик СССР таким возвращенцам предоставляли жильё, помогали с трудоустройством и даже компенсировали в значительной степени ущерб, причинённый конфискацией при арестах имущества. Работа по искоренению «бандеровщины», – дед постучал себя по абсолютно лысой голове, – в головах людей была свёрнута на нет. Вот и стали на различные административные должности выдвигаться люди не только с туманом в голове, но и последователи вредных идей. Мои друзья рассказывают, что на некоторых высоких не только хозяйственных, но и партийных постах, не говоря уже о мелких, особенно в сельской местности Ровенской, Львовской и Ивано-Франковской областей – уже стоят люди, сторонники ОУН. И я не удивлюсь, если некоторые из них вышли из этой самой бандеровской «сотни

храбрых юношей». Хотя народ-то наш в своей массе состоит из нормальных адекватных людей, понимающих, что им несут националисты разных мастей. Особенно, конечно, высока степень понимания ситуации в среде образованных людей, с высшим образованием, у городского населения...

Дед помолчал, а потом, как показалось Сергею, решил сменить тему, так как стал говорить о своей жене:

– Как утверждает Варвара Ивановна, у меня есть один большой недостаток: я не выбрасываю всякую интересную мне информацию, а храню её. Когда почти двадцать лет назад партия бросила клич: «Молодёжь, все на освоение целины!», то туда отправилось около полутора миллиона человек, в том числе – и с Украины. И в Казахстане произошёл один случай, который мне запомнился, так как о нём было напечатано в газете «Комсомольская правда». Случай трагический, и касается он студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова. Я почему обратил внимание на этот случай. Потому что, когда служил во Львове, то проживал рядом с этим институтом. По утрам студенты шли на учёбу, а я – на службу.

Значит, этот Василий одним из первых приехал в Казахстан поднимать целину в совхозе «Киевский» и стал работать прорабом. Способный организатор, хороший товарищ, человек веселого, общительного нрава, он быстро завоевал авторитет, уважение и любовь первоцелинников. В один из зимних дней в составе колонны Рагузов повёз со станции сборные дома для первой совхозной улицы. Неожиданно начался очень сильный буран, длившийся, как оказалось потом, несколько суток. Колонна остановилась, Василий решил идти за помощью. Пошёл один, заблудился и погиб. Был он человеком ответственным, мужественным, волевым... Минуточку...

Дед поднялся и вышел из кухни. Вернулся, держа в руках вырезку из газеты, которую протянул внуку со словами:

– Вот письмо, найденное у Василия в кармане.

Сергей взял вырезку и прочитал то, что было обведено красным карандашом:

«Нашедшему эту книжку! Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь в г. Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1, Рагузовой Серафиме Васильевне.

Дорогая моя Симочка! Не надо слёз. Знаю, что будет тебе трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь – ни конца, ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сыновей так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь, как хочется жить! Крепко целую. Навеки твой Василий».

– А на улице Гончарова во Львове, недалеко от того дома, где жила семья Василия, размещалось одно из подразделений СМЕРША, с которым мы взаимодействовали, борясь с бандеровцами, – уточнил дед, – Знакомые места... Так вот Василий, сознавая, что погибает, сделал ещё приписку... Читай дальше!

Сергей прочитал часть вырезки, обведённой синим карандашом:

«Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым. Дорогие мои деточки, Вовушка и Сашунька! Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел, чтобы вы продолжили мое дело. Самое главное – нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко. Ваш папа».

Сергей, молча, отдал вырезку деду. А что тут говорить?

А дед сказал:

– Вот нормальный человек из Западной Украины

поехал на целину. С такими Василиями не то что целину поднять, страну поднять можно. Эта статья в газете вызвала десятки тысяч откликов по всей стране. Новые отряды добровольцев двинулись на целину, чтобы довести до конца дело, из-за которого погиб Василий. А сопку, около которой он погиб, назвали его именем. А возмём, к примеру, Кука?

– Это не про него поёт Высокий: «Ну почему аборигены съели Кука?» – спросил Сергей.

– Нет, этот украинский... Василий Кук. Последний главнокомандующий УПА. И никто его ещё не съел. И главное, и не собирается есть. Четыре года командовал УПА, шесть лет отсидел в тюрьме. В шестидесятом году был амнистирован по личному указанию Хрущёва. И где он сейчас?

– Где? – спросил Сергей в свою очередь.

– Как ни в чём не бывало работает в украинском Центральном историческом архиве. И я не удивлюсь, что он там пишет свои мемуары, которые рано или поздно будут где-то изданы. Хорошо, что в прошлом году убрали с должности первого секретаря ЦК КП Украины Шелеста, который скрывал всё это от Москвы. Надеюсь, что будут предприняты все нужные меры, чтобы с этими проблемами разобраться. Да, Серёжа, – дед внимательно посмотрел на внука, – я надеюсь, что ты понимаешь... что всё это я тебе рассказываю для твоего общего понимания ситуации, как будущему офицеру. А не для всеобщего обсуждения... Я уже ничего не боюсь, я своё отбоялся. Но ты свои мысли, в основном, держи при себе. К тебе в армию будут призываться разные люди... с разными мыслями в голове. Разбирайся, фильтруй... Нас враги били-били в разное время... не побили. Нас снаружи никто не победит, если внутри мы будем едины. Вот! А сейчас мы все идём спать.

Глава четвёртая

Военная игра

(Октябрь 76-го года)

«Ничто так не портит армию, как неправильно поданная команда!» – это негласное правило лейтенант Сергей Александров запомнил с первых своих самостоятельных шагов командования взводом. Нельзя сказать, что эти шаги давались молодому лейтенанту нелегко, но проблемы на первых порах, конечно, были. Хотя он и закончил престижное Московское общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР с золотой медалью, но училищная теория – это одно, а реальная служба в войсках – это, во многом, другое. Причём временами лейтенант, сталкиваясь с какой-нибудь очередной проблемой, недоумевая, задавал сам себе вопрос: «А почему об этом в училище даже не упоминалось?»

Двадцать два человека, составляя собой третий взвод четвёртой мотострелковой роты, стояли в строю и внимательно смотрели на своего нового командира взвода, оценивая все его действия, команды, поступки. Шаг за шагом Сергей завоёвывал свой командирский авторитет, не стесняясь советоваться со своим замкомвзводом старшим сержантом Зверевым, как лучше выполнить ту или

иную задачу, кого из взвода назначить в ту или иную команду.

Первым и вторым взводами в роте командовали опытные старшие лейтенанты, но Сергей обращался к ним за советом только в крайних случаях.

«У них своя свадьба, а у нас своя, – думал Сергей. – Говорят, построить коммунизм в одном, отдельно взятом взводе, невозможно, а мы попробуем. Главное – заинтересовать солдат в высоких результатах. И следить, чтобы бойцы были всегда заняты делом. Перемена занятий – это и есть отдых. Первое условие поднимет уровень боевой подготовки каждого подчинённого и, соответственно, всего взвода, а второе – улучшит состояние воинской дисциплины».

На каждое полевое занятие Сергей брал свой фотоаппарат «Вилия-авто» и фотографировал бойцов, победивших в выполнении различных нормативов. За фото для дембельских альбомов его подчинённые перекрывали нормативы в два, а то и в три раза. И хотя метод обучения: «Делай, как я!» никто не отменял, иногда подчинённые обгоняли своего командира. Например, если Сергей надевал противогаз за 3,4 секунды, то рекорд взвода принадлежал снайперу Сапарову – 2,7 секунды.

Через полгода взвод лейтенанта Александрова стал выделяться в лучшую сторону по дисциплине, организованности, исполнительности. Подчинённые поверили в своего молодого командира и не хотели лишний раз его подводить. Вскоре место уволившегося в запас Зверева занял командир первого отделения сержант Васьковцов. Во взвод пришло несколько молодых солдат. Но особых изменений в маленьком коллективе не произошло. Служба текла по установившемуся руслу. Все в роте, начиная с командира роты капитана Добрынина, стали привыкать, что, если надо что-то показать, организовать, то это луч-

ше всех сделают солдаты из третьего взвода. Фамилия лейтенанта Александрова в положительном смысле уже несколько раз звучала на батальонных совещаниях, а один раз – на полковом. Капитан Добрынин уже смело поручал молодому лейтенанту решение самостоятельных задач, типа организации и проведения стрельбы или инструктажа караула.

И вот за две недели до начала больших учений лейтенанта Александрова вызвали в штаб 265-го полка, размещённого в чешском городе Высоке Мито, куда полк, входивший ранее в состав 14-й армии Одесского военного округа, передислоцировался из Молдавии в 1968 году в ходе операции «Дунай».

В штабе полка приехавший генерал на большой карте вкратце обрисовал задачу, которую предстояло решать взводу лейтенанта Александрова в ходе предстоящих учений. Затем на Уазике они вместе выехали на рекогносцировку.

Учения намечались двухсторонние. Дивизия «северных», в которой служил Сергей, на одном из этапов должна была перейти к обороне, а соседняя дивизия, действующая на стороне условного противника, то есть «южных», должна была совершить марш и перейти в наступление.

Взводу лейтенанта Александрова предстояло активными действиями в полосе обеспечения дивизии максимально затруднить выдвижение колонн противника, задержать их, выиграть время для перехода основных сил своих войск к обороне. Конечно, Сергей понимал, что в этой полосе будет действовать не только один его взвод, но и другие подразделения. Но сколько их, где и как будут они выполнять задачу, об этом генерал командиру взвода не говорил. По всей видимости, это и была часть той самой военной тайны, о которой все слышали, но

никто так толком и не узнал, что она конкретно из себя представляет.

И вот их Уазик, изрядно поплутав по чешским дорогам и проехав ни много ни мало километров около двухсот пятидесяти, наконец-то, оказался на каком-то заброшенном полигоне. Хотя, пожалуй, полигон — это слишком громкое слово для этого участка местности, размером два на полтора километра, зажатого с трех сторон насыпью, по которой проходила узкоколейка. Половина этого пространства было занято двумя рощами, а на второй половине когда-то находилось небольшое тактическое поле. Оно и сейчас было изрыто полузасыпанными окопами, траншеями и покрыто воронками. Кое-где ещё торчали столбы с поржавевшей колючей проволокой. Даже несколько противотанковых ежей затаилось в высокой траве.

Войска, по всей видимости, здесь давно не занимались. Котлован около насыпи с южной стороны уже был приспособлен под свалку мусора. По восточной границе этого заброшенного полигончика проходило шоссе, по которому и должна будет проследовать, по словам генерала, одна из колонн противника.

Лейтенанту Александрову предстояло замаскировать взвод в районе бугров, тянувшихся вдоль котлована, и при появлении противника атаковать его, чтобы заставить остановиться, развернуться, одним словом, отвлечь на себя походное охранение, а если удастся, то и часть главных сил.

Командир взвода взобрался на самый высокий бугор, осмотрел с его небольшой высоты прилегающую местность. В бинокль хорошо была видна окраина посёлка с железнодорожным переездом, откуда начиналась насыпь, плавной дугой огибающая тактическое поле. Затем Александров прошёл вдоль опушки рощи, углубился

в неё на несколько десятков метров и вернулся к Уазику, в котором его терпеливо ожидал генерал.

– Товарищ генерал-майор, я всё осмотрел. Сколько примерно времени у меня будет с момента прибытия сюда до появления противника?

– Это зависит и от тебя, и от противника. Многие факторы могут сыграть свою роль, начиная от погоды и заканчивая состоянием техники. Я думаю, что часа три, возможно – четыре. Хватит?

– Так точно!

«Успею, – подумал про себя Сергей, – но размещать взвод за буграми не буду».

«Две недели пролетели, как четыре дня», – кажется, так поётся в одной песне об отпуске. Время до начала учений промчалось ещё быстрее. И вот поднятые ранним утром по тревоге, совершив трёхсоткилометровый марш, дивизия и, соответственно, полк, батальон и рота, в которых одновременно служил лейтенант Александров, прибыли на окружной полигон, где по плану учений соединение переходило к обороне. Их батальону предстояло обороняться во втором эшелоне.

Пока занимали свои районы и участки, стемнело. Дождевые тучи, весь день кружившие над войсками, только с наступлением темноты разрешились тихим скучным дождиком. Но Александрову показалось, что дождь начался не сам по себе, а его с собой в расположение роты принёс посыльный со штаба полка. Командира третьего взвода четвёртой роты вызывал к себе командир полка.

Сергей никогда раньше не был в штабе, развернувшись для работы в полевых условиях, и ему интересно было наблюдать за той, на первый взгляд, бестолковой суетой и неразберихой, царившей тут. Сергей вспомнил четверостишие, известное ему ещё с курсантских времен:

«Командно-штабное учение –
Для глаз посторонних игра.
Придумали сами мучение –
И мучаются до утра».

Проходя мимо одной из палаток, он, заинтересовавшись табличкой, висевшей у входа, «Макет местности», заглянул внутрь. В палатке никого не было, и Сергей вошёл. Огромный макет занимал почти всё пространство палатки, оставляя проходы только по бокам. Такого макета местности Сергей не видел даже в училище. Горы, реки, леса, дороги, населённые пункты – всё было наглядно и красочно выложено на макете из песка, поролона, картона, дерева, бумаги и разноцветных опилок. Больше всего Сергея поразила река, поверхность которой была гладкой, голубой и блестящей. Сергей пальцем постучал по поверхности воды, царапнул ногтем. По всей видимости, река была выложена из кусочков стекла, покрашенного в голубой цвет.

Положение войск на макет ещё не наносилось. Только в лесу у подножия горы стояло пять красных танков, а на краю макета лежало несколько синих вертолетов.

«Играть в войну на таком макете – одно удовольствие», – подумал Сергей. Он вспомнил, как в детстве любил играть в оловянных солдатиков. Да что там в детстве! Никто из мальчишек и девчонок седьмого класса, в котором учился Сергей, не поверил, если бы им сказали, что любимым занятием их одноклассника-отличника по вечерам была игра в солдатиков, но не в оловянных и даже не в пластмассовых, а в деревянных... из бочонков в «лото». Девяностого номера он назначил полководцем, бочонки с нолями были офицерами. Армию свою он строил на полу, используя всю ширину ковровой дорожки

Эх, как пригодился бы семикласснику Серёге этот макет из штабной палатки!

Вскоре лейтенант Александров навтыжку стоял перед полковым командиром. Командир полка, успевший за первые сутки учений охрипнуть, но не успевший побриться, внимательно смотрел на молодого офицера, вспоминая, зачем тот ему понадобился. После небольшой паузы он сказал:

– Бери свой взвод и на двух бронетранспортёрах выдвигайся в указанный ранее район. Там быть завтра к шести ноль-ноль. Подход «южных» ожидается к восьми часам утра. После выполнения задачи возвращаешься сюда, если сможешь, конечно. Не заблудишься?

– Не должен. Карта выведет, – спокойно ответил Сергей.

– Выдвижение отсюда начни пораньше. Ночь, дождь, мало ли что... Скажу честно, я бы послал сейчас туда другого взводного, более опытного. Но ты был на рекогносцировке, знаешь задачу, место. Надеюсь, найдёшь его и не потеряешься. Командир батальона убедил меня, что ты справишься. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Действуй!

Сергей сориентировался по карте. Получалось, что предстояло проехать по незнакомой местности километров сорок. Нудный затяжной дождик не прекращался. Но, зная ещё с курсантских времен, что «мокрый воды не боится», Сергея это обстоятельство не беспокоило. Вот темнота – это проблема.

Несколько раз он проскакивал мимо нужных перекрестков и поворотов. Приходилось возвращаться, с трудом разворачивая неповоротливые бронетранспортёры на узких чешских дорогах. Бронетранспортёр, конечно, машина хорошая, да только ехать на ней старшему машины

приходится, стоя в люке, постоянно наблюдая за дорогой и управляя водителем. Чтобы сверить с картой местность и не заблудиться, приходилось останавливаться и, прикрывая карту от дождя плащ-палаткой, уточнять свое местоположение, учитывая по спидометру, на сколько же километров они отъехали от предыдущей остановки.

В темноте никаких ориентиров не было видно, поэтому ориентироваться приходилось только по дороге, сверяя по перекресткам и развилкам свой маршрут с картой.

Уже при подъезде к нужному посёлку второй БТР, старшим на котором был замкомвзвод Васьковцов, не вписавшись в поворот, съехал сначала на полевую дорогу, а затем, объезжая толстое дерево, застрял в неглубокой, на первый взгляд, канаве.

Время уже близилось к шести, а они, мокрые, злые и грязные, никак не могли сдвинуть севший на днище БТР с места. Трос лопнул. Лебёдку цеплять было не за что, так как за канавой начиналось поле. Пользы от дерева, склонившегося сбоку над бронетранспортёром, не было никакой. Оно даже от дождя не укрывало.

– Товарищ лейтенант, оставляйте меня с машиной, забирайте всех бойцов с собой на броню и уезжайте, – предложил Васьковцов.

– Это резервный вариант. Бросить машину и уехать может каждый. Хотелось бы ещё помучиться, тем более что время терпит. На одном «бетэре» мы сможем выполнить только одну задачу – задержать колонну, а вторую – нет.

– Так у нас же одна задача.

– Есть и вторая, не менее важная, – вернуться в полк, – сказал командир взвода. – Васьковцов, ты помнишь, когда рота последний раз сдавала вождение в колонне?

– Осенью на проверке. Трояк роте поставили из-за «бетэра» со второго взвода, который отстал.

– А что было дальше с этим бронетранспортёром, не знаешь?

– Ну он, догоняя колонну, слетел с дороги в какое-то болото. А что?

– А дальше было самое интересное. Он застрял левым боком, всеми четырьмя колёсами. Первым к нему на батальонной летучке подъехал наш техник роты прапорщик Буйнов. И стал БТР вытаскивать. А так как трос лебёдки зацепить было не за что, то Буйнов зацепил его за правое заднее колесо бронетранспортёра. Потянул летучкой и... оторвал колесо.

И тут, как на грех, подъезжает на Уазике командир дивизии. Смотрит на застрявший БТР и спрашивает у Буйнова: «Ну, что, товарищ прапорщик, как дела? Скоро ли вытащите бронетранспортёр?»

А Буйнов отвечает: «Так точно. Процесс идёт успешно. Вот уже одно колесо вытащил».

Васьковцов и водители рассмеялись.

– Так, – сказал командир взвода, – тишина. Будем рассуждать логически. Ни вправо, ни влево, ни вперёд, ни назад наш БТР сдвинуть нельзя. Вниз его давить тоже нет смысла. Значит, остаётся только одно свободное направление – вверх. Весь бронетранспортёр мы не поднимем, а вот носовую часть – попытаемся. Главное – оторвать днище от земли, чтобы задние колёса нашли опору.

Так, ефрейтор Поздняков, вытаскивай трос лебёдки. Сержант Васьковцов, двух человек, наверное, Кордина и Гарипова, отправляй на дерево. Первый пусть крепит конец лебёдки над бронетранспортёром, второй – его страхует.

Сергей подошёл к своему БТРу и сказал водителю:

– Слушай задачу. На первой передаче подъезжаешь,

вернее, тихонько подкрадываешься сзади к машине Позднякова и упираешься в его корму. По моей команде толкаешь. Понял?

– Так точно!

– Действуй, но смотри на меня.

Буквально через несколько минут по команде офицера водитель застрявшей машины ефрейтор Поздняков включил лебедку, затем – первую передачу. А как только трос натянулся, Сергей подал знак водителю своей машины. Несколько секунд, пока мощности двигателей складывались в одно, конкретно направленное усилие, растянулись, как резина.

И вот вся конструкция все-таки сдвинулась с места.

– Стой! Отпускай лебедку!

Когда часовая и минутная стрелки на часах командира взвода вытянулись в одну линию по вертикали циферблата, оба бронетранспортёра пересекли железнодорожный переезд перед полигоном. И сразу же, как по команде, прекратился дождь.

Маскировать взвод в районе бугров, как предлагал генерал на рекогносцировке, лейтенант не стал. Александров не понимал лозунга: «Учить войска тому, что необходимо на войне». А чему же ещё учить войска, как не тому, что необходимо на войне, если войска предназначены именно для ведения войны? Но он понимал, что существует большая разница между реальным боем и тактическими учениями, тем более двухсторонними. Она, наверное, такая же, как разница между тем, что учил курсант Александров в военном училище, что ожидал увидеть в войсках, и той реальной жизнью командира мотострелкового взвода, которой он жил и которая привела его сейчас на этот полигон. Теория и практика – две, возможно, и похожие, но очень разные вещи.

Для реального боя ему, действительно, пришлось бы

расположить взвод на буграх, окопаться, и с появлением противника оборонять свой опорный пункт до последнего вздоха. Шансов выйти из этого боя живым не было никаких, так как взвод сразу же был бы окружён и раздавлен. Его «героическая» жизнь плавно бы перешла в не менее героическую смерть. Но самое обидное, что замедлил бы он продвижение колонны противника, в лучшем случае, на какой-то десяток минут.

Вот если бы ему придали авианаводчика, артиллерийского корректировщика и хотя бы несколько саперов с грузовиком взрывчатки, мин и прочих инженерных «прибамбасов», то тогда уже умирать было бы веселее, так как он задержал бы здесь противника на час-другой и, действительно, выполнил бы свою задачу.

А если он сейчас в ходе тактического учения закопается в этих буграх, то его даже не заметят. Несколько взрывпакетов и пара сотен холостых патронов, включая, правда, патроны для крупнокалиберных пулеметов на бронетранспортерах, – вот и всё, что у него есть. Да при сильном ветре, учитывая, что расстояние отсюда до посёлка около километра, его и не услышат. И все его потуги будут, как, Сергей вспомнил известное ещё с отроческих лет выражение, «возня в ширинке великана».

А раз это учение, то воспринимать его нужно, как военную игру, и играть по своим специфическим правилам, отличающимся от законов реального боя. В общем, стрелять – так стрелять, любить – так любить, играть – так играть.

На самый высокий бугор лейтенант поднялся вместе с пулемётчиком рядовым Кординым.

– Ты – наблюдатель. Место наблюдения – вот этот старый окоп. Наблюдай, в первую очередь, за выездом из посёлка в районе железнодорожного переезда. Оттуда появится колонна противника. Как только увидишь две пер-

вые машины, дашь сигнал.

– Какой?

– Свистеть умеешь?

– Умею.

– Тогда свисти. Но себя не обнаруживай. Развёртывание взвода вот на этом поле будешь прикрывать огнём из пулемёта. Понял?

– Так точно!

– Подремонтируй пока окоп. Да, прикрывать взвод будешь до того момента, пока бронетранспортёры, возвращаясь, не поравняются с тобой.

План Сергея на этот учебный бой был прост. Активными демонстрационными действиями обратить внимание противника на себя, увести его подальше от шоссе, а потом попытаться оторваться.

Сергей только сейчас понял смысл фразы, брошенной на прощанье командиром полка: «После выполнения задачи возвращаешься сюда, если сможешь, конечно». Эта дурацкая железнодорожная насыпь, огибающая полигон, портила весь план, так как отрезала все пути отхода.

«Ладно, разберёмся, – подумал Сергей. – Время ещё есть».

Оставив Кордина на бугре, Александров поспешил к опушке леса, точнее, рощи, где личный состав под руководством Васьковцова уже заканчивал маскировать бронетранспортёры.

– Сержант Васьковцов, постройте взвод!

Через несколько минут взвод, выстроившись в две шеренги, слушал своего командира.

– Орлы! Отечество в опасности! Кроме рядового Кордина, который, видите, вон там копошится на бугре, и кроме нас, спасти страну больше некому. Всем в этот трудный и мокрый час брать пример с ефрейтора Позднякова, который застрял ночью в канаве, но под утро,

подвесив свою боевую машину на дереве и, подсушив её, не ударил в грязь лицом, а разбросал её колёсами.

Солдаты заулыбались, забыв о бессонной ночи, о дожде и, вообще, о трудностях армейской жизни.

– Я вам уже рассказывал о русском солдате, который в тысяча восемьсот двенадцатом году под Смоленском один удерживал переправу почти сутки, не давая возможности переправиться французской армии. Он перебегал от одного ружья к другому, создавая видимость многочисленности своей обороны.

А нас с вами много, и мы задачу выполним. Вы всё умеете, всё знаете. Просто наступило время, и появилась возможность, доказать на практике, что третий взвод, как говорят по «видику», «надерёт задницу любому и в любом количестве».

Солдаты знали, что их командир никогда в жизни не ругался матом, не использовал в разговоре грубые и «матерные» выражения – ни в школе, ни в суворовском, ни в высшем военном училище. Сначала они просто недоумевали, так как многие из них впервые в жизни столкнулись с таким явлением. Как это, ни разу? Ни одного матерного слова? Такого не бывает. А потом привыкли, поняв, что, оказывается, обо всём можно поговорить и даже подать любую доходчивую команду без мата.

– Сейчас в течение двадцати минут позавтракать сухим пайком. Далее подготовиться к действиям в атаке. Командирам отделений потренировать личный состав посадке и высадке на бронетранспортёры и развертывании в цепь. Васьковцов, раздать холостые патроны. Водителям провести контрольный осмотр машин. Имейте в виду, успех нашей кампании наполовину зависит от вас, от исправности техники. Замешкаетесь – все попадём в плен. К Позднякову применят третью степень устрашения, и он выдаст всю военную тайну.

– Никак нет, – отреагировал Поздняков, – Не выдам, так как я её не знаю.

– Обувь очистить от грязи, чтобы не скользили по броне, как... – Сергей запнулся, так как никого не смог представить скольльзящим по броне, и закончил, – Как сами знаете, кто. Готовность к бою через один час. Вопросы? Разойдись! Сержанты и водители, ко мне!

Лейтенант Александров вывел командиров отделений и водителей на поле между буграми и железнодорожным переездом, показал маршрут движения каждого бронетранспортёра, рубежи спешивания и перехода в атаку.

– После спешивания по моей команде бронетранспортёрам приблизиться к цепи, развернуться и двигаться за цепью задним ходом. Башенные установки развернуть назад и вести огонь холостыми патронами. Я спешиваться не буду. Управлять буду из первого бронетранспортёра. Ясно? Бегите завтракать. Да, младший сержант Войтенко, не забудь отослать Кордину его вещмешок с сухим пайком.

– Наблюдатель, как дела? – крикнул Сергей в сторону бугра. Кордин вытянул из окопа, где уже успел комфортно расположиться, руку и покачал ею, словно с трибуны Мавзолея.

– Нормально! Без разрешения ни туда ни сюда муха не пролетит. По шоссе прошло три легковых автомобиля и пьяный трактор.

– Продолжай наблюдение. Сейчас тебе завтрак принесут.

– А кофе будет?

– Будет тебе и кофе, и какао с чаем. А также белка со свистком. Кстати, а ну-ка, свистни. Может, ты и свистеть-то не умеешь?

На бугре раздался молодецкий свист.

Пулеметчик Кордин был старослужащим солдатом. Служить ему оставалось два месяца. Приход нового командира во взвод он встретил настороженно. Поначалу между ними были даже определенные трения. Но Кордин, убедившись, что никто на его авторитет во взводе не покушается, успокоился. А Александров постарался этот авторитет, не роняя его, направить в нужное русло, часто подчеркивая перед строем, как умело рядовой Кордин выполнил ту или иную задачу. Единственное, что не нравилось Кордину, это запрет, наложенный командиром взвода на две вещи. Во взводе было запрещено материться и употреблять выражение: «Не положено». После нескольких внеочередных нарядов на работу, полученных от командира взвода за грубость по отношению к сослуживцам, а точнее, за мат в казарме, Кордину все же пришлось смириться и с этой тяготой военной службы в третьем взводе.

Через полчаса, успев наскоро перекусить, лейтенант Александров проехал на бронетранспортере вдоль насыпи, затем пропетлял по полевым, точнее, по просёлочным дорогам в двух рощах, ютившихся на полигоне. Вскоре он вернулся на опушку и предоставил БТР в распоряжение младшего сержанта Войтенко, который несколько раз потренировал свое отделение в выполнении нормативов по посадке и высадке.

А еще через час на полигоне установилась тишина.

Взвод в полной готовности затаился на опушке леса в ожидании сигнала.

Прошел час... другой. Ожидание затягивалось. Противник явно запаздывал на войну. Но это были его проблемы. А вот то, что уставшие бойцы всё сильнее «клевали носом» – это была проблема командира взвода. Лейтенант понимал, что времени для развертывания у него будет в обрез.

Он подозвал к себе сержантов.

– Не давайте людям уснуть. Рассказывайте анекдоты, спрашивайте устройство автомата, что хотите делайте... И помните, все должны быть в бронетранспортёрах. Особое внимание – водителям. Начало действий – зелёная ракета. По местам!

Командиры второго и третьего отделений вместе с замкомвзводом сержантом Васьковцовым уже залазили на броню своего бронетранспортёра, когда услышали свист, а затем увидели зелёную ракету, скользившую плавной дугой в направлении железнодорожного переезда.

– Заводи! Вперёд!

Бронетранспортёр уже начал движение, когда Васьковцов надел шлемофон и доложил:

– Двадцать третий, я – двести тридцать первый, выполнил «Старт-сорок два».

Вскоре он увидел движущийся справа БТР командира взвода с первым отделением. Игра началась.

Бронетранспортёры выровнялись и на полной скорости, обогнув бугры, выехали на поле.

– Броня! Земля! К бою! – Эти привычные команды мотострелки выполнили быстро и уверенно. Бронетранспортёры замедлили ход, и солдаты, спешившись, развернулись в цепь и двинулись по направлению к дороге. Сергей крикнул младшему сержанту Войтенко, чтобы тот выровнял линию своих атакующих солдат. Взвод действовал слаженно. Теперь можно было и оценить сложившуюся обстановку. Сергей перевел взгляд на дорогу, где несколько минут назад появились первые машины из колонны противника, и замер. Пока он управлял своим взводом, противник, обнаружив его, тоже действовал. Несколько бронетранспортёров (сколько именно, Сергею считать было некогда, но он понял, что

их явно больше, чем у него), одновременно свернув с дороги вправо, остановились и, высадив пехоту, замерли у края поля. И сейчас уже развернувшаяся в цепь, вероятней всего, рота противника двигалась прямо на его взвод. В цепи двигалось не менее полсотни человек, хотя Сергею показалось, что все сто. Впервые в жизни Сергей, а вместе с ним и его солдаты ощутили то, что, должно быть, в реальном бою чувствуют и видят бойцы, отражающие атаку или бросающиеся в контратаку. Даже холодок пробежал по спине.

Да, конечно же, отражать такую атаку превосходящих сил противника можно было только с места, закрепившись на выгодном рубеже под прикрытием огня своих бронетранспортёров и пулемёта Кордина. Но в этом учебном бою действовать надо было по-другому, выманивая противника на себя, уводя его подальше от дороги, выигрывая время.

Расстояние между двигающимися навстречу друг другу шеренгами сокращалось, возбуждение нарастало.

Сергей увидел, как нервно и тревожно оглянулся назад рядовой Оськин, молодой солдат. За ним оглянулся Войтенко. Старослужащие солдаты, хотя и впервые попали в такой переплет, шли вперёд, на первый взгляд, спокойно, ведя огонь короткими очередями холостых патронов.

Громко забарабанил крупнокалиберный пулемёт второго БТРа. За ним длинную очередь послал в сторону противника старший стрелок Синицын из БТРа командира взвода. На левом фланге, где руководил Васьковцов, раздалось два взрыва от взрывпакетов. В этот шум боя вплелись и длинные очереди позади. Это Кордин открыл огонь с бугра по противнику.

По сигналу лейтенанта бронетранспортёры развернулись кругом и, включив заднюю передачу, стали

подтягиваться к цепи. Кругом развернулись и башенные установки, продолжая вести огонь короткими очередями.

Расстояние между шеренгами уменьшилось настолько, что Сергей уже ясно различал возбуждённые лица наступающих. Некоторые из них уже переходили на бег, чтобы быстрее сблизиться с этой горсткой обречённых людей, безответственно и бездумнодвигающихся на них.

Медлить больше было нельзя, и Сергей громко командовал:

– К машине! По местам!

Если бы в выполнении норматива по посадке в бронетранспортёр учитывались, кроме отличных результатов, ещё и какие-нибудь общеармейские рекорды, то сейчас все отделения его взвода явно показали рекордное время. Буквально несколько секунд понадобилось его солдатам и сержантам, чтобы оказаться на спасительной броне. Они не залазили, не запрыгивали, а буквально взлетали на бронетранспортёры.

Не ожидавшая такой прыти от, казалось, почти обречённого взвода, цепь «южных» уже сломалась, перешла на бег. Многие бросились к машинам, чтобы поймать ускользающего врага.

А бронетранспортёры «северных» не спешили отрываться от бегущих за ними солдат условного противника, всё дальше и дальше уводя их от дороги.

Сергей видел, как командир одного из взводов «южных» остановился и, повернувшись к стоящим далеко у дороги своим бронетранспортёрам, что-то кричал, нажимая на тангенту переносной радиостанции, вызывая машины к себе, чтобы организовать преследование. Но бронетранспортёры были далеко, и времени, чтобы поиграть «в кошки-мышки», а потом оторваться, у Сергея было недостаточно.

Махнув рукой Кордину, чтобы тот садился, Сергей подал водителю знак притормозить.

Вдруг краем глаза он уловил слева по ходу какое-то движение. Резко повернув голову, он чуть не вскрикнул. Со стороны рощи, из которой он начал свою атаку, наперерез его машинам на полной скорости мчались два бронетранспортёра. За ними на значительном удалении, явно медленнее, двигался и третий. По всей видимости, это был головной дозор, проскочивший по шоссе вперёд, пока он разворачивал свой взвод, а теперь, обогнув рощу по западной опушке, стремившийся окружить его, прижав к насыпи.

Думать о том, что случится с Кординым, если тот не успеет запрыгнуть на броню, было уже некогда.

– Скорость! Газу! – крикнул Сергей водителю.

Два двигателя, одновременно получив увеличенные порции топлива, взревели, и, набирая скорость, бронетранспортёр помчался вперед. БТР Васьковцова, отстав поначалу метров на сорок, тоже набрал скорость.

– Правее! Выезжай на дорогу! – подал команду водителю командир взвода.

Он утром проезжал по этой полевой дороге, перерезавшей полигон почти по центру от бугров до второй рощи. Посередине открытого участка между рощей, буграми и насыпью когда-то были оборудованы оборонительные позиции. Сейчас от них осталось две полузасыпанные траншеи, вдоль которых тянулись проволочные заграждения, в которых было проделано два прохода. Именно туда направлял Сергей свой бронетранспортёр.

Расстояние между его машинами и двумя БТРами противника неумолимо сокращалось. Впереди идущий БТР головного дозора уже дошёл до проволочного заграждения и направился вдоль него. Вот расстояние между ними уже стало метров пятьдесят. Сергей хорошо ви-

дел восторг на лице офицера, стоящего в командирском люке и строчившего по его бронетранспортёру из автомата.

Буквально за пятнадцать-двадцать метров до первого ряда колючей проволоки полевая дорога, по которой двигался БТР Александрова, раздваивалась и тянулась к двум проходам. Бронетранспортёр, проскочив эту развилку, пошёл по бездорожью прямо на проволочное заграждение, не принимая ни вправо, ни влево.

БТР противника замедлил движение. Какой проход в проволочном заграждении перекрыть, левый или правый? И как только он притормозил, прикрывая ближайший к себе левый проход, Сергей крикнул водителю:

– Вправо! В правый проход!

Они буквально в нескольких метрах проскочили от остановившегося бронетранспортёра «южных», аккуратно, если так можно высказаться по отношению к тринадцати тонной бронированной машине, вписались в узкое пространство между столбом и противотанковым «ежом» и, оставив заграждение позади себя, выскочили на свободную от препятствий дорогу.

БТР противника продвинулся вперёд и перегородил правый проход, пытаясь остановить бронетранспортёр Васьковцова. Но тот, направив машину в левый проход, тоже благополучно проскочил его.

Радиус поворота бронетранспортёра составляет двенадцать метров и, чтобы продолжить преследование, БТР «южных» сначала сдал назад, а затем медленно вполз в правый проход. Время было выиграно, и отрыв увеличился.

Но у «южных» активно действовал второй БТР, который, описав широкую дугу, смог войти в левый проход вслед за бронетранспортёром Васьковцова и теперь успешно его преследовал. Он шёл почти «по-боевому». На

броне никого не было, а из люков был открыт только водительский.

Александров увидел, как БТР Васьковцова вдруг резко принял влево и пошёл по бездорожью. Такой же манёвр выполнила и бронированная машина противника.

– Назад! Вернись на дорогу! – крикнул Сергей, увидев, что там, слева от дороги, блестит огромная лужа.

Потом, сообразив, что сержант его не слышит, он нажал на тангенту радиостанции, чтобы передать команду своему замкомвзводу. Но палец сам соскочил с кнопки «Передача», когда лейтенант увидел, как БТР Васьковцова на полной скорости всей своей 13-ти тонной массой врезался в лужу, подняв вверх не брызги, а практически волну грязной воды, которая обрушилась на следующий за ним по пятам бронетранспортёр условного противника. С десятков литров воды водопадом обрушились в люк на водителя, который, по всей видимости, от неожиданности бросил управление. БТР по инерции прошёл ещё несколько метров и остановился. Двигатель заглох.

А БТР Васьковцова, выбравшись из лужи и приняв вправо, вышел на дорогу и помчался вслед за бронетранспортёром командира в направлении спасительной рощи.

Это была победа. Восторг переполнял лейтенанта и его подчинённых, которые, высунувшись из всех люков, свистели и что-то восторженно кричали. Такого чувства удовлетворения от успешно проделанной работы Александров не испытывал давно. А может, и никогда ранее. Громче всех свистел и кричал, конечно, Кордин.

Последнее, что они увидели перед тем, как скрылись в роще, это то, что у застрывшего БТРа остановился его брат. Преследование прекратилось, так как «южные» занялись вытаскиванием своей застрывшей «коробки».

Углубившись в рощу метров на триста, лейтенант Александров повернул БТР направо, хотя дорога уходила влево. Ещё через 150 метров у огромной, заросшей травой и кустарником воронки бронетранспортёры остановились.

– К машине! Занять круговую оборону! Глуши двигатели! Младший сержант Войтенко, двух человек – к повороту. Замести все следы от наших БТРов.

Командир взвода только сейчас заметил Кордина.

– Кордин, ты живой? Успел сесть?

– Конечно. А что со мной сделается?

– А ты знаешь, где бы сейчас был, если бы не успел запрыгнуть на броню? Стоял бы по колено в луже и вытаскивал «южным» БТР.

– Как сами посадили, так сами пусть и вытаскивают. А не успеть сесть я не мог, потому что мне домой пора собираться. И попадать в плен к каким-то «южным» мне, ну никак нельзя.

– Ладно, молодец, бери... бери... – Александров pokrutil головой, нашёл глазами нужного солдата, – Бери с собой Павлова и выдвигайтесь к повороту. Замаскируйтесь и наблюдайте! Сигнал о появлении противника прежний. Посмотри, чтобы следов от наших БТРов не осталось. И быстро!

– Есть! Павлов, за мной! – уже на бегу проговорил Кордин.

Прошло полчаса томительного ожидания. Всё было тихо. «Южным» видно некогда было гоняться за какими-то двумя чужими «коробками».

– По машинам! – подал команду Александров, – Заводи!

Они осторожно подъехали к повороту, забрали Кордина с Павловым и двинулись дальше по дороге к выходу из рощи на шоссе. Не доезжая метров пятьдесят до опуш-

ки, Александров остановил свою небольшую колонну, дал команду заглушить двигатели и спрыгнул с машины.

– Сержант Васьковцов, остаётесь за меня. Младший сержант Войтенко, возьмите двух человек и – за мной!

Они тихонько подошли к невысоким деревьям на опушке. Лейтенант, стараясь не шуметь, продрался через большой куст у самого шоссе, осторожно выглянул. Шоссе было забито сплошной движущейся колонной бронетехники.

«Так, отсюда пока не выбраться, – подумал Сергей, – Придётся возвращаться через тактическое поле. Вытянули ли «южные» свою машину?»

Они медленно проехали сквозь рощу назад. С опушки Александров осмотрел тактическое поле. Всё было тихо.

Около ямы с водой, где час назад застрял бронетранспортёр «южных», валялись обрывки буксирного троса. Когда подъехали к буграм, лейтенант ещё раз с помощью бинокля осмотрел дорогу. Шоссе было пустынно. Они быстро проскочили железнодорожный переезд, в центре посёлка повернули направо. За посёлком дорога пошла на подъём. Сергей подал команду остановиться и в бинокль несколько минут рассматривал колонну, что двигалась в нескольких километрах западнее посёлка по трассе.

Задача была выполнена. Всё, что можно было сделать, он сделал. Пора было возвращаться в полк. Но лейтенант медлил.

Начинало темнеть, и габаритные огни удаляющейся колонны чётко обозначали направление её движения.

Сергей опустил на сидение, поправил шлемофон. Затем, включив на радиостанции плавный поддиапазон, покрутил рукояткой поиска частот сначала вправо, а по-

том влево. В уши ворвался шум эфира, а когда он затих, Сергей услышал:

– Я ноль третий! Увеличить скорость и дистанцию!

Затем, после небольшой паузы в эфире прозвучало:

– Десятый, я ноль третий! Сорок девятый догнал вас или нет?

«Так. Вероятней всего, это командир передового батальона ведёт свою колонну. И болтает, болтает... Именно эта колонна и маячит справа от меня».

Месяц назад Сергей разговаривал со своим сослуживцем капитаном Ковалем. Тот в своё время, помогая пограничникам, разоружал на юге незаконные бандформирования и насмотрелся за полгода, как говорится, всякого. Речь зашла об утечке информации через средства связи.

– Радиостанции у «духов» более современные, мобильные, – рассказывал Коваль, – Работают на наших частотах. Боевики русский язык знают. Что ещё надо? Доходило до того, что по своим радиостанциям они командовали нашими войсками, путали, гнали дезинформацию. Пока разберёшься, что это ты не со своим командованием разговариваешь, такого можешь натворить... И главное, они из эфира узнавали о многих наших действиях и планах. Все ведь знают, что управлять по радио надо с помощью сигналов. Передал, допустим, в эфир: «Сигнал восемьсот» – и всё! Кому надо, тот знает, что обозначает этот сигнал. Взаимодействие организовывалось всё-таки недостаточно, особенно, между подразделениями различных силовых структур. У каждой организации ведь свои сигналы.

Этот разговор и припомнился сейчас Александрову. Он нажал на передачу и, растягивая слова, подражая услышанной интонации, передал в эфир:

– Я ноль третий! Колонна, стой! Я ноль третий!

Всем стой! Всем стой! Противник слева! Противник слева! К бою!

Продолжая периодически нажимать на тангенту, чтобы помешать настоящему командиру батальона исправить ситуацию, Александров высунулся из люка и поднёс к глазам бинокль.

Народ в батальоне «южных» был довольно обученным и исполнительным. А предыдущие действия взвода Александрова на тактическом поле заставляли «южных» думать, что ещё кто-то может поджидать их колонну.

Александров увидел, как огоньки габаритных фонарей начали исчезать с поля зрения. Значит, «коробки» противника для отражения нападения стали сворачивать с дороги влево, выполняя полученную по радио команду.

Александров убрал руку с тангенты, войдя в режим приёма. В уши сразу ударил крик. Чего было больше в голосе комбата «южных»: злости, мата или смысла – определять молодой лейтенант не собирался. Если убрать все возмущённые междометия и матерные слова, то можно было понять, что командир батальона выражает крайнее недовольство по поводу того, что его батальон на какое-то время стал неуправляемым. Вернее, стал выполнять не его команды.

– «Пусть разбирается», – подумал Сергей и достал карту. Дорога, на которой он находился, шла почти параллельно основной магистрали, то приближаясь, то удаляясь от неё, в общем направлении на запад, то есть – в сторону полка. Противника надо было обогнать.

– Вперёд! Фары не включать!

Снова начал моросить дождь, и мокрый блестящий асфальт хорошо выделялся в наступающей темноте.

Сергей снова переключился на частоту «южных» и передал в эфир:

– Десятый! Я сорок девятый. Стою в четырёх километрах позади вас. Вышел из строя двигатель. Десятый! Вижу две коробки противника. Меня берут в плен!

«Пускай поищут этого сорок девятого. Пусть отправляют назад машины, пусть делают, что хотят», – подумал устало Сергей, переключился на свою частоту и передал Васьковцову:

– 231-й! Стрела – пятьдесят!

Около полуночи командир взвода лейтенант Александров вошёл в штабную палатку полка, чтобы доложить о выполнении задачи. Его встретил заместитель начальника штаба. Выслушав короткий доклад командира взвода, он сказал:

– Идите, отдыхайте! Точнее, готовьте людей и технику. Ваш батальон – во втором эшелоне. Если противник прорвётся – быть готовым к проведению контратаки.

– Буду! – совсем не по-уставному кивнул Сергей. Повернулся и вышел из палатки. Голова была тяжёлой, глаза слипались. Сергей снял головной убор, постоял с непокрытой головой под дождём, провёл мокрой ладонью по лицу, как бы стирая с него заботы прошедшего дня.

«Надо жить и выполнять свои обязанности! – вспомнились ему слова из какой-то книжки. – Значит, будем жить и выполнять!» – сказал вслух сам себе лейтенант Сергей Александров и пошёл к своему взводу.

Глава пятая
Мелодия любви
и рукопашный бой
(Май 77-го года)

В любой организации у сотрудников должен быть ежегодный отпуск. У военных он тоже бывает. Разница только в сроках. Летом и зимой в отпуск попадают единицы, потому что периоды обучения, когда идёт напряжённая боевая подготовка и проводятся важные большие учения, на которых почти все офицеры должны присутствовать, так и называются: зимний и летний. А вот поехать в отпуск в ноябре или мае, когда проходят, так называемые подготовительные периоды – это всегда пожалуйста. Не зря в войсках есть поговорка: «Солнце жарит и палит – в отпуск едет замполит». Да и выражение о нецелесообразности отпуска летом, когда даже водка тёплая, никто не отменял.

Первый свой прошлогодний отпуск лейтенант Александров помнил смутно. Была поздняя осень, холодные дожди сменялись дождями со снегом... Так что провёл он этот отпуск дома с родителями без особого толку. Поэтому ко второму лейтенантскому отпуску, за-

планированному на май этого года, он решил подготовиться основательно.

Да, конечно, часть отпуска он проведёт дома. Надо обязательно родителей проведать, но ненадолго. А вот опыт проведения каникул в СВУ, когда он успевал и Ленинград посетить, и Волгоград, надо продолжить и дальше. Беда в том, что таких друзей, как в СВУ, в мотострелковом 265-м полку в чешском городке Высоке Мито у Сергея не появилось. Тут крутишься белкой в колесе, а выходные, если и выпадают, то – чтобы отоспаться в общежитии. И то, если сосед по комнате старлей Парижор из инженерно-сапёрного батальона не позовёт в гости к себе очередную свою пассию, то ли Клаву из банно-прачечного, то ли Катю из узла связи. Обе были похожи, и как их Парижор отличал друг от друга, знал только он.

И тут неожиданно у Сергея появился вариант о проведении части отпуска в... Молдавии. Дело в том, что в августе 1968-го года, когда и образовалась Центральная Группа войск в Чехословакии, их полк прибыл сюда именно из Молдавии. И в полку на тот момент проходили службу многие уроженцы этого края, особенно среди прапорщиков, да и офицеров тоже хватало. И хотя с тех пор прошло девять лет и многие уже разъехались по другим местам службы, вернувшись из заграницы, но какая-то преемственность, известная только кадровым органам, всё же осталась. И в полку периодически появлялись офицеры и прапорщики из Одесского военного округа, в который территориально входила и Молдавия.

И вот полгода назад в артиллерийском дивизионе 265-го полка появился старший лейтенант Фёдор Ордин, родом из города Тирасполя. И служебные пути лейтенанта Александрова и старшего лейтенанта Ордина, мо-

жет быть, никогда и не пересеклись, если бы не художественная самодеятельность, которую в их 48-й мотострелковой дивизии курировал лично заместитель командира дивизии по политической части подполковник Головашкин. Полтора года назад он привлёк в ряды дивизионной самодеятельности Александрова в качестве ведущего концертов и чтеца. А с появлением в полку Ордина, окончившего в Тирасполе музыкальную школу, неплохо поющего и играющего на многих инструментах, в ряды дивизионных артистов был включён и он.

На одной из репетиций они и познакомились. Сергей предложил Ордину усилить номер «На безымянной высоте», который Сергей читал со сцены ещё со времён учёбы в МосВОКУ, музыкальными вставками. Получилось хорошо, и уже на нескольких концертах они вместе его исполняли. Между офицерами сложились приятельские отношения...

Речь как-то зашла о предстоящих отпусках, и оказалось, что у обоих приятелей отпуск запланирован на май. Фёдор и предложил, чтобы Сергей на недельку заехал погостить к нему в Тирасполь, так как май в Тирасполе – это практически полноценное лето. «Может, и в Одессу на море съездим», – добавил старший лейтенант. Сергей, конечно же, согласился.

Ничто не помешало осуществлению их плана, и в середине мая Сергей и Фёдор оказались в Тирасполе. Несколько дней погуляли по зелёному красивому городу на берегу Днестра. Погода стояла на загляденье, теплая и солнечная. Всё тут цвело и пахло.

В субботу Фёдор предложил съездить в город Бендеры на танцы. На вопрос Сергея, почему на танцы надо ехать в другой город, разве нельзя такие же танцы посетить в Тирасполе, он получил ответ, что, во-первых, Ордин уже об этом договорился со своей давней

подругой Ниной, проживающей именно в Бендерах, а во-вторых, танцы в Бендерах на летней площадке в центральном городском парке – это круто. А в-третьих, Бендеры – это город в 15 км от Тирасполя, считай, рядом, и, вообще, Тирасполь и Бендеры – это почти что один город, так как между ними курсирует городской троллейбус. Одним словом, Сергей не пожалеет об этой поездке.

Сергей согласился, и они поехали. Нина уже ждала их в парке около танцплощадки. Молодёжи собралось немало. Играл хороший оркестр, а когда он уставал, то крутили магнитофон. Было весело, живо. Фёдор все танцы танцевал только с Ниной, а Сергей успел несколько раз пригласить на танец каких-то нарядных и весёлых девушек.

На сцене в очередной раз появился оркестр и в микрофон прозвучало объявление: «А сейчас для вас поёт...» В шуме и гаме, царящем вокруг, Сергей не расслышал имени того, кто будет петь, но народ зашумел громче и даже многие зааплодировали. Под эти аплодисменты на сцене появилась загорелая симпатичная девушка в светлом коротком платье. Оркестр заиграл вступление к известной популярной эстрадной песне, и практически все находящиеся на площадке люди разом задвигались, прекратили разговоры, отошли от ограждения ближе к середине и начали танцевать, а певица улыбнулась и запела.

А Сергей остался стоять на месте и слушал песню. Да, она была популярной и звучала практически на всех танцплощадках страны. Но так, как пела эта девушка, Сергей слышал впервые. Её голос легко поднимался вверх, призывно и жизнерадостно звенел в вечерней тишине, а затем плавно опускался вниз, ритмично перекликаясь с музыкальными инструментами, а потом

снова с переливами взмывал вверх. Певица непринуждённо управляла своим голосом, подчиняя ему всех танцующих. Песня и танец закончились, а Сергей продолжал как вкопанный стоять. Да и все танцующие, возбуждённые и разогретые быстрым танцем, не расходились, а оставались на тех местах, где их застало окончание песни.

Снова зазвучала музыка и певица снова запела. Эта песня предназначалась для медленного танца. И вся танцплощадка задвигалась, послушно подчиняясь звукам музыки. Лишь Сергей продолжал стоять, не понимая, почему они все танцуют вместо того, чтобы заворожённо слушать этот голос. Певица искренне и доверчиво вела беседу с каждым, кто слышал её, пронизывая все фибры души, доставая из её тайников все заветные мысли и желания, успокаивая и в то же время ободряя всех.

Песня закончилась, и певица, улыбнувшись лучезарной улыбкой, ушла в глубину сцены и скрылась за кулисами. Народ зааплодировал, а кто-то крикнул: «Маша, спой ещё!»

На сцене включили магнитофон, танцы продолжились, но танцующих было явно меньше, чем минуту назад.

Сергей поискал глазами Фёдора с Ниной, увидел, что они не танцуют, подошёл и, обращаясь к Нине, спросил:

– Нина, кто это пел?

– Это наша Маша! – гордо ответила Нина.

– Я понял, что она Маша, и догадываюсь, что она ваша, потому что у меня ощущение, что её все тут знают и пришли на танцы именно из-за неё.

В течение нескольких минут Нина выложила всю информацию, которую знала про Марию Подлесную, именно так звали певицу.

Эта Маша – гордость города. В этом году она заканчивает школу. Но чуть ли не с первого класса она участвует во всех городских важных мероприятиях, пела и на стадионе во время торжественных представлений, и во дворцах культуры и даже ездила петь в Кишинёв на какой-то республиканский слёт. Чаще всего она поёт в составе самой популярной в их городе группы. А иногда, как и сегодня, директор парка приглашает Машу спеть на танцах, обычно пять-шесть песен. Почему он это делает – понятно без лишних слов. Такой голос ещё поискать надо.

– Не надо ничего искать, – сказал Сергей. – Такого голоса больше нет.

– У неё сопрано, – с умным видом добавил Фёдор.

– Да не в сопрано дело, – не согласился Сергей. – У неё душа поёт. Ладно, танцуйте дальше.

Вдоль ограждения он подошёл сбоку к сцене и, быстрым шагом поднявшись по нескольким ступеням, юркнул за кулисы.

Певицу он увидел не сразу, так как глаза должны были привыкнуть к полутьме, царившей тут. Она стояла у металлической решётки, что обрамляла сцену на некотором расстоянии от задника, и смотрела на парковую аллею.

Сергей подошёл к девушке, но не близко, остановился в нескольких шагах. Стоял и, молча, смотрел на неё. Свет от фонаря с аллеи неярко, но освещал фигуру певицы. А так как босоножки были в тени, то Сергею показалась, что девушка не стоит на ногах, а как бы повисла в воздухе, не касаясь пола.

Девушка повернула голову, посмотрела на незнакомого парня, что молча стоял в сторонке. Сергею показалось, что улыбка промелькнула на её лице и скрылась в

уголках губ. Ничего не сказав, певица снова стала смотреть на аллею.

Сергей понял, что надо сделать ещё хотя бы два шага, так как музыка звучала здесь тише, но говорить всё равно надо погромче. Он с усилием сделал два шага вперёд и сказал:

– Здравствуйте, Маша! Мне очень понравилось, как вы поёте... – а так словарный запас у лейтенанта вдруг закончился, то он добавил. – Меня зовут Сергей.

Девушка снова повернула голову, посмотрела на парня по имени Сергей, и уже хотела что-то сказать, как услышав голоса со стороны аллеи, резко повернула голову и посмотрела туда. На красивом лице проявилось выражение беспокойства. Она резко двинулась в сторону Сергея и, проходя мимо него, произнесла:

– Прощайте, Сергей! Там идёт моя сестра.

Сергей посмотрел за решётку. По аллее широкими шагами в направлении танцплощадки шли парень и девушка. Точнее, шли девушка и парень, потому что темноволосая девушка в тёмном сарафане шла впереди, а невысокий, одного роста с девушкой, парень в кожаной куртке старался не отстать в нескольких шагах позади неё.

Александров быстро развернулся и пошёл, почти побежал, вслед за певицей, которая, как понял Сергей, не хотела встречаться с сестрой и намеревалась незамеченной выскользнуть с танцплощадки. Сергей увидел, как она быстро шла вдоль ограждения к выходу, но вдруг резко остановилась в толпе отдыхающих, так как пара, спешившая на танцплощадку, уже появился у ворот. Парень что-то весёлое сказал женщине-контролёру у входа, та засмеялась, и пара зашла на танцплощадку. Девушка – решительными шагами направилась к сцене, а парень, не спеша, расслабленной, но уверенной походкой,

слегка покачивая плечами, шёл за ней. Видно было, что его тут знали, но, как заметил Сергей, не все были рады его появлению, так как люди, даже танцующие, старались в танце продвинуться хотя бы немножко в сторону, освобождая парню дорогу.

И тут Сергей увидел, как оттолкнувшись от металлической решётки ограждения танцплощадки, наперерез появившемуся парню неуверенной, а точнее качающейся походкой нетрезвого человека направился высокий мужчина средних лет и бесцеремонно схватил того за грудки. Но парень сумел перехватить нападавшего за кисти рук, оторвал их от куртки и оттолкнул его от себя. Но мужчина не упал, как того ожидал Сергей, а уткнувшись спиной в танцующие пары, покачнулся и, разведя руки в стороны, снова двинулся вперёд. В этот момент раздалась тревожно-пронзительная трель милицейского свистка, и два милиционера, дежурившие у входа на площадку, побежали к месту инцидента. Туда же направился и Сергей. Музыка оборвалась, и Сергей увидел, как один милиционер схватил нападавшего за руку, а второй, остановившись около парня в кожаной куртке, сказал:

– Почему нарушаем? Что опять не поделили? Прошу следовать за мной!

– Э-эй! Что за дела? – услышал Сергей женский голос и увидел, как та девушка, которая пришла на площадку вместе с этим парнем, уже подходила к милиционеру.

Парень спокойно, даже нарочито спокойно смотря на милиционера, ровным голосом произнёс:

– Это с какого перепугу? Я его не трогал, он сам взъерепенился!

– Вот в отделении и разберёмся, – подытожил разговор милиционер.

Темноволосая девушка возразила, поддерживая парня:

– Вы же видели, что тот сам прицепился. Зачем в отделение?

Александров тут же сделал шаг вперёд и, поравнявшись с представителем власти, указывая рукой на парня, сказал:

– Товарищ старший сержант, этот человек ни в чём не виноват. Я свидетель.

Милиционер недовольно посмотрел на неожиданно появившегося защитника, а Сергей тут же добавил:

– Я военнослужащий, офицер... лейтенант Александров.

– Да, да! – услышал Сергей за спиной голос подошедшего Фёдора. – Я тоже видел, что парень ни в чём не виноват. – Фёдор поравнялся с Сергеем и представился, – Старший лейтенант Ордин.

Из-за спины Ордина появилась Нина и решительно сказала:

– Я тоже видела!

Старший сержант милиции поморщился, так как ситуация осложнилась. Теперь придётся всех задерживать, чтобы разбираться с нарушением общественного порядка, случаем хулиганства на танцах. А связываться с неожиданно появившимися офицерами милиционер не хотел. А парень, как бы прочитав мысли сержанта милиции, тут же спокойно сказал:

– У меня претензий к этому человеку нет. Может, перепутал меня с кем-то.

Дело о хулиганстве на танцах разваливалось на глазах, превращаясь в обыденное употребление спиртных напитков в общественном месте. А виновник этого нарушения, придерживаемый напарником старшего сержанта,

стоял и, особо не трепыхаясь, что-то негромко и нечленораздельно мычал.

Милиционер козырнул, прощаясь со всеми.

– Хорошего всем отдыха, товарищи!

Милиционеры увели выпившего гражданина, а парень протянул Сергею руку.

– Николай! – представился он, пожимая руку Александрову, который протянул ему свою. Сергей назвал себя. Рукопожатие Николая было крепким, даже очень крепким, на грани между болью и простым пожатием руки. Не зря, видно, никто лишний раз не хотел связываться с ним на танцплощадке, кроме разве пьяного, которого увели милиционеры.

– Спасибо вам, – сказала Сергею спутница парня, затем, подняв голову выше и увидев того, кого искала, громко произнесла – Маша, мы тут из-за тебя чуть в милицию не угодили! Марш домой! У тебя экзамен на носу.

– Ну, Оля, ты даёшь, – развёл руками парень. – Можно подумать, менты просто так смогли бы меня забрать...

– Ольга! – сказал Сергей, поняв к кому тут надо обращаться, – ваш сестра очень красиво поёт. Я пока учился в Москве переходил на все большие концерты и переслушал лучших певцов и певиц страны. Так, как поёт Маша, поют немногие... – Сергей, поняв, что сказал не то, тут же уточнил. – Так никто не поёт. А вы с Николаем поступаете нечестно. Её попросили спеть пять песен... для людей. Всего пять. Она согласилась. И теперь получается, что она обещала людям, но слово своё не сдержит. Согласитесь, что... – Сергей запнулся, так как так не мог сразу найти подходящее слово, – порядочные люди так не поступают.

– У неё экзамен в понедельник! – строго сказала сестра. – А она на танцах прохлаждается.

– Я уже всё выучила! – раздался за спиной Сергея голос Маши.

– Нет, нет! Мы сейчас идём домой, – требовательно произнесла Ольга.

– Хорошо! – огласился Сергей. – А завтра? – неожиданно для себя самого задал он ещё вопрос Ольге.

– Что завтра? – не поняла та.

– Завтра я специально приеду сюда из Тирасполя, чтобы послушать ещё раз, как поёт ваша сестра. И что? Я зря приеду? Она петь не будет? То есть – обещала спеть на танцах сегодня и завтра... всего два дня, и слово своё не сдержит?

Ольга посмотрела на сестру, потом на Сергея.

– Серёжа, а не много ли всего и сразу? – уточнил она у своего нового знакомого.

– Оля, – поддержал Сергея Николай, – слово-то, действительно, надо держать

– Ладно! Я подумаю насчёт завтра. Проверю, как она готова... к экзаменам! – закончила разговор Ольга и кивнула головой сестре. – Пошли!

Проходя мимо Сергея, Маша сказала:

– А ты ничего... деловой.

– Тогда – до завтра! – ответил Сергей. – Или сестра...

– Разрешит. Хотя я и не собиралась петь, – улыбнулась Маша и вслед за Ольгой с Николаем исчезла в парковой полутьме.

Ночью Сергею не спалось. В голове крутились воспоминания о знакомстве с Машей, переигрывались ситуации на танцплощадке, в которых надо было не так действовать, говорить другие слова. Воображение рисовало будущие моменты завтрашней встречи. Вспом-

нился разговор по душам в СВУ с Толиком Севастьяновым. Тот приехал на зимние каникулы домой, а там у мамы, что жила одна, появился знакомый. И мама всё хотела, чтобы и сын принял, признал этого знакомого. Вот у Толика с этим Константином, который, видимо, тоже хотел наладить хорошие отношения с Толиком, и состоялся взрослый разговор, во время которого Константин сказал: «Понимаешь, Анатолий, когда я встретил твою маму, познакомился с ней поближе, то понял, что до этого я жил неправильно. У меня не было цели, не было ориентира в жизни. А теперь я знаю, что дальше идти по жизни я должен только с ней. Она стала смыслом жизни для меня, как пишут в романах, «путеводной звездой». Она дополнила меня, став моей половиной. Вот это, наверное, и есть, то, что называется, настоящая любовь». И я тебе обещаю, что никогда в жизни твою маму не обижу». Толик так и сказал маме, что, вроде, мужик неплохой, похоже, что любит по-настоящему.

Заснул Сергей под утро.

После обеда они вместе с Фёдором опять направились в Бендеры. Ехали в троллейбусе молча, так как Сергей думал про Машу, а его спутник про Нину, всё более склоняясь к мысли, что пора делать Нине предложение.

Сергей вспомнил, что по окончании училища большинство молодых лейтенантов-выпускников уезжало к местам службы холостыми. Но были и так называемые «женатики». В училищном драмкружке вместе с Сергеем занимался Санька Мосинов с соседней роты. Так он в газете «Комсомольская правда» прочитал статью об учащейся Ногинского педучилища. Он даже статью с фотографией этой девушки Сергею показывал. А под Ногинском, что находится в 60 км от Москвы,

расположен училищный учебный центр, куда периодически все курсанты выезжали на стрельбы, занятия по вождению, а то и для несения службы в карауле. И вот этот Санёк, недолго думая, в увольнение из Москвы поехал в Ногинск, нашёл это педучилище, познакомился с этой девушкой, потом – с её родителями... А так как выездов в учебный центр было много, и продолжались они порою по несколько суток, то по ночам, когда не было ночных занятий и все спали, он бегал в самоволку в Ногинск. Когда Сергей спросил Александра о планах, тот ответил, что он впервые встретил девушку, которая его устраивает полностью. Ничто в ней его не раздражает. Её не надо переделывать и «подгонять» под себя, и она вроде не собирается «переделывать» его. Ведь изменить, переделать можно только одного человека в мире – самого себя. Сразу после выпуска в Ногинске сыграли свадьбу, и Саня вместе с молодой женой уехал, кажется, за границу... в ГСВГ, то есть в ГДР.

В центральном городском парке на танцах всё было, как вчера: сначала играл оркестр, затем танцевали под магнитофон, а потом вышла Маша и спела две песни, но не вчерашние, а другие. И снова Сергей стоял, как вкопанный, и слушал Машин голос. А дальше дело пошло не по вчерашнему варианту, так как Сергей пригласил Машу на танец. Потом – ещё на один... и ещё на один.

– Пора на сцену, – сказала Маша, – а то танцы скоро закончатся, а я ещё не всё спела. Надо же держать слово, правда? – она улыбнулась и побежала на сцену.

А Сергей смотрел, как она, легко проскочив ступеньки, вышла на середину. Ему снова показалось, что Маша идёт, не касаясь ногами пола. То есть все вокруг двигаются, как просто люди, а эта девушка двигается по-

другому... то ли плывёт, то ли летит... И когда он с ней танцевал, то ему хотелось, чтобы этот танец никогда не заканчивался... И вообще, вот бы так держать её за руки и не отпускать никогда... Как там говорил Константин Толику? Идти бы с этой женщиной рядом всегда?

Маша запела, и Сергей, как обычно, снова стоял замороженный её голосом.

«Вот бы её на сцену Дома офицеров в Высоке Мито с таким голосом. Так Головашкин бы в обморок упал!» – подумал Сергей.

Маша, не ожидая окончания танцев, разрешила Сергею себя проводить, но не до самого дома, а только до начала её улицы. Пока шли, не спеша, разговаривали, смеялись. Действительно, к неудовольствию Сергея, улица, на которой жила Маша, оказалась совсем недалеко от парка. Но всё-таки они успели договориться, что Маша завтра сдаёт экзамены, а послезавтра она приедет в Тирасполь, где они встретятся в центре и немного погуляют по городу.

– Немного! – предупредила Маша. – А то моя сестра с Николаем, не найдя меня в Бендерах, перероют весь Тирасполь, найдут нас и меня нашлёпают, и тебе дадут по шее.

– Я убегу от них! – сказал Сергей.

– А меня, значит, бросишь? Я так и знала! – театрально заложила руки Маша.

– Нет, мы убежим вместе. Ты не против?

Маша не стала отвечать на его провокационный вопрос и, приветливо махнув рукой, ушла.

Наступило послезавтра, которое почему-то для Сергея наступало очень медленно. Он прибыл в сквер на берегу Днестра недалеко от остановки троллейбуса заблаговременно. Просто сидеть дома у Ординых он не мог, лучше подождать Машу на лавочке в сквере. День

намечался жарким, но лавочка находилась в тени, и жара не мешала Сергею погрузиться в свои мысли. Мешали три парня, без дела слоняющиеся по скверу с шумом, криками, хохотом и даже... матом.

«Эх! Их бы ко мне в роту хотя бы на недельку, подумал Сергей. – Вон тот, коротко подстриженный, уже готов. Осталось переодеть в форму. Второго, с длинными волосами, надо будет подстричь и, наверное, помыть. Да нет, мыть надо всех! Вот с третьим будут проблемы. Толстоват для хорошего солдата. Его бы месяц погонять по полосе препятствий, чтобы в норму вошёл».

Когда тройка поравнялась с лавочкой, где сидел Сергей, он не выдержал и громко сказал:

– Пацаны! Тут же в сквере женщины и дети, а вы материтесь... Некрасиво!

Парни остановились. Наверное, если бы им замечание сделал какой-нибудь пожилой человек, типа ветеран... войны или труда, то они и внимание бы не обратили или сделали бы вид, что всё нормально... Мол, не переживай, папаша! Но на скамейке сидит почти их ровесник... один... и смеет замечание делать.

А Сергей в эту паузу успел подумать, что, возможно, зря он тут с ними связывается. Он ведь не в военной форме, а так – прохожий... Скоро Маша подъедет, а он тут может застрять... или... того хуже... испачкаться.

– А ты что, тоже женщина? – спросит с издёвкой «короткостриженный».

– Да какая он женщина? – сказал «длинноволосый».

– У него же молоко на губах не обсохло.

– А ты что молчишь? – спросил Сергей «толстяка», продолжая сидеть. – Твои друзья высказались, а ты молчишь. Некрасиво!

– Да пошёл ты... – сделал шаг к Сергею «толстяк».

Сергей на стал дослушивать, куда он должен пойти. Оттолкнувшись рукой от спинки лавочки и взмахнув ногой, он перепрыгнул через лавочку и оказался за ней. Теперь между ним и парнями находилась лавочка, которая мешала им дружно взять и поколотить этого «ненормального».

Сергей не любил драться, потому что не видел смысла в обмене ударами. В школьные годы он всячески их избегал. В СВУ пару раз пришлось ввязаться в драку, но в основном, чтобы разнять дерущихся товарищей. А в курсантской жизни уже было не до драк. Там учат воевать, а не драться. Да, там есть такое понятие, как рукопашный бой. Но опять же – это бой, а не драка. В бою убивают, а не доказывают, кто сильнее. И потом рукопашный бой эффективней всего вести, имея в руках автомат, штык-нож или хотя бы пехотную лопатку. Можно что-то и рукой сделать, но сбитые костяшки пальцев потом долго не заживают. Поэтому, начиная с СВУ, Сергей на всех занятиях по физподготовке тренировал удары ногой. Причём, максимально высоко, потому что после удара ногой по голове у противника уже не возникает желания продолжить драку.

Совершив манёвр (потому что, как шутят военные, на войне главное – это не сама война, а манёвры), Сергей выиграл время и перехватил инициативу. Теперь этой троице надо ломать голову, как им удобней до него достать. «Длинноволосый» залез на лавочку, а оставшиеся двое собрались с разных сторон обойти лавочку. Положение Сергея становилось невыгодным, потому что ногами он мог только отбиваться, прикрывая спину деревом, а победа всегда связана с наступлением. И вообще, лучшая защита – это нападение, но только в целях защиты. Да и у лавочки на краю аллеи не стоило особо мельтешить, так как в любой момент могли появиться сви-

детели, а они-то как раз и не нужны были Сергею. Ещё не хватало милиции объяснять, кто, что, зачем, почему... Да и за временем надо следить, а то Маша приедет, а он тут бегает по скверу...

Сергей крутнулся влево и, проскочив между деревом и высоким кустом, оказался в глубине сквера на неширокой площадке... полянке... В общем, на более-менее свободном пространстве. Дальше всё происходило почти автоматически. Как только слева от дерева на эту полянку выскочил «короткостриженный», Сергей, взмахнув руками вправо, как будто собираясь разворачиваться и убежать дальше, перенёс вес тела на левую ногу и, разворачиваясь влево бросил согнутую в колене ногу вверх и в самой высокой точке разогнул колено. Подошва ноги точно попала в лоб нападавшего. Тут же справа от дерева на полянку выскочил «длинноволосый». Он был повыше «короткостриженного», и достать каблуком до его волос было делом проблематичным. Но говорят, что если ударить по коленке, то это очень больно. Сергей взмахнул левой рукой вверх, обратив внимание противника на руку, а сам носком правой ноги врезался ему в колено. «Длинноволосый» охнул и согнулся, обхватив руками своё колено. Сергей повернул голову влево и, увидев, что оттуда, расставив руки в стороны, на него несётся «толстяк», резко присел на четвереньки, уперев руки о землю. Толстяк, схватив руками воздух, споткнулся о Сергея и, перелетев через него, улетел головой в кусты. Сергей, оттолкнувшись руками от земли, начал выпрямляться и попутно, заметив, что «длинноволосый» ещё стоит, согнувшись, рядом, правым коленом стукнул того по голове. Выпрямившись в полный рост и увидев, что все противники валяются на земле, Сергей сначала подумал, что в данной ситуации надо было бы ещё подбежать к толстячку и наступить ему ногой на голову,

прижав её к земле, чтобы прекратить мысли и попытки того возобновить драку. Но где он будет в кустах искать эту голову? Решив, что более рациональным будет решение о незамедлительном покидании «поля боя», Сергей в несколько прыжков оказался позади широкого и высокого куста позади себя, пропав из поля зрения парней. Хотя их поле зрения и так будет какое-то продолжительное время занято осмотром своих тел и оказанием помощи друг другу.

Сергей поспешил к троллейбусной остановке, так как у времени есть один недостаток, оно движется в одну сторону, неумолимо и неизбежно приближая назначенный час.

Они с Машей встретились на троллейбусной остановке, прогулялись по красивой набережной Днестра поодаль от злополучного сквера, по пешеходному мосту перешли на другой берег, посидели на лавочке с видом на реку.

Сергей отошёл к киоску, купил мороженое и снова вернулся. И тут произошло что-то необъяснимое, во всяком случае, с такими ощущениями Сергей никогда в жизни не сталкивался. Он приближался к Маше, которая с улыбкой смотрела на него, как вдруг вошёл, как ему показалось в какое-то прозрачное облако. Внутри было ни горячо, ни холодно... но воздух стал каким-то наэлектризованным, что ли, а пространство вокруг Сергея как бы завибрировало. Он понял, что центром этих ощущений была Маша, и это прозрачное вибрирующее облако, как бы окружает её. Сергей сделал ещё один шаг, оказавшись рядом с Машей. Маша протянула руку, но Сергею показалось, что если он сейчас коснётся её руки, передавая мороженое, то вспыхнет молния, и... мороженое сразу растает. Сергей с усилием сделал широкий шаг назад и, почувствовав, что вышел из этого

облака, вдохнув нормального, а не наэлектризованного воздуха, и, не отдавая мороженого девушке, под её немного недоумённым взглядом сел на лавочку, где-то в полуметре от Маши и уже, сидя, протянул ей стаканчик.

Он вспомнил свои ощущения, когда курсантом в концертном зале имени Чайковского слушал классическую музыку в исполнении симфонического оркестра. Это совсем не то, что слушать такую музыку по радио или телевизору, потому что вместе со звуками музыки ты попадаешь в вибрационное поле, направляемое на слушателей смычковыми инструментами, разными там скрипками и виолончелями. Вот то, что он ощутил несколько мгновений назад, было похоже на состояние в концертном зале, но при выключенном звуке.

Они кушали мороженое, болтали... Сергей осторожно подвинулся к девушке. Нет, всё нормально, невидимое, но ощущаемое облако исчезло. Хотя по большому счёту, ничего нормального не было. Надо как-то объясняться с этой девушкой, потому что скоро надо уезжать, а как жить дальше? Как служить в той самой Чехословакии и знать, что в Бендерах или Тирасполе на лавочке сидит эта самая девушка, может, при этом грызёт мороженое, а тебя рядом с ней нет? Но спросил он о другом.

— Маша, почему ты такая загорелая? Насколько я знаю, все выпускники должны быть бледными, так как они сидят по домам и готовятся к выпускным экзаменам.

— Дома плохо готовиться. То родителям что-то надо помочь, то сестре что-то надо... Дел много. Поэтому я готовилась на... городском пляже. А там всего три дела: купаешься, загораешь и читаешь учебник.

— А ты уже решила, что будешь после школы делать, куда пойдёшь учиться?

— Точно не знаю. Максим Аркадьевич, руководитель

ансамбля, советует в Кишинёвскую консерваторию поступать... Но не знаю...

– Маша, – сказал Сергей, – тебе скоро уезжать... И мне завтра уезжать... Надо ещё родителей проведать. Но знай, что через год я приеду к тебе... то есть, за тобой. И увезу... с собой. Ты меня дождёшься?

– Ты же говоришь, что обещания надо выполнять. А я таких длинных обещаний ещё никому не давала. Как я могу знать, что случится за год? Видишь Днестр перед нами? Сколько воды за год протечёт мимо этой лавочки?

– Маша, я серьёзно спрашиваю! – громче и настойчивей произнёс Сергей.

– Вот видишь? Мы знакомы без году неделя, а ты уже голос повышаешь.

– Извини, это не повышение голоса, это просто командирский голос, инструмент для моей работы, то есть службы, – с виноватым видом извинился и одновременно оправдался Сергей.

– Я прошу этот инструмент ко мне не применять, – мягко сказала Маша. – Мой адрес у тебя есть. Будем переписываться. Пора на троллейбус.

Сергей проводил Машу к остановке троллейбуса номер «19». Перед посадкой он наклонил голову к Маше, чтобы поцеловать, но та повернула голову вполоборота и положила пальчик на свою щёку. Сергей послушно выполнил эту команду, считая, что исполнительность всегда приводит к порядку и гармонии. Влюблённость – это хаос и беспорядочность чувств, которые могут быстро погаснуть. И лишь гармоничные и возвышенные отношения приводят к настоящей, а потому и крепкой любви.

Глава шестая

Особое задание

(Июнь 77-го года)

В условиях армейской службы, точнее, внутри неё есть особая служба, которую несут военные контрразведчики из так называемых «Особых отделов». И это понятно и объяснимо, так как где, если не в армии, и находятся основные военные секреты и тайны, и кому только не хочется эти секреты и тайны узнать, купить или продать. Поэтому все новые офицеры, прибывшие служить в свои армейские полки, батальоны и роты, рано или поздно попадают на ознакомительную беседу в неприметный кабинет к «особисту». А тем более если эти офицеры прибыли служить не в далёкое Забайкалье или Приморье, а в самую что ни на есть за границу, называемую Чехословакией.

На дверях кабинета, куда был накануне вызван лейтенант Сергей Александров, расположенном в штабе полка на первом этаже за лестницей, ведущей на второй этаж, висела скромная табличка «Петров И.П.» Стоило только сделать один шаг за лестницу, как человек, зашедший по каким-то своим делам в штаб, исчезал из ви-

ду. Ищи-свищи его теперь по всем кабинетам штаба! А он в это время находится в кабинете у майора Петрова, который внимательно слушает собеседника и задаёт всякие каверзные вопросы.

За время службы в полку это уже второе посещение Александровым этого кабинета. Первое случилось полтора года назад, сразу же по прибытию молодого лейтенанта к новому месту службы, а именно, в 265-й мотострелковый полк, размещённый в небольшом чешском городке под названием Высоке Мито.

Тогда после общих ознакомительных вопросов капитан Петров (он тогда был ещё капитаном) начал активно намекать молодому лейтенанту о необходимости более тесного сотрудничества между ними, что благоприятно скажется на продвижении лейтенанта по службе. Сейчас Александров и не помнит дословно того разговора, но сказал он Петрову, примерно, следующее:

– В суворовском училище у меня была кличка «Комиссар», потому что я занимал активную позицию, участвовал в художественной самодеятельности, организовывал разные мероприятия, хорошо учился (даже занял первое место в Калининской области в конкурсе сочинений на тему: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи»), выпускал стенгазету, был секретарём комсомольской организации. Поэтому все мои друзья-товарищи были уверены, что в дальнейшем поступать я буду именно в военно-политическое училище, чтобы стать офицером-политработником. Но я сознательно поступил именно в общевойсковое училище, чтобы стать командиром. Потому что работа командира мне понятна, так как в ней виден результат твоей работы. Научил ты солдат стрелять, бегать, выполнять нормативы – они на проверке показали хороший результат, и подразделение получило высокую оценку. Это результат работы командира подразделения.

А политработника как оценить? Поговорил он с солдатами, провёл политинформацию, выпустил стенгазету... И что? Где результат? Как его определить, увидеть, почувствовать?

Кстати, Московское общевойсковое училище я закончил с золотой медалью. И считаю, что я правильно ориентирован, знаю и понимаю свои задачи как офицера, отвечающего за уровень боевой подготовки и дисциплины во вверенном мне подразделении. И если я увижу или узнаю, что кто-то где-то сознательно поступает неправильно, хочет навредить не только окружающим его людям, но и в более крупном масштабе, включая армию или нашу страну в целом, то я обязательно первым доложу вам об этом. Но подписывать я ничего не буду, кроме той бумаги, что я подписал в начале нашего разговора о неразглашении его содержания.

На том они тогда и разошлись.

Сергею было понятно, что главное в работе этого офицера – это получение информации. Чем её больше, тем у капитана меньше работы, потому что ситуация в полку – под его контролем. А если информации мало, то... жди беды. Потому что незнание обстановки, соответственно, невозможность предотвращения этой беды (любого чрезвычайного происшествия в части), не освобождает от ответственности, то есть – соответствующего наказания «особиста» за плохую работу.

И вот сейчас его снова вызвал майор Петров. Опять сначала задавались общие вопросы, мол, как идут дела, какие служебные перспективы у Александрова, особенно после того, как он отказался служить адъютантом у командующего Центральной группой войск и после двухнедельной стажировки в штабе ЦГВ в Миловице вернулся опять в полк, командовать своим взводом.

Но Сергей понимал, что не для этого вызвал его осо-

бист. Хотя тому не очень были понятны причины, по которым молодой лейтенант не захотел быть адъютантом у самого командующего. Да многие молодые офицеры об этом могут только мечтать! Понятно также, что без усиленной особой проверки его личности, в которой не последнюю скрипку играл майор Петров, Александрова бы в Миловице не отправили.

Когда и эта тема была исчерпана, Петров посетовал, что скоро лично у него заканчивается «особая» служба в ЦГВ, надо будет уезжать, а все планы ему не удалось исполнить. Потом уточнил, как у Сергея обстоят дела со знанием немецкого языка? На что Александров, имеющий диплом военного переводчика, ответил, что любого пленного немца по-прежнему сможет допросить и всё у него выведать, даже без применения «третьей степени устрашения». Что это за степень Сергей не знал, но придумав это выражение, иногда использовал его в воспитательных целях в разговорах со своими подчинёнными. Наконец, Петров перешёл к главному вопросу, который сильно озадачил Сергея, так как к такому повороту предполагаемых событий он не был готов.

Речь пошла вот о чём. Жил-был-служил немецкий офицер Отто Скорцени, главный диверсант гитлеровской Германии, выполнявший особые поручения Адольфа Гитлера. В конце войны он сдался в плен американцам. Был суд, на котором Скорцени оправдали. Но власти Чехословакии потребовали выдать им Скорцени для суда за военные преступления на её территории. Тогда Скорцени совершает побег из лагеря. И понятно, что такой побег можно было совершить только с помощью администрации самого лагеря. Но наши компетентные органы заинтересовались не этим, а зачем, собственно, чехам был нужен Скорцени. Что такого он совершил на её территории?

Оказывается, на заключительном этапе Великой Отечественной войны, которая заканчивалась именно в Чехословакии, в окружение где-то в Моравии попало специальное подразделение, которым руководил знаменитый немецкий диверсант Отто Скорцени. Уходя от преследования советских войск, Скорцени был вынужден в районе города Шумперка спрятать свой архив (или часть его) и прорываться на запад в направлении войск союзников, в плен к которым он, в конце концов, и попал.

Сергей, конечно, слышал о Скорцени, читал о том, как тот, используя планеры, освободил из плена лидера итальянских фашистов Муссолини и отвёз его к Гитлеру. Но это было где-то далеко от Чехословакии и по времени и по расстоянию. В конце концов, Скорцени уже умер. Но документы, по словам Петрова, по-прежнему находятся где-то в районе Шумперка или даже в самом городе. А Шумперк, в котором в настоящее время дислоцируется танковый полк их дивизии, находится недалеко от города Высоке Мито. Вот Петров и задумал, отправить в Шумперк офицера, который туда поедет с официальной миссией, разузнать у местных властей и работников музея о событиях 1945 года, когда советские войска освобождали Шумперк. Посмотрит материалы, сохранившиеся об этом. И этим офицером будет не кто иной, как лейтенант Сергей Александров. Конечно, ни о каком Отто Скорцени речь там идти не будет. Но если Александрову попадётся какая-то информация об этом или какие-то документы, то будет неплохо. И знание немецкого языка тоже могут в этой командировке пригодиться.

Казалось бы, что тут такого? Поехал, спросил, посмотрел, увидел... Уехал.

Петров, правда, не всё рассказал Александрову. Да и версию о том, что этот архив прятал сам Скорцени в конце войны, придумал сам Петров. Но он искренне посчи-

тал, что чем меньшей информацией будет обладать Александров, тем спокойнее он будет себя чувствовать в Шумперке и сможет там что-нибудь узнать. А это было бы плюсом для майора Петрова, уезжающего к новому месту службы, как он уже навёл справки, – в Молдавию, в город Бельцы, где дислоцировался штаб 86 мсд, входящей в состав 14-й армии. А что касается Скорцени, то на самом деле с ним всё было очень даже запутанно. Чехи так и не сказали, зачем им был нужен Отто Скорцени. Но по нескольким каналам всё же была получена информация о существовании какого-то архива и о том, что спрятан он, вероятней всего, в районе города Шумперка. Стало также известно, что Скорцени за годы войны несколько раз побывал в Шумперке, как и на Либавском полигоне, где его спецназовцы-диверсанты готовились к отдельным операциям, в том числе и к операции «Длинный прыжок» в Тегеране с намерением ликвидировать Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции. Несколько раз Скорцени останавливался на Либаве в так называемом «доме Гудериана», но основное время проводил в Шумперке. Объяснялось это просто. Шумперк был практически немецким городом, заселённым преимущественно немцами, которых уже после войны вернули в Германию. Строили Шумперк австрийские, а точнее, венские архитекторы. И Скорцени, уроженец Вены, чувствовал себя в Шумперке как дома. Да и отдых в городе с его многочисленными увеселительными заведениями – это же не ночёвка на полигоне.

Если предположить, что у Скорцени возникла необходимость в конце войны (или в предчувствии конца войны) что-то спрятать, то самым подходящим местом для этого был Шумперк. Не в Германии же прятать, куда скоро придут советские войска. И не в Австрии, откуда

Скорцени родом. А вот находящаяся рядом с ними Чехия – самое безопасное место.

Что это могли быть за документы доподлинно неизвестно. Возможно, что-то связанное с планами диверсионных операций, разрабатываемых и проводимых под руководством Отто Скорцени в годы войны. А может, информация о планируемом размещении на северо-востоке Чехии завода по производству ракет «Фау». Завод в Германии под Веймаром (в районе Бухенвальда) готовил ракеты для бомбардировки Лондона. А вот для изготовления таких ракет и использования их на приближающемся Восточном фронте пригодился бы другой завод, поближе к Украине и России.

Изменение обстановки на Восточном фронте, перелом в войне в пользу Красной Армии и её стремительное продвижение к границам Рейха сорвали планы по строительству завода в Чехии, но на северо-восток страны успели переместить большую группу военнопленных. Лагерь на границе Польши и Чехии не был оборудован до конца, поэтому часть пленных, что должны были строить завод, совершила побег. Для их поимки, кроме полицейских частей, были привлечены и диверсанты Скорцени, организовавшие настоящую охоту на людей. Конечная цель заключалась не в том, чтобы поймать беглецов, а в том, чтобы их убить. Не исключено, что власти Чехословакии именно из-за этих действий запросили выдать им Скорцени.

Всего этого Петров не сказал лейтенанту Александру. Пусть тот думает, что всё ясно и просто! Хотя во всём этом пустяшном, на первый взгляд, плане был ещё один момент, одно обстоятельство, о котором Петров не мог не рассказать молодому офицеру.

В Шумперкском музее работает некто Томаш Горек, пожилой человек со скользким прошлым. Есть подозре-

ние, что во время оккупации он помогал немцам. Прямых фактов нет, иначе им бы заинтересовались чешские правоохранительные органы. Но есть предположение, что он может что-то знать об архиве Отто Скорцени. И было бы интересно, если бы Александров встретился с этим Томашем, пообщался... Может, Томашу будет интересен молодой советский офицер?

– А как он хоть выглядит этот музейный работник?
– спросил Сергей майора Петрова. – А то попадётся мне на пути, а я пройду мимо.

– Старик... в очках... с седой неухоженной бородкой... не лысый, – вот, кажется, и всё, что я могу о нём рассказать, – ответил Петров. – Но я понял главное. Ты согласен? Согласен съездить в Шумперк?

– Танкисты на Либавском полигоне говорили, что Шумперк очень красивый городок. Почему бы не съездить, не посмотреть. Есть, правда, ряд вопросов. Как это будет долго продолжаться? Что будет с моим взводом? Кто будет знать о моей командировке здесь, а кто – в Шумперке? И вообще, как я туда попаду?

Петров обстоятельно ответил на эти и другие вопросы Сергея. Командировка продлится три дня. Здесь в полку будут знать, что Александрова вызвали в штаб Группы в Миловице, а в Шумперке, вообще, никто из наших ничего знать не будет. Только офицер-контрразведчик, курирующий Шумперкский танковый полк, будет знать о приезде офицера из штаба дивизии для сбора материалов об освобождении города в 1945 году. Он же и сообщит местным властям о приезде такого офицера и согласует вопросы с чехами о том, куда и к кому ему прибыть. Отвезёт Александрова в Шумперк сам майор Петров, который сразу же оттуда уедет. А на третий день Александров уедет из города на простом рейсовом автобусе. Вот и всё! Да, форма одежды – военная, по-

вседневная. Никакой гражданской одежды.

Через несколько дней они на Уазике, за рулём которого находился сам Петров, выехали по направлению на Шумперк.

Немного поплутав по улицам города, они остановились в тени высокого клёна на улице Пушкина. Не выходя из машины, майор показал Сергею на светлое двухэтажное здание под красной крышей на противоположной стороне улицы и сказал:

– Это что-то среднее между общежитием и гостиницей. Вот ключи. Большой – от входа, маленький – от комнаты номер пять на первом этаже. Еда – в холодильнике. Вечером придёт наш человек, расскажет, о чём он с чехами договорился. Всё! Пока!

Майор уехал, а Сергей пошёл располагаться в своём номере.

Вечером в дверь постучали. Когда Сергей открыл, то в коридоре увидел человека в гражданском костюме, ничем не примечательной внешности, со светлыми волосами и такими же светлыми невыразительными глазами.

– Я от майора Петрова, – сказал незнакомец, не заходя в комнату. – Завтра вам надлежит быть в городской администрации. Там вас встретят.

– А где она? – спросил Сергей.

– В пятнадцати минутах хода отсюда. Вы сейчас находитесь на улице Пушкина. Спускаетесь вниз до перекрёстка, где поворачиваете налево. Справа увидите сквер, в глубине которого за фонтаном «сова» – двухэтажное красно-розовое здание музея. За сквером повернёте направо и выйдете к железнодорожному вокзалу. В одном квартале слева от него увидите угловое здание местной администрации.

– Я понял. Спасибо! А почему фонтан... «сова»?

— Это местная достопримечательность. Как, например, фонтан «Дружба народов» на ВДНХ в Москве. А здесь в центре фонтана установлена фигура большой каменной совы. Если вопросов больше нет — до свидания! — попрощался незнакомец и исчез.

Утром Сергей, хорошо выспавшись и позавтракав, покинул своё жилище, конечно, не за пятнадцать минут до назначенного времени встречи, а за час до него. Надо же и прогуляться, не спеша, по красивому городу. В последний момент перед уходом он, подумав, что в администрации могут дать ему какие-нибудь материалы или надо будет какую-то информацию записать, взял с собой полевую офицерскую сумку. Не в авоське или в руке ему нести эти бумаги! Для всех таких случаев у военных людей существует полевая сумка, где имеется всё необходимое: компас, блокнот, ручка, цветные карандаши, офицерская линейка, фонарик и... место, чтобы ещё что-нибудь положить. Да и зачем что-то оставлять в этой комнате? Всё своё надо носить с собой.

А город, действительно, оказался очень красивым. Высоке Мито, где служил Сергей, тоже был неплохим городком со своеобразной старинной архитектурой, очаровательной центральной городской площадью, но он всё же уступал в этом смысле Шумперку. Австрийские архитекторы постарались здесь на славу, но и местные жители тоже молодцы, так как бережно всё это великолепие хранили. Одно красивое здание с колоннами и лепными узорами сменялось другим — с балконами и скульптурами. Много зелени. Вот и сквер с фонтаном и совой! Точнее, как определил Сергей, это было не изваяние совы, а в центре фонтана находилась фигура филина. Удлиненные перья над глазами у птицы, похожие на своеобразные уши, указывали, что именно фонтан с филином стал одной из достопримечательностей города.

«А что это вчерашний гость о фонтане на ВДНХ говорил? – вспомнил вдруг Сергей о вечернем разговоре. – Случайно? Или он тоже знает загадку фонтана «Дружба народов», установленного в центре Выставки достижений народного хозяйства в Москве?»

Дело в том, что Сергей, пока учился в столице, неоднократно бывал на ВДНХ. Там можно было много чего интересного посмотреть. И круговую кинопанораму, где экраны были расположены вокруг зрителей, оказывающихся в центре показываемых событий. И кинотеатр, где показывали фильмы с невиданным доселе объёмным изображением, смотреть которое нужно было в специальных очках. Много чего интересного было и в выставочных павильонах. Однажды Сергей, забавы ради, посчитал, сколько позолоченных женских фигур стоит вокруг величественного центрального фонтана под названием «Дружба народов». Его название говорило, что эти фигуры олицетворяют собой пятнадцать союзных республик, входящих в состав Советского Союза. Но фигур то оказалось не пятнадцать, а шестнадцать! Вот фокус!

Сергею пришлось немало времени потратить, чтобы этот фокус разгадать. Кроме того, он выиграл несколько споров со своими однокурсниками по военному училищу, утверждающими, что в таком фонтане должно стоять ровно пятнадцать фигур. Спорили, как обычно, на поход в курсантскую чайную, которая ласково называлась «чипок», где проигравшие за свой счёт угощали победителя.

А шестнадцатой, так сказать «лишней» фигурой в фонтане, оказалась женская статуя, символизирующая входившую в состав СССР на момент строительства фонтана (в середине 50-х годов) Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику, в скором времени включённую в состав России. Вот эта позолоченная карело-финка в своём национальном одеянии и помогала

курсанту Александрову честно выигрывать споры и с радостью посещать «чипок».

Об этом и вспомнилось Сергею, стоящему в центральной части чешского города Шумперк у фонтана с фигурой филина.

Место вокруг фонтана и дорожка к музею были вымощены брусчаткой, по которой Сергей подошёл к самому зданию музея. Как сказал вчера вечерний гость, двухэтажное здание, действительно, было покрашено в красно-розовый цвет, который придавал этому историческому объекту довольно весёленький, даже легкомысленный вид. Главный фасад был украшен рядом арок, составляющих своеобразную галерею. Большие окна второго этажа, каждое из которых размещалось строго над соответствующей аркой, сверху были закруглены, а снизу оканчивались стилизованными балконами.

Арки первого этажа были наглухо закрыты металлическими решётками, и только в центральной имелись решётчатые ворота, одна из половинок которых была приоткрыта. Справа от неё висела табличка с надписью на чешском языке, где слово «muzeum» в переводе не нуждалось.

Сергей вошёл в эту своеобразную калитку и оказался во внутренней галерее перед высокой резной деревянной дверью с орнаментом по центру. Не задумываясь, он толкнул эту дверь, и она неожиданно легко и беззвучно приоткрылась.

«Если вас выставили за дверь, то для достижения цели воспользуйтесь окном!» – так гласила одна шуточная служебно-житейская мудрость, которую Александров постиг ещё во времена учёбы в Московском общевойсковом командном училище.

«А тут и не надо лезть в окно, когда дверь открыта», – подумал про себя лейтенант и шагнул в тёмный полуоткрытый проём двери.

Закрыв за собой дверь, он оказался в полутёмном коридоре, где основной свет падал со второго этажа, освещая деревянную лестницу, ведущую туда, слабым дневным светом.

«Здесь или забыли включить свет или просто электричество кончилось», – снова подумал про себя Сергей, увидев над лестницей небольшую люстру, которая белела в полутьме, но не светила.

Воспитанный человек должен был при входе поздороваться, но здороваться было не с кем. Слева от лестницы угадывалась приоткрытая дверь, за которой что-то происходило. Прислушавшись и уловив запах керосина, Сергей решил, что там пытаются зажечь керосиновую лампу. Видно, действительно, в музее отключено электричество. А так как «темнота – друг молодёжи», то и не стоит тут зря стоять и терять время. Сергей повернул налево и тихо двинулся вдоль тёмного коридора. Вот справа одна дверь, вот вторая. А вот справа какой-то проём...

Глаза уже ничего не различали, поэтому офицер быстро расстегнул сумку, достал фонарик и включил его. Узкий луч осветил ступеньки, уходящие вниз. А так как ступеньки предназначены для того, чтобы по ним ходить, то Сергей, опять же ничуть не задумываясь, начал по ним спускаться. Он по опыту знал, что, если начнёшь задумываться, то могут появиться сомнения, которые не только замедлят выполнение задачи, но и вообще – сорвут её.

Конечно, никто не уполномочивал Сергея бродить по тёмному музею, никто не ставил перед ним такой задачи, но любопытство и юношеский максимализм звали его

дальше.

Сделав полукруг, каменная лестница привела к металлической двери, которая тоже оказалась незапертой.

«Получается, что я спустился в подвал музея, – подумал Сергей. – И если я на кого-то тут наткнулся, то скажу, что заблудился. Раз дверь в подвал открыта, то её ведь кто-то открыл. И этот кто-то, вероятней всего, находится в подвале. А не слишком ли яркий у меня свет?» – задал он себе вопрос и, сдвинув рычажок смены фильтров на фонарике вниз, изменил свет с обычного на зелёный.

Он прошёл по подвалу несколько десятков метров, стараясь идти как можно тише. Несколько ящиков и больших картонных коробок, попавших в луч зелёного цвета, Сергея не заинтересовали, потому что они явно стоят тут давно, а человек, который открыл подвал, спустился сюда недавно. Вот лампочка висит, и она не горит. Света по-прежнему нет. А зачем в подвал спускаться, когда света нет? При свете ведь лучше тут находиться.

Сергей остановился и выключил фонарик, потому что впереди то ли увидел, то ли ему показалось, то ли почувствовал блики света. Точно! Там определённо кто-то светил фонарём. Но не прямо по коридору, а откуда-то сбоку.

«Коридор поворачивает или там – ниша?» – подумалось Сергею.

Приблизившись, он понял, что коридор продолжается прямо и упирается в дверь. А за несколько метров перед дверью вправо уходит более узкий проход, откуда и падал свет на противоположную стенку. Свет падал неровно, и его блики, словно от костра, плясали на стене.

Остановившись около начала прохода, стены которого были выложены красным кирпичом, Сергей осто-

рожно заглянул за угол. Действительно, там находилась ниша, глубиной метра два или чуть поменьше. У её противоположного глухого края, тоже выложенного из кирпичей, спиной к Сергею стоял человек с поднятой левой рукой. Над ним, по центру кирпичной стены, был расположен какой-то барельеф круглой формы. Фонарь висел на небольшом крюке справа от мужчины. Когда тот повернул голову в сторону фонаря, блики от него отразились в стеклах очков и осветили небольшую седую бородку на лице.

Сергей отпрянул назад за угол. Остаться здесь было уже верхом безрассудства. Он быстрыми шагами, опираясь на носки и стараясь двигаться как можно тише, двинулся в сторону выхода. Сделав около десятка шагов и очутившись в районе, где лежали ящики и коробки, Сергей на секунду включил фонарик, чтобы не зацепить эти коробки. А вот и дверь!

Включив фонарик ещё раз при подъёме по лестнице, лейтенант снова оказался в коридоре первого этажа, по которому, осторожно ступая, направился в сторону входа.

Электричества в музее не было по-прежнему, но у входной двери на столе уже появилась керосиновая лампа, неярким светом освещая часть коридора и лестницу, ведущую на второй этаж. За столом никого не было видно, но человек, поставивший эту лампу на стол, должен быть где-то рядом.

А вот и он! Точнее, она... Со второго этажа по лестнице медленно спускалась темноволосая женщина с короткой стрижкой, в светлой блузке и длинной тёмной юбке. Увидев её, Сергей быстро присел на корточки и выпал из поля её зрения, так как между ними оказалась большая метровая ваза, стоящая недалеко от лестницы то ли, как украшение, то ли, как экспонат.

Повернув голову налево, Сергей понял, что нахо-

дится рядом с дверью, ведущей в туалет. Никакого времени уже не оставалось, но его хватило на то, чтобы Сергей, дотянувшись до дверной ручки, дёрнул её, открывая дверь и поднимаясь в это время с пола. Со стороны это должно было выглядеть, что человек выходит из туалета. Как оно выглядело на самом деле, Сергея уже не интересовало, потому что, выпрямившись в полный рост, он закрыл дверь, повернулся в сторону лестницы и пошёл прямо к выходу. Встретившись глазами с женщиной, молча стоящей у лестницы с недоумением на лице, Сергей деловито кивнул ей и произнёс: «Prominoute!», что означало «извините!», а потом, сообразив, что не мешало бы и поздороваться, добавил: «Dobry den!»

«Стоп! Она же работница музея в городе, где дислоцируется советская воинская часть. Она обязательно знает русский язык, – подумал Александров. – Что я тут распинаюсь по-чешски?! Я же в советской военной форме».

Далее уже по-русски он объяснил этой женщине, что прибыл в музей за материалами об освобождении города Шумперка советскими войсками, на что женщина тоже по-русски ответила, что она – в курсе и соответствующие материалы ещё вчера были переданы в администрацию города, куда и стоит отправиться этому неизвестно откуда появившемуся советскому офицеру.

«Na shledanou!» – попрощался лейтенант Александров, кивнул и вышел на улицу.

«Гестапо перекрыло все выходы, но Штирлиц спокойно вышел через вход!» – вспомнилась Сергею шутка, появившаяся после выхода в свет фильма «Семнадцать мгновений весны».

Вскоре он уже входил в угловое здание с трёхцветным чехословацким флагом над входом, где ему вручили несколько буклетов на чешском языке о событиях

1945-го года в Шумперке.

Лейтенант понял, что миссия его закончена. Вторым раз идти в музей – глупо. Никто там больше ничего ему не расскажет и не покажет. А раз так, то что ему делать в этом городе?

Сергей двинулся по направлению к автостанции, расположенной недалеко от железнодорожного вокзала, и сел в автобус, направляющийся в Высоке Мито.

Пока ехал, то немного поразмышлял о том, что видел и что делал.

Может, надо было в том подвале выскочить из-за угла и громко спросить у этого старикашки: «А что вы, уважаемый, тут делаете?». На что «очкарик» ему ответил бы, что он проверяет, не протекает ли стена подвала после вчерашнего дождя, поинтересовавшись, в свою очередь, а что, собственно, в подвале музея делает сам господин офицер. А может, от неожиданности этот Томаш (или как его там?) упал бы в обморок, а то и вовсе – получил бы инфаркт и умер? А может, спокойно достал бы нож или пистолет и.... С ножом выпускник общевоинского училища, наверняка, справился бы. А с пистолетом? Против лома нет приёма! Как говорится, в любой рукопашной схватке побеждает тот, у кого больше патронов.

Понятно, что если бы в подвале появилось оружие, то миссия Александрова окончательно была бы провалена. Когда между двумя людьми, беседующими в подвале, оказывается оружие, то это по логике развития событий означает, что из подвала должен выйти только один из них. И все варианты тогда становятся плохими. Это как понятие «цугцванга» в шахматной партии, когда любой следующий ход игрока ухудшает его собственную позицию на доске. Ведь если человеком, вышедшим из подвала, окажется этот Томаш, то ясно, что советский офицер со всей имеющейся у него информацией остался

лежать под музеем. Да его там и не найдут. А если из подвала выйдет Александров, то, вероятней всего, никто уже ничего не добьётся от самого Томаша.

Сергей решил, что, в конце концов, он – простой советский офицер, а не какой-то диверсант или разведчик. И если бы дело обстояло серьёзно, то в поисках таких материалов должны быть задействованы подготовленные люди, специалисты, профессионалы в таких делах. А раз тут находится один человек безо всякого прикрытия, страховки и так далее, то, вероятней всего, это дело придумал сам майор Петров. А вдруг что-то там этот беззаботный лейтенант, действительно, увидит? По правде говоря, он что-то там и увидел. Но что с этой информацией делать? – это уже не вопрос к лейтенанту Александрову.

«Доложу, что видел, а выводы пусть делает сам Петров. Это уже не моя головная боль», – окончательно успокоил себя Сергей.

По прибытию в свою часть он подробно рассказал майору Петрову, что и как было в Шумперке, передал ему ключи от комнаты «то ли общежития, то ли гостиницы» и убыл в казарму к своим подчинённым.

«Каждый должен заниматься своим делом, как говорится, «кто чему учился», – размышлял по дороге командир взвода. – Иначе получится бардак. Меня научили командовать подразделением, потому что «один в поле – не воин». Я в музейном подвале был один. А вот, если бы со мной там были люди с моего взвода, хотя бы несколько человек, то всё могло закончиться иначе. Во всяком случае, помогли бы мирному старику проверить, не затоплен ли подвал».

Глава седьмая
Служу Советскому Союзу
(Февраль 78-го года)

В мирное время служба в армии — довольно рутинное, регламентированное со всех сторон, местами даже скучное занятие. Единственное, что периодически взбадривает войска — это учения, когда надо куда-то выезжать. И чем дальше учения запланированы от пунктов постоянной дислокации, тем они интереснее. Это же новые места, свежие впечатления и неординарные задачи!

Конечно, это утверждение касается только старослужащих солдат, призванных по призыву, да и тех, кто служит по контракту. Молодых солдат, так называемых «срочников», это не касается, потому что им в армии всё в новинку, в диковинку, а на то, чтобы ко всему армейскому, резко отличающемуся от условий привычной гражданской и домашней жизни, привыкнуть, нужно время.

Относительно офицеров, отвечающих в армии за всё, включая своих подчинённых, то им ответственности

хватает и в повседневной жизни и службе, а на учениях – груз этой ответственности, несомненно, увеличивается. Ведь личный состав на учениях находится не в казарме, не в условиях огороженного со всех сторон забором пункта постоянной дислокации воинской части, а – в поле, в лесу, в эшелоне. Одним словом – на свободе. Да и боевая техника на учениях покидает привычные для неё места хранения: гаражи, хранилища, парки и боксы и устремляется на дороги, автострადы, места погрузки, которые не всегда находятся на полигонах. Так и жди, что кто-то залезет ей под колёса или гусеницы. Так и ожидай, что что-то наедет на кого-то, развалит что-то или столкнётся с таким же чем-то.

В ближайшем к месту дислокации воинской части городке, при въезде в который дорога делает довольно крутой поворот и тянется вдоль невысокого забора, старшему лейтенанту Александрову показали угол дома за забором, в которую уже два раза въезжали наши танки при совершении марша. Но если угол дома ремонтируется более-менее легко, то травмы личного состава, которые иногда случаются в ходе учений при эксплуатации большого количества боевой техники – это совсем другой уровень ответственности, а иногда и виновности командиров разных степеней.

Александров даже слышал от кого-то утверждение, что на большие учения, типа учений войск и сил Варшавского Договора или масштабные окружные учения имеется определённый планируемый процент потерь среди личного состава. Конечно, такое заявление – выдумка, ложь, неправда, враньё. Человеческая жизнь – есть человеческая жизнь. И попусту тратить эти жизни в условиях мирного времени никто не разрешит и не допустит. Иначе воевать по-настоящему в случае необходимости будет некому. Поэтому меры безопасности... И ещё раз

меры безопасности.

Вот и сейчас, когда они в колонне спускаются по окончании активной фазы учений Варшавского Договора «Щит-78» с юго-восточных отрогов Рудных гор (на границе Чехословакии и Германии), двигаясь по направлению к станции погрузки, надо смотреть в оба. Февраль месяц... Здесь в горах Доуповского полигона – снег, дороги и так извилистые, а сейчас они ещё и обледенелые. Бронетранспортёры, конечно, машины устойчивые, крепкие, бронированные, но скользкая дорога не прибавляет им устойчивости.

Сергей хорошо запомнил, как в прошлом году в ходе сто пятидесяти километрового марша, который положено совершать всем молодым водителям в конце своего обучения, в более комфортных погодных условиях чешской осени, правда, после небольшого дождика и в присутствии за рулём не опытного рядового Шведова как сейчас, а молодого Гарифулина, на повороте их бронетранспортёр занесло, и он, сместившись с асфальтового дорожного покрытия вправо, заехал под огромное дерево, раскинувшее свои ветки у дороги. Сергей, находившийся в этот момент в командирском люке справа от водителя, только успел сгруппироваться и провалиться в люк на сидение командира, как люк самостоятельно захлопнулся за ним.

«Как это люк закрылся, если он стоит на стопоре, и я его не трогал?» – задался вопросом самому себе Сергей и посмотрел вверх. Люк над головой был закрыт, а стопор – толстая металлическая планка, приваренная к броне корпуса, была буквально снесена с места. Сергей попробовал открыть люк, но он не поддавался, словно был заблокирован.

Без ответа на старый вопрос появился новый:

«А что блокирует люк, если стопора на месте уже нет?»

Сергей, с трудом протискиваясь сквозь ветки и листья дерева, под которым стоял БТР, высунулся из водительского люка и только тогда нашёл ответы на свои вопросы. Толстая ветка с этого дерева закрыла правый люк, где сидел старший машины, предварительно выломав стопор. Она же и не даёт люку открыться сейчас.

Размышлять на тему: «А где бы был он сам, если бы своевременно не юркнул в люк?» самому Сергею не очень-то хотелось, потому что и так всё понятно. Нижняя его половина, находящаяся внутри бронетранспортёра, поехала бы вперёд вместе с машиной, а верхняя осталась бы висеть на этой самой ветке, закрывшей люк.

А вы говорите: меры безопасности...

Учения, с которых они сейчас возвращаются, насколько их видел и ощущал, участвуя в них, командир роты «со своей колокольни», прошли спокойно, без особых эксцессов.

Так уж тут в Чехословакии составлен учебный процесс, что крупные учения всегда проводятся в середине февраля, чтобы, соответственно, к 23-му февраля все, включая и высокое начальство в Москве или в странах Варшавского Договора, вернулись в свои казармы и спокойно отмечали праздник. Вот и получалось, что свой день рождения во вторую неделю февраля Сергей всегда отмечал на учениях, находясь на полигонах или, в крайнем случае, – на марше. То есть – никак. А то, что на таких больших учениях всё может случиться – это факт. Ему рассказали одну историю, случившуюся раньше, ещё до приезда Александрова в Чехословакию. Учения тогда проходили тоже зимой на юге страны, вблизи Чехословацко-Австрийской границы.

Одна разведывательная машина с группой разведчиков, выполняя в метель (оказывается, тут и метели бывают) свои задачи, сбилась с курса, точнее, просто заблудилась, посшибала какие-то столбики в лесу и к утру выехала на более-менее приличную дорогу. Чтобы сориентироваться, куда же они попали, решили проехать прямо по дороге до первого населённого пункта и там уже определиться, куда ехать дальше. Доехали до указателя с названием деревни, посмотрели на карту и обомлели, потому что они уже с десятков километров, как колесят по Австрии. Сориентировались и поняли, что надо возвращаться. А самый короткий путь между двумя точками – это прямая. Вот они на полной скорости и понеслись по этой дороге в сторону границы, проскочили эту самую границу, посшибав шлагбаумы, и на чехословацкой территории остановились. Теперь, мол, разбирайтесь с нами, что и как, но мы уже не на сопредельной территории.

Кстати, Сергей, когда в ходе учений смотрел на карту, то видел, что от границы с Германией они находятся всего в двадцати километрах. Но метелей, сильных снегопадов в горах на этот раз не было, никто в Германию по ошибке не заехал. Поставленные задачи в пределах роты и батальона были выполнены полностью и в срок. На полигон в этих горах их полк прибыл своим ходом, совершив трёхсоткилометровый марш. А вот назад, в пункт постоянной дислокации, полк должен вернуться железнодорожным транспортом. Это связано с тем, что на больших учениях задействована боевая техника, которая обычно находится в боксах на хранении и имеет свой определённый запас хода на год. Превышать эту норму нельзя. Вот на этих учениях техника свой запас хода исчерпала, и двигалась сейчас на станцию погрузки на этот самый железнодорожный транспорт. На свою

станцию погрузки выдвигалась сейчас и колонна бронетранспортёров во главе с командиром роты старшим лейтенантом Александровым.

В наушниках раздался треск, затем – писк, сквозь который прорезался голос командира батальона:

– «Гвоздика», я «Рассвет», приём!

– «Рассвет», я «Гвоздика», приём, слышу вас хорошо! – ответил Сергей.

– «Гвоздика», передайте командование ротой заместителю, а сами прибудьте на гору Злата! – послышалось в наушниках.

– Не понял вас! На чём прибыть на гору? И где она? – спросил озадаченный Сергей своего непосредственного начальника.

– Вы сейчас рядом с ней. Выдвигайтесь пешим порядком. Конец связи! – сказал комбат и отключился.

«Военный человек должен быть готов к любым неожиданностям, но эта... совсем неожиданная», – подумал Сергей и приступил к выполнению поставленной задачи. Первым делом он перебрался вглубь бронетранспортёра, отправив на место старшего машины своего заместителя старшего лейтенанта Савицкого, предупредив его о том, что теперь тот будет вести роту на станцию погрузки, до которой оставалось километров десять, не больше. Затем, не останавливая колонну, Александров достал карту и бритву. Бритва была механической, то есть приводящаяся в действие, как будильник, специальной пружиной. Завёл пружину и начал бриться, одновременно рассматривая карту в поисках этой самой «горы Злата». Действительно, гора под таким названием находилась километрах в трёх, справа от дороги, по которой осторожно спускалась колонна. По дороге можно было ещё чуть-чуть проехать, чтобы на это «чуть-чуть» приблизиться к горе, дорог к которой на карте не наблюдалось.

Далее надо было определиться с формой одежды, о которой комбат ничего не сказал. Ну не пойдёт же он туда, не зная, куда, к кому и зачем, в грязном бушлате и яловых сапогах? Сергей переобулся в хромовые, пошитые на заказ ещё в училище, надел шинель, которая предусмотрительно в ожидании какого-нибудь внезапного строевого смотра лежала в бронетранспортёре. Всё – он готов!

Спрыгнув сдвигающегося бронетранспортёра, Сергей начал продвигаться вправо от дороги, поглядывая на компас. Высокие сосны не позволяли ничего рассмотреть вокруг, но они, как показывала карта, должны были скоро закончиться, потому что он подходил к седловине между какой-то безымянной вершиной и горой Злата.

А вот и она! Лес расступился, и взору открылась довольно высокая заснеженная гора, безо всякой растительности. Наверху, ближе к её вершине, виднелись антенны и желтели брезентовые палатки. Туда, двигаясь постоянно вверх и вверх, и направился командир роты.

Снега на склонах горы было немного, не то, что там, позади, где вчера рота Александрова атаковала условного противника. С опушки у подножия очередной высоты необходимо было перейти в атаку на противника, оборонявшего это самое подножие. Всё бы ничего, если бы не снег, которого в самой-то Чехословакии даже зимой выпадает чуть-чуть. И лыжи здесь абсолютно не нужны. Но в горах-то свои законы и погодные условия. Вот и пришлось роте Александрова буквально по колено, а местами – и по пояс в снегу двигаться в атаку. Хорошо, что это только учение, а не реальная атака на реального противника. Все бы там полегли!

Минут через тридцать Сергей взобрался на нужную высоту, добравшись до палаток. Как он понял, ему нужна

была самая большая из них. И там уже что-то происходило, потому что оттуда доносился чей-то командирский голос, усиленный, по всей видимости, микрофоном. Где-то тарахтел движок, вырабатывая электричество для этой палатки. Основной вход был закрыт, и у него стоял часовой. Обойдя палатку, Сергей подошёл ко входу с противоположной стороны, куда и откуда периодически заходили, и выходили разные военные люди.

Беспрепятственно туда прошёл и Сергей, оказавшись, как бы в предбаннике или какой-то вспомогательной брезентовой комнате, в которой всем руководил офицер с майорскими погонами на плечах. Там было очень тепло от буржуйки, стоявшей недалеко от входа. Александрову, как только он назвал свою фамилию, майор сказал:

– Раздевайтесь! – и показал рукой на вешалку, стоявшую в углу, где уже висело несколько десятков шинелей и бушлатов.

«Да что же за день сегодня, такой невезучий!» – пожаловался сам себе Сергей, потому что раздевание не входило в его планы. Какое раздевание на зимних учениях в горах? Дело в том, что за неделю до учений лейтенанту Александрову присвоили очередное воинское звание «старший лейтенант». На шинель он прикрепил погоны «старшего лейтенанта», на повседневную форму тоже, а на полевой форме оставались ещё лейтенантские погоны. Ну не успел заменить! Роту к учениям готовил!

Пока Сергей, повесив шинель и оставшись в полевой форме, называемой «п/ш», переживал по этому поводу, к нему подошёл майор, взял его под руку и повёл ко второму входу в основную палатку. Развернув Сергея вокруг себя, он, оказавшись позади «лейтенанта-старшего лейтенанта» Александрова, протянул вперёд руку,

откинул полог, прикрывающий вход, и толкнул Сергея внутрь. В этот момент Сергей услышал свою фамилию, произнесённую в микрофон.

Толчок от майора был довольно сильным, и, чтобы не упасть, Сергей был вынужден сделать несколько быстрых шагов вперёд, оказавшись довольно далеко от входа. Он увидел, что большая палатка полностью заполнена офицерами, сидевшими на раскладных стульях слева и справа от прохода, по которому уже шёл Сергей. Пол в палатке был выложен деревянными щитами. Оторвав взгляд от пола и посмотрев вперёд, Сергей увидел, что проход впереди упирался в длинный стол, за которым сидело несколько генералов, а один из них стоял слева от стола около импровизированной трибуны, но не за ней, а впереди неё. А ещё левее стоял маленький столик с разложенными на нём всякими коробочками. По бокам этого столика стояли два офицера: наш подполковник и полковник Чехословацкой народной армии.

Сергей, поняв, что идти ему надо к этому стоявшему генералу с двумя большими звёздами на погонах, перешёл на строевой шаг, благо ровный пол позволял это сделать. Лишь одна мысль сверлила ему мозг в эти секунды:

«Как представиться этому генералу: лейтенантом, как на погонах полевой формы, или старшим лейтенантом, как в действительности?»

Принять окончательное решение Сергею мешал сам генерал, потому что он не смотрел на приближающегося к нему офицера, а внимательно рассматривал его... ноги.

«Да чистые у меня сапоги!» – успел подумать Сергей, потому что пора было останавливаться перед генералом и представляться.

Сергей чётко остановился, приложил руку к головному убору и начал рапортовать, склонившись к варианту, что надо соответствовать тому званию, что на его погонах:

– Товарищ генерал-лейтенант... – и тут Сергей, сделав маленькую паузу, понял, что два слова «лейтенант», сказанные подряд, будут звучать даже как-то смешно, поэтому свой рапорт он закончил не так, как планировал, а по-другому, – ...старший лейтенант Александров по вашему приказанию прибыл!

Сергей опустил руку и замер в уставной строевой стойке. Повисла пауза, которую занял своими действиями генерал. Он улыбнулся, потом широким жестом протянул в направлении стоящего перед ним офицера левую руку, подержал её какое-то мгновение на уровне груди Сергея, а затем опустил её, указывая на пол, со словами:

– Вы выдели, как он шёл? Сразу видно, что этот офицер заканчивал Московское ВОКУ имени Верховного Совета! Так идти могут только его выпускники! – после этих слов генерал протянул Сергею свою правую руку для рукопожатия, пожал руку молодому офицеру и сказал:

«Благодарю за службу, сынок!»

Затем он левой рукой взял у появившегося рядом полковника в чехословацкой военной форме красную коробочку и вручил её Сергею, после чего ещё раз пожал молодому офицеру руку и произнёс:

– Молодец!

Чехословацкий полковник, сделав шаг вперёд и что-то проговорив Сергею по-чешски, тоже пожал ему руку.

Александров повернулся к залу лицом, приложил руку к головному убору и громко произнёс:

– Служу Советскому Союзу!

После чего он строевым шагом направился к выходу. Увидев уже знакомого майора, Сергей, одеваясь, тихонько спросил его, кто этот генерал-лейтенант.

– Так это новый командующий нашей группой войск генерал-лейтенант Язов Дмитрий Тимофеевич! – ввёл старшего лейтенанта в курс дела штабной майор.

Так вот, оказывается, почему среди всех генералов, присутствующих на совещании, Сергей не увидел знакомого лица генерала Дмитрия Семёновича Сухорукова. Дело не в том, что Александров знал в лицо, как оказывается, уже бывшего командующего Центральной группой войск генерал-полковника Сухорукова. (Все военнослужащие должны знать в лицо своих прямых начальников, начиная от министра обороны и заканчивая командиром своего отделения. Или наоборот, в другой последовательности?) И даже не в том, что Александров был лично знаком с бывшим командующим, то есть – и генерал Сухоруков знал Александрова, правда, тогда, когда тот был ещё лейтенантом. Мало ли кто кого мельком увидит на учениях или строевых смотрах. Просто в биографии старшего лейтенанта был один эпизод, когда, после года службы в полку, его направили в командировку в Миловице, где размещался штаб ЦГВ, исполнять обязанности адъютанта командующего.

Только что прибывший в Чехословакию новый командующий Центральной группой войск генерал-лейтенант Сухоруков подыскивал себе адъютанта. Для серьёзных дел у командующего имелся офицер для особых поручение в звании подполковника, а для всяких дел попроще нужен был молодой лейтенант. Вот кадровики и решили, что лейтенант Александров для этого дела подходит. Буквально несколько дней понадобилось молодому офицеру, чтобы убедиться, что такие адъютантские обязанности... не для него. Тут ты

абсолютно не принадлежишь себе. Другими словами, тебя нет, ты являешься тенью начальника. С одной стороны, понятно, что при том уровне ответственности, который лежит на плечах командующего, ему некогда думать о каких-то бытовых, хозяйственных мелочах, о которых и должен заботиться адъютант.

Но и Сергей заканчивал высшее военное учебное заведение не для этого. Спать ложишься очень поздно, встаёшь – ни свет ни заря. Посреди ночи – подъём! Разбился самолёт! Вместе с командующим выезжаешь на аэродром. Оттуда – на совещание. Где портупая командующего? Наверное, многие офицеры-выпускники согласились бы в начале своей службы попасть на такую должность. На ней ты однозначно всегда будешь сытым, сухим и тёплым... Все полковники вокруг будут с тобой вежливы и предупредительны. Но Сергей через неделю такой службы, выждав момент, подошёл к генералу и попросил того... вернуть лейтенанта Александрова обратно во взвод.

Сергей, пока ждал окончания совещания, подводящего итоги прошедших учений, рассмотрел, что за награду он получил только что из рук командующего Центральной группой войск. Это была чехословацкая медаль «За укрепление боевого содружества». Поэтому чешский полковник тоже пожимал ему руку.

Александров подумал:

«А хорошо, что я в момент получения этой награды не знал, что находится в красной коробочке, не знал, что мне вручают чехословацкую медаль. Иначе я бы не знал, а что мне в конце отвечать. Если награда советская, то отвечать надо: «Служу Советскому Союзу». Но в уставе ни слова не говорится о том, что отвечать, если награда не советская, а, как в данном случае, другого государства».

И вообще, это были четвёртые большие учения, в которых за время службы в ЦГВ успел поучаствовать Александров.

О первых, если бы не выполнение отдельной задачи в полосе обеспечения дивизии взводом лейтенанта Александрова, то и вспомнить было нечего. А вот последующие были связаны с преодолением водных преград. И не каких-то там никому, кроме местных жителей, неизвестных, а очень даже знаменитых рек европейского масштаба – Одера и Эльбы. Да-да, известные всем, особенно со времён Второй мировой войны, эти две большие реки, протекающие по территории Германии, берут своё начало в Чехословакии.

С преодолением Одера вышло так. Как только Александров со своей ротой в средствах защиты преодолел зараженный противником (можно подумать, что они не знали, что всяким хлорпикрином тут надымил дивизионный батальон химзащиты!) участок местности и приступил к дезактивации и дегазации на специальном пункте, оборудованном всё тем же батальоном химической защиты, как тут же командир роты получил новую задачу, с тридцатью солдатами, вооружённых только автоматами, десантироваться с двух вертолётов в район моста, захватить его и удерживать до подхода главных сил, впереди которых, в качестве авангарда, движется танковый батальон. Но вертолёты высадили эту группу во главе с Александровым не прямо около моста, а в трёх километрах от него, мол, только там имеется удобное для посадки вертолётов место. Вот и пришлось им бежать изо всех сил, чтобы опередить танковый батальон и успеть захватить этот мост до подхода танков. Бежали, бежали... А тут впереди мелкая речка, больше похожая на ручей... несколько метров в ширину. Командир скомандовал: «Вперёд!», и все вместе с

офицером дружно перебежали через эту речушку по камням на другой берег и побежали дальше. Александров оглянулся и увидел, что два солдата – Гараба и Фейзулин – остались на том берегу и не идут в воду.

– Вы что там застряли?! – крикнул им офицер. – Вперёд! Догоняйте остальных!

Ответ Фейзулина сразил Александрова наповал.

– Так у нас... это... сапоги дырявые!

У Александра поначалу даже приличных слов не нашлось, чтобы отреагировать на это. Рота выполняет почти боевую задачу, а у них, видите ли, сапоги... А неприличных слов он никогда не употреблял. Время поджимало, и с помощью громких литературных выражений ему удалось всё же убедить солдат в крайней необходимости срочно перебежать этот ручей. Кстати, за дырявые солдатские сапоги старшина роты после учений получил соответствующий «втык».

Тогда они успели захватить мост и таким образом – в срок выполнили поставленную задачу. Сергей посмотрел по карте, что же это за водную преграду они по пути к мосту преодолели. Оказалось, что это и есть тот самый знаменитый Одер, начинающийся в нескольких километрах отсюда.

Но насладиться этой локальной победой над условным противником, использовать мост для дальнейшего продвижения наших войск вперёд, не удалось. Потому что посредник при штабе «западных», а возможно, и сам руководитель учений, узнав, что «восточные» захватили мост, подошёл к карте командующего и цветным карандашом начертил на мосту крест-накрест две жирные синие линии, что означало одно – этого моста больше не существует, так что воспользоваться им для переправы танков нельзя. А из этого обстоятельства вытекало новое решение –

переправить танки на другой берег – по дну. Как бы совершенно случайно оказалось, что мост был не простым, а находился он на дамбе и был оборудован специальными шлюзами, удерживая воду в специальном водоёме, предназначенном для отработки такого учебного вопроса, как переправа танков через водную преграду под водой по дну. Вот в течение нескольких последующих часов Александров с бойцами стал свидетелем грандиозного преодоления водной преграды шириной более ста метров с использованием разнообразной инженерной техники. Плавающие гусеничные транспортёры перевозили артиллерийские тягачи, пушки и гаубицы, а танки самостоятельно преодолевали этот водоём под водой. Где-то уже ближе к завершающему этапу переправы один из танков заглох посередине водоёма. Несколько попыток завести двигатель окончились безрезультатно, и началась операция по спасению экипажа и эвакуации танка. Отметим, что танк – это не подводная лодка. Он движется по дну и воздух для двигателя и экипажа получает по специальной воздухопитающей трубе, выходящей на поверхность и торчащей над танком. Так что местоположение танка под водой видно невооружённым взглядом. К танку, а точнее, к трубе, под которой находился заглохший танк, подплыл катер с водолазом, который спустился под воду и зацепил конец буксирного троса к танку, а второй конец катером был доставлен на берег, где его зацепили за тягач. Буквально в течение двадцати-тридцати минут танк был вытасен на берег. Все были живы и здоровы. Меры безопасности, однако...

А Эльбу шириной в сто пять метров они форсировали в прошлом году. Как только батальон, где служил Александров, на бронетранспортёрах, «волнами»

по три машины, переплыл на другой берег и захватил там плацдарм, сапёры – наши и чехословацкие, приступили к наведению паромной переправы, так называемого «моста дружбы». Советские сапёры собирали свою половину моста на одном берегу, а чехословацкие – на другом. А затем катерами обе эти половинки были соединены посередине реки. И уже через полчаса боевые машины батальона второго эшелона проследовали по мосту через реку.

Совещание закончилось. А так как на нём присутствовал командир полка и ещё несколько офицеров из управления части, то Сергей вместе со своими полковыми офицерами на штабном «Уазике» уехал на станцию, где уже началась погрузка в эшелоны.

Что такое воинский эшелон знают все. А кто и не знает, то видел его в каком-нибудь фильме про войну и может представить, что воинский эшелон состоит из платформ для техники и товарных вагонов (теплушек) для личного состава. А вот и нет! Воинский эшелон в Чехословакии состоит из платформ для техники и классных пассажирских вагонов для личного состава, потому что теплушек, в нашем понимании этого слова, в Чехословакии просто-напросто нет. Так что возвращение с учений было, как никогда, комфортным.

И только через несколько дней в офицерском кафе на территории своей части старший лейтенант Сергей Александров, собрав несколько офицеров своей роты и командования батальона, отметил день рождения, присвоение очередного воинского звания и чехословацкую воинскую награду.

Глава восьмая

Племянник героя Франции

(Июль 78-го года)

Рабочий день у командира роты старшего лейтенанта Сергея Александрова начался, как обычно, с утреннего доклада дежурного по роте о том, что во время дежурства никаких происшествий не случилось. После приёма доклада Александров прошёлся по расположению роты. Доклад – докладом, а хотя бы беглым взглядом посмотреть и убедиться, всё ли в порядке, никогда не помещает. А тут ещё песня Высоцкого прицепилась с утра и крутится в голове: «Почему всё не так? Вроде всё, как всегда: то же небо опять голубое...»

Личный состав готовился к занятиям. Кто-то что-то получал, кто-то что-то переносил, кто-то экипировался для выхода в поле. Раньше, когда Александров был молодым командиром роты, он всё делал и контролировал сам. Сейчас рота действовала, как отлаженный механизм, каждая составляющая часть которого, каждый винтик и шпунтик знали свой манёвр. Но небольшой свежий синяк на лице у рядового Афияна, прослужившего уже более года, насторожил командира роты. Давненько синяков и

подобных «шишек» у подчинённого личного состава не появлялось. Он зашёл в комнату, называемую «канцелярией», оставив дверь открытой, сел за стол и, немного подумав, крикнул в направлении двери:

– Дневальный! Вызови ко мне рядового Дагоева!

Через минуту в проёме двери показался невысокий, коренастый смуглолицый солдат, который с порога начал громко и быстро говорить:

– Это не я! Не трогал я его! Они там вечером... молодые, сами разбирались и что-то не поделили. Пока я подошёл, Афян уже успел получить от Мамедова.

– Стоп, стоп, стоп! Помедленнее... я записываю. Ты хочешь сказать, что молодой солдат рядовой Мамедов стукнул рядового Афяна, прослужившего год?

– Так точно! Афян сам виноват, сам напросился. Подумаешь, год он прослужил. Я почти два отслужил и уже давно никого не трогаю, мамой клянусь! Афян там хотел... потом... ну это... продолжения... – солдат замылся.

– Продолжения банкета? – уточнил с иронией офицер.

– Ну... да... типа... Но я их всех разогнал спать. Правда, Афяну показал...

– Кулак?

– Нет! Это... пальцем помахал. Смотри у меня и больше так не делай! – объяснил солдат, – показывая командиру, как он указательным пальцем погрозил более молодому сослуживцу.

– Хорошо, иди! Позови мне сержанта Жушке.

– Так он тут уже... около дневального стоит.

Через несколько секунд вместо рядового Дагоева перед командиром роты стоял старший сержант Жушке, недавно назначенный исполняющим обязанности командира взвода. Молодой солдат Искандер Мамедов из Азер-

байджана был распределён именно во взвод к Жушке.

– Я уже к вам шёл по этому поводу, – сказал старший сержант.

– Слушаю!

– Тут реально виноват сам Афян. Я готовился к занятиям и не успел. Пока подбежал, там уже был Дагоев.

– С Афяном понятно. Он не из твоего взвода. С ним разберусь попозже. А что Мамедов?

– Вот тут самое интересное. Он, конечно, как все кавказцы, человек горячий... и в обиду себя не даст. Да и я не позволю моих солдат обижать. Хотя, как молдаванин, я человек миролюбивый...

– Жушке, будь человеком, не заговаривай мне зубы. Говори по делу... про Мамедова. Занятия скоро!

– Так вот Мамедов ходит и всем рассказывает, что у него дядя там, в Азербайджане, ни много ни мало – герой. Его знают и Хрущёв, и Брежнев. И если что, то мало не покажется.

– У Мамедова дядя – Герой Советского Союза? – уточнил офицер.

– В том-то и всё дело, что нет! Его дядя – герой Франции.

Командир роты, поняв, что дело окончательно запутывается, отпустил Жушке, потому что начинались занятия, которые сегодня проводили командиры взводов.

А в голове у Александрова появились вопросы, с которыми предстояло спокойно разобраться:

«Как это Мамедов, с трудом говорящий по-русски, ходит и что-то там рассказывает? На каком языке он рассказывает, если в многонациональном коллективе роты командир запретил «кучковаться» землякам и разговаривать на своих языках. Все должны говорить по-русски, потому что, если что случится, то воевать все будут вместе, выполняя команды, поданные по-русски. И учиться

русскому языку все, в первую очередь, те, у кого с ним проблемы, должны в ходе повседневного общения, а также на занятиях по боевой и политической подготовке. Да и если родной дядя у этого Мамедова – герой Франции, и его знают и бывший руководитель страны и партии, и нынешний, то с этим тоже надо разбираться».

Александров вспомнил свою первую беседу с солдатом, прибывшим служить в Чехословакию в его роту из далёкого азербайджанского села, чтобы здесь защищать свою Родину. Сергей показал ему ложку и спросил, что это такое?

– Лёшка, – сказал Мамедов.

Тогда командир роты показал ему газету.

– А это что?

– Не знаю, как это по-русски, – ответил солдат.

Так что надо будет подробно обо всём расспросить самого Мамедова, учитывая его временные трудности в изъяснении на русском языке.

Не откладывая дело в долгий ящик, после обеда в канцелярии роты сидели Искандер Мамедов и его земляк Фархад Алихверов с первого взвода. Алихверов, прослуживший полтора года, был вызван на всякий случай, если возникнут трудности в разговоре командира с молодым солдатом.

Как оказалось, присутствие Алихверова было не лишним, потому что не только Александрову пришлось отдельные моменты переспрашивать у Мамедова на русском языке, но и Алихверову – переспрашивать на своём родном – азербайджанском, добиваясь ясности и понимания общего смысла и деталей, объясняя всё командиру роты.

Итак, общими усилиями было выяснено, что Мамедов призван в армию из села Охуд Шекинского района, расположенного на севере Азербайджана. С родителями

он живёт на краю села. А в самом крайнем доме рядом с ними живёт их родственник, которого зовут Ахмедия Джеббраилов, работающий в селе агрономом. Мамедов так и не смог толком объяснить степень их родства, но, как объяснил командиру Алихверов, вероятней всего, это родство по материнской линии. И вообще, в Азербайджане каждый пятый или шестой житель носит фамилию Мамедов. У агронома есть два сына, Микаил и Джеваншир, с которыми Мамедов дружил, играл, бывал в их доме. Как-то раз увидел в доме несколько боевых наград и стал расспрашивать про войну. Узнал, что дядя-агроном воевал, был ранен и попал в немецкий плен. Оказался в лагере во Франции, откуда сбежал и стал французским партизаном. И награды эти – французские.

– Более-менее становится понятно, – прервал рассказ подчинённого командир роты. – Твой дядя воевал с немцами во Франции, а мой дед воевал с ними здесь в Чехословакии. Такое бывает. Продолжай!

Однажды вечером десять лет тому назад к дому дяди подъехало несколько правительственных автомобилей и какие-то люди в дорогих костюмах сказали, что Джеббраилова вызывают в Москву к товарищу Брежневу. Агроном им ответил, что он занят и не может поехать. Тогда они уточнили, что, мол, этот вызов в Москву связан с тем, что туда прилетает из Франции какой-то важный генерал, и это он хочет там увидеться с Джеббраиловым. Как генерала зовут Мамедов, конечно же, не запомнил. Но, сказали, что очень важный...

– Ну, важных французских генералов, которых мы знаем, не так уж и много, всего два, – сказал Александров. – Это Бонапарт Наполеон и Шарль де Голль. Первый вряд ли мог десять лет тому назад прилететь в Москву, потому что, когда он правил во Франции, то самолётов ещё не было. Он в Москву своим ходом добирался.

А вот второй – президент Франции генерал де Голль вполне мог посетить Москву. И что было дальше?

А дальше, по словам Мамедова, его дядя попросил этих людей поклясться своими детьми, что они его не обманывают, и, что, действительно, этот важный француз хочет с ним встретиться. Они поклялись, и дядя уехал с ними.

Конечно, все родственники переживали, что, да как... Но в семье у Мамедова переживали не очень. Слишком странным был этот дядя Ахмедия. Мама говорила, что ещё раньше ему из Франции пришёл перевод на сто тысяч рублей, но не наших сто тысяч, а то ли американских, то ли французских. Что случилось с этими деньгами не ясно, то ли он от них отказался, то ли куда-то перечислил. Непонятно. Если бы взял себе, то дом бы подремонтировал, купил бы что-нибудь. А так – всё осталось по-прежнему.

Вернулся дядя Ахмедия из Москвы примерно через неделю. Сам вернулся, уже не на правительственном автомобиле, на котором уезжал. По случаю его возвращения собрались родственники, что-то он там им рассказывал. Детей не приглашали. Но позже у матери Мамедов выпытал кое-какие подробности.

В Москве Джебраилова сначала повезли в самый большой магазин около Кремля, где переодели в костюм, дали несколько рубашек, галстуков, пальто, туфли, трусы с майками и даже...

– ...Этот... как его? Для дождя... от дождя, – пытался объяснить Мамедов.

– Плащ-палатку? – спросил земляка удивлённый Алихверов.

Командир роты рассмеялся:

– Да зонтик ему в ГУМе, наверное, дали!

Так и оказалось. Всё дали – и даже зонтик. Потом,

действительно, отвезли к товарищу Брежневу, который сначала немного порасспрашивал Джебраилова: что, да как? И уже точно сказал тому, что завтра прилетает президент Франции, и Джебраилова тоже отвезут на аэродром. Наверное, они ещё там о чём-то поговорили, и дядю отвезли в гостиницу.

И вот прилетел самолёт. Французский президент спустился по трапу, обнял сначала товарища Брежнева, а потом долго обнимал Джебраилова со словами:

– Мишель Армад, как я рад нашей встрече!

Оказалось, что дядю, которого все дома знали, как Ахмедия Джебраилова, президент Франции знал, как Мишеля Армада. И его племянник Искандер Мамедов до сих пор считает, что это связано с неточным переводом имени дяди с азербайджанского языка на французский.

– Мой дядя, как я потом узнал, владеет и немецким языком, и французским, не говоря уже о русском. Меня же в школе учили немецкому языку, и, чтобы не получить двойку, я бегал к дяде, который мне чуть-чуть помогал, – примерно такой смысл вложил Мамедов в свои рассуждения по этому поводу на ломаном русском языке.

– Мамедов, ты лучше бы к дяде бегал почаще, чтобы нормально русский язык выучить, – сказал подчинённому командир роты. – Вас, молодых, скоро уже надо будет в караул ставить. А часовой должен здесь, в Чехословакии, не только команды на русском языке знать и подавать, но и на чешском. А ты и на русском-то... пока... не очень. Рассказывай, что было дальше!

А дальше Шарль де Голль увёз Джебраилова, то есть – Мишеля Армада, с собой в отведённую для высокого французского гостя резиденцию. Там они гуляли, разговаривали, выпивали. А потом они попрощались, и дядя вернулся домой... в село.

– И куда же он дома, в твоём селе, эти московские

костюмы одевал? – тут же поинтересовался у земляка Алихверов.

– Никуда. Он всю одежду вместе с этим... зонтиком оставил в Москве, в гостинице, где жил, – ответил Мамедов. – Зачем она ему в селе?

Но на этом история про дядю не закончилась. Через несколько дней после возвращения дяди из Москвы к его дому опять подъехало несколько автомобилей. На этот раз к нему приехал министр обороны Франции, тоже хороший друг дяди по тем временам, когда они вместе воевали во Франции против немцев. Тогда этот министр был подчинённым у дяди. А сейчас он привёз дяде письмо от президента Франции (Мамедов лично видел это письмо) с приглашением посетить Францию в любое время на любой срок за счёт французского правительства. Кроме того, этот военный руководитель привёз дяде самый высший орден Франции – Военный крест. Этот орден, оказывается, отобрали у дяди раньше, ещё когда он после войны из Франции вернулся домой. А сейчас эту награду, которую, к слову сказать, в Советском Союзе имели всего два человека – маршал Жуков и Ахмедия Джеббраилов, вернули её законному владельцу.

В конце разговора Александров поинтересовался, что знает Мамедов о том, чем занимался во Франции его дядя, когда воевал с фашистами? Воевали многие, а высшие награды получали не все.

Мамедов ответил, что дядя особо про свою жизнь и войну во Франции не рассказывал. Буквально уже перед призывом в армию Мамедов узнал от его сыновей о нескольких эпизодах боевой деятельности их отца во Франции. После побега из концлагеря, он, попав в партизанский отряд, подорвал немецкий эшелон с оружием и боеприпасами, потом он с группой партизан освободил детей, которых немцы в эшелоне вывозили в Германию.

Знание немецкого языка помогало ему совершать различные диверсии под видом немецкого офицера. Так однажды ему удалось организовать массовый побег военнопленных из лагеря. В конце войны партизаны настолько окрепли во Франции, что даже целые города освобождали от фашистов. Естественно, что дядя Ахмедия был лично знаком с генералом де Голлем. Войну он закончил национальным героем Франции. А после войны решил вернуться домой. Вот и всё.

– Видишь, Мамедов, какой у тебя героический дядя. С него надо пример брать. А ты что? Твой дядя фашистов бил, а ты Афяна стукнул.

– Виноват! – опустил голову Мамедов. – Но он зачем?.. Что он полез?..

– Это я с ним должен разбираться, и я разберусь, зачем и куда он полез. А ударил его ты. Получается – ты виноват!

– Теперь что? Гауптвахта? – спросил Мамедов.

Алихверов от этого вопроса, адресованного командиру, улыбнулся. Он-то знал, что в их подразделении отношение командира роты к такому виду наказания, как арест с содержанием на гауптвахте, было специфическим. Это слишком просто – отправить провинившегося солдата на гауптвахту с надеждой, что она перевоспитает солдата, и он оттуда вернётся спокойным, тихим, дисциплинированным. Наоборот, его там научат, как обходить всякие запреты, законы и требования и, нарушая дисциплину, не попадаться. За полтора года, сколько Алихверов служит в подразделении, ещё ни одного солдата лично командир роты на гауптвахту не посадил. И вряд ли он отправит туда этого молодого земляка. И вообще, Алихверов знал, что самое страшное наказание в их роте – это беседа с глазу на глаз с командиром роты. Сам Алихверов старался ни в какие истории не впутываться, и

такой беседы с ротным командиром ему пока удавалось избегать. Но он видел, как недавно после одной такой беседы с командиром роты старослужащий солдат Ошуев вышел из канцелярии со слезами на глазах. А заставить Ошуева плакать до сих пор не удавалось никому, да и вряд ли удастся в будущем. Умел их командир найти такие слова, так залезть в душу подчинённому, поковыряться, перевернуть там всё вверх дном, что попадаться после этого ему на глаза провинившемуся солдату не хотелось ещё очень долго. Правда, Алихверов не мог понять, зачем в таком случае нужен замполит в роте? Нет, конечно, стенгазету выпускать и «Боевые листки» тоже кому-то надо, но воспитывал солдат и сержантов в их роте – лично командир роты.

– Это хорошо, что ты такое сложное слово, как гауптвахта, знаешь, – похвалил молодого солдата офицер. – Позорить гауптвахтой тебя, а в твоём лице – твоего дядюгероя, мы, конечно, пока не будем. Но смотри! Ты же понимаешь, что вернуться домой из армии ты должен героем, как твой дядя. Чтобы все девушки в селе знали, что из армии вернулся настоящий парень, джигит Искандер.

– Командир, мамой клянусь, – сказал Мамедов, – что так и будет!

– Вот и славно! – подвёл итог своему разговору с подчинённым командир роты. – Свободны оба!

Солдаты вышли из канцелярии, а в голову старшего лейтенанта Сергея Александрова опять вернулась песня:

«Почему всё не так? Вроде всё, как всегда: то же небо опять голубое...»

Глава девятая

О стрельбе

(Август 79-го года)

Стрельба – это дело, в основном, военных, чуть-чуть – спортсменов и немного – охотников. Своё знакомство с ней Сергей начал в начальные школьные годы с охотничьей составляющей, так как его отец был охотником-любителем. Сыновей с собой на охоту он не брал, мол, не детское это дело, а сам в охотничий сезон регулярно по воскресеньям уходил рано утром из дома, возвращаясь вечером, и почти всегда что-нибудь приносил: редко куропаток или уток, а чаще всего зайцев, о чём свидетельствовали заячьи шкурки, висящие в кладовке. Ни в какие тёплые вещи, типа шапок, рукавиц или меховых безрукавок они так и не превращались, продолжая занимать угол кладовки, а вот вкус котлет из зайчатины Сергей запомнил, наверное, на всю жизнь. Это было основное блюдо, которое мама готовила из охотничьих трофеев.

Единственное, что Сергею позволялось, это наблюдать, как отец готовится к охоте. Это были почти магические действия, которые состояли не в выборе сапог или куртки, в которых отцу предстояло идти на охоту. Главным делом была подготовка боеприпасов для охотничьего ружья, потому что в магазине готовые патроны не продавались, их охотники изготавливали сами. Отец из горо-

да привозил порох, дробь, пистоны, пыжи и картонные гильзы – вот из этого всего он и готовил боеприпасы. Из специальных приспособлений у него были также: аптечные весы для того, чтобы отмерять порции пороха и дроби для каждого патрона; короткая палка с набалдашником для вставления пыжей в гильзы; металлическое устройство, похожее на давилку чеснока, с помощью которого отец вставлял и зажимал в донце гильзы пистоны, и шутовина с вращающейся рукояткой, куда отец вставлял почти готовые патроны, чтобы выровнять и закруглить края каждой гильзы. Последнюю операцию отец называл «вальцеванием». Да, чтобы влага не попадала внутрь готового патрона, отец на заключительной стадии подготовки капал в гильзу воск из горящей свечи.

Кстати, Сергей, когда вырос, охотником так и не стал, охоту не полюбил, потому что так и не понял, в чём смысл брожения по полям и лесам и убийства ни в чём не повинных лесных обитателей.

Что касается спортивной стрельбы, то с ней Сергей соприкоснулся уже в старших классах. Но первый блин оказался комом. Первая стрельба из мелкокалиберной винтовки в тире показала, что стрелять метко – это не совсем просто. Сергей ни одного очка не выбил. Мушку видел, мишень видел, нажимал на спусковой крючок плавно... В результате – никуда не попал.

Когда к решению этой проблемы подключился отец, то оказалось, что Сергей целится неправильно... не тем глазом. А правый глаз, которым надо целится при закрытом левом, самостоятельно не открывается. По совету отца Сергей начал тренировать этот глаз. Он ежедневно по два раза в день, утром и вечером, занимался открыванием и закрыванием своих глаз, чтобы «научить» правый глаз открываться, а левый закрываться, независимо друг от друга. Сначала левый глаз такие, простые, на первый

взгляд, свои функции выполнял только с помощью пальцев, через неделю он уже самостоятельно начал чуть приоткрываться, а через две недели Сергей продемонстрировал отцу, что проблема с прицеливанием разрешена.

Через месяц в школе опять организовали стрельбу для восьмиклассников, и Сергей спокойно выбил 26 очков, попав в «десятку», «девятку» и «семёрку». Это было второе место, так как его одноклассник Лёнька Гнатюк выбил 27 очков, три раза попав в «девятку».

С боевой же стрельбой Сергей познакомился раньше не только своих сверстников, но и всех парней, которым рано было ещё призываться в армию. Через неделю, после того, как ему исполнилось 15 лет, ему вручили настоящий автомат Калашникова, вывезли на настоящее войсковое стрельбище, где выдали три боевых патрона для выполнения начального упражнения по стрельбе. Всё это происходило на первом курсе Суворовского военного училища, куда Сергей поступил с чистой совестью, так как он научился правильно прицеливаться и мог в дальнейшем связать свою жизнь с армией. Это упражнение из автомата суворовец Александров выполнил на оценку «отлично».

Но на всякий случай, чтобы закрепить свои навыки в стрельбе, Сергей тут же записался в спортивную секцию по стрельбе из пистолета. Тренером был майор Глухенький Александр Климентьевич, мастер спорта по стрельбе, член сборной команды Вооружённых сил, заслуженный тренер по стрельбе, участник парада Победы в июне 1945 года, а по совместительству офицер-воспитатель Калининского суворовского военного училища.

Стрелковый тир располагался на училищном спорт-городке и позволял стрелять из пистолета, как на дистанции двадцать пять метров, так и на все пятьдесят. На тренировках они изучили спортивные пистолеты, стре-

ляющие малокалиберными патронами: пистолет Марголина – для стрельбы на 25 метров и матчевый пистолет – для стрельбы на 50 метров.

И если пистолет Марголина был удобным и, вообще, похожим на «нормальные» пистолеты, которыми стреляли почти все киногерои, то матчевый – это было что-то с чем-то. Он абсолютно не был похож на другие пистолеты, так как он, в общем, не был похож ни на какое оружие. Это было странное стреляющее устройство, у которого на месте рукоятки находился огромный набалдашник с узкой щелью посередине, куда и надо было протискивать кисть руки. То есть, выражение «взять пистолет в руки» в данном случае не подходило, так как это сам пистолет брал внутрь себя кисть руки и, обхватив её со всех сторон, просто повисал на ней. И когда стрелок поднимал руку, то вместе с ней поднимался и пистолет. Был ещё один «прикол», отличающий этот пистолет от других. Он заключался в том, что выстрел раздавался при усилии на спусковой крючок равном двум граммам. На спусковой крючок не надо было нажимать. Просто, как только мозг давал команду «Огонь!», и палец чуть-чуть вздрагивал, – случался выстрел. Так было задумано конструкторами из-за большой для пистолета дальности стрельбы, когда любое усилие, действующее на пистолет, так смещало ствол и, соответственно, полёт пули, что попасть в мишень было не просто трудно, а ужасно трудно.

Через год регулярных занятий, когда результаты стали приближаться к разрядным нормативам, Сергея и его одноклассника Виктора, тренер вывез на областные соревнования по стрельбе. Стреляли сначала упражнение на 50 метров, а затем – на 25.

Сергей отметил для себя, что обстановка, а точнее, состояние у стреляющего человека на соревнованиях совсем не такое, как на тренировках. Оказалось, что стрель-

ба – это не столько борьба с соперниками, погодными условиями, освещением и мушкой, сколько – борьба с самим собой. Довольно сильное нервное напряжение сковывало мышцы, вызывало абсолютно ненужную дрожь в руках, от которой мушка буквально металась в прорези прицельной планки. Тренер сказал, что такое состояние называется «мандраж» и надо заставить себя успокоиться. Надо думать, только о ровной мушке и стрелять, как на тренировках.

После пристрелочных выстрелов, результаты которых были просто ужасными, Сергей попытался успокоиться, так как отступать было некуда, и это ему почти удалось. Неожиданно для тренера, впрочем, как и для самого Сергея, он, хотя и показал довольно посредственный результат, но из матчевого пистолета обстрелял всех участников и занял первое место, став таким образом чемпионом Калининской области по стрельбе.

А вот в упражнении при стрельбе на 25 метров чемпионом стала какая-то девушка, обстреляв на очко Виктора и на три очка Сергея.

По результатам соревнований всем призёрам вручили соответствующие значки, похожие на маленькие медали: Виктору – один значок с надписью «2-е место», а Сергею – два значка с соответствующими надписями за первое и третье места.

На тренировках в училищном тире они отрабатывали ещё одно интересное упражнение на дальности 25 метров. Это была скоростная стрельба на время, когда по пяти появляющимся мишеням необходимо было выстрелить серию из пяти патронов вначале за 8 секунд, затем – за 6, а в конце – за 4 секунды. Пять выстрелов за 4 секунды по пяти разным мишеням! Называлась такая стрельба «олимпийка», наверное, потому что это упражнение было включено в программу Олимпийских игр.

На одной из тренировок майор Глухенький рассказал своим подопечным историю, случившуюся именно на Олимпиаде с одним из советских стрелков, претендовавшим на медаль. Случилось это как раз при выполнении упражнения по скоростной стрельбе. Всё шло хорошо, наш парень попал в финал и спокойно зарабатывал себе призовые очки, практически обеспечив себе одну из олимпийских медалей. Осталось отстрелять последнюю, самую трудную четырёхсекундную серию, и – медаль в кармане, то есть на груди у спортсмена и в «копилке» сборной команды СССР.

Наш стрелок вышел на линию открытия огня, изготовился, и, как только показались мишени, спокойно, методично, как на тренировке, отстрелял серию, точно уложившись в положенные четыре секунды. Осталось дождаться результата, и можно праздновать.

А результат определялся следующим образом. Спортсменов к мишеням не допускали. После каждой серии туда выходили судьи, которые проходя вдоль мишеней, останавливались у каждой, поворачивались лицом к стрелявшим и, показывая указкой место попадания, громко объявляли очки. После этого каждое отверстие заклеивалось специальными круглыми бумажками. И спортсмен следующую серию стрелял по этим же мишеням. Осталось добавить немаловажное обстоятельство, что стрельба проводилась не в закрытом тире, а на открытом стрельбище.

И вот судья подошёл к мишеням, по которым отстрелял советский спортсмен, и начал объявлять результат: «Десять, девять, десять... ноль, девять!»

Спортсмен, тренеры, руководители советской делегации – в шоке! Как ноль? Это означает, что из результата выпадает десять или девять очков, и ни о какой медали уже речи нет. В лучшем случае, пятое или шестое место.

Тренер смотрит на спортсмена, мол, что случилось? Спортсмен показывает ему жестаи, как может, что такого быть не должно, он не сорвал выстрел и уверен, что пуля попала в мишень. Пусть не в «десятку» или «девятку», но, в крайнем случае, «восемь», даже, на самый худой конец, «семь» должно быть обязательно.

Наши руководители тут же делают официальное заявление и просят разрешить осмотреть мишень одному из членов советской делегации. Судьи это разрешают.

И вот наш человек подходит к мишени, тщательно её осматривает, но отверстия от пули, какого-либо следа от неё не находит. Вблизи хорошо видны наклейки на отверстия от предыдущих выстрелов. Их было больше в районе «десятки», меньше в районе «девятки». А свежего следа нет. Видно, действительно, сплеховал наш стрелок, не смог совладать с нервами в предвкушении получения медали, или наоборот, расслабился. Согласившись в душе с потерей такой близкой и реальной олимпийской медали, проверяющий выпрямился и, уже отворачиваясь от мишени, бросил на неё грустный прощальный взгляд. И вдруг он, почувствовав, что откуда-то потянуло сквозным ветерком, увидел, как одна из наклеек в районе «десятки» под воздействием этого ветерка приподняла один, плохо приклеенный край, а под ним взгляду открылись... два отверстия.

Видно, в тот самый момент, когда к мишени подлетала пуля, такой же ветерок и приподнял край наклейки, куда пуля и юркнула. Все говорят, мол, пуля-дура, а она, решив, что вдвоём-то веселей, примостилась рядом с подругой. Ветерок затих, и наклейка закрыла двух соседок от назойливых глаз.

Немедленно сюда был вызван главный судья соревнования, который констатировал, что результат надо пересчитать, так как в этой мишени предпоследний выстрел

попал в «десятку». Ну а олимпийская медаль, соответственно, попала в руки стрелку из Советского Союза.

Кстати, возможно, что именно после этого случая на официальных соревнованиях по стрельбе, чемпионатах мира или Олимпийских играх, отверстия от пуль перестали заклеивать, а после каждой серии выстрелов просто стали менять мишени на новые.

После того, как тренер рассказал об этом случае своим подопечным, Сергей сказал ему:

– Александр Климентьевич, я никак не мог понять, почему девиз Олимпийских игр: «Быстрее, выше, сильнее!» не касается стрельбы, так как в нём ничего не говорится о меткости. Теперь понял. Призыв «быстрее» касается именно скоростной стрельбы, когда каждую новую серию надо стрелять быстрее предыдущей.

К сожалению, соревнований, где бы стреляли «олимпийку», было мало. Сергей так ни разу в таких соревнованиях не поучаствовал, как больше и не стрелял из матчевого пистолета. В Ленинграде, так тогда назывался сегодняшний Санкт-Петербург, состоялась Спартакиада суворовских училищ, но так как стрельбы на 50 метров там не было, то туда поехал только один Виктор, потому что в ходе всяких «прикидок» и контрольных стрельб на 25-ти метровой дистанции он на два-три очка почти всегда обходил Сергея. Но вернулся Виктор со Спартакиады без медалей.

Однажды зимой на последнем курсе суворовского училища, когда они собирались на тренировку, тренер, передав им ключи от тира и пистолеты, предупредил, что он немного задержится, поэтому тренировку они должны начинать без него. Сергей и Виктор уже готовились стрелять, когда услышали смех за стенами тира. Выглянув, они увидели двух девчонок с лыжами в руках, которые то ли сбежали с урока физкультуры, то ли

возвращались после уроков домой. Недолго думая парни пригласили девчонок в тир, пообещав, дать пострелять. Пока Сергей объяснял одной из девчонок, как надо стрелять, Виктор зарядил свой пистолет и передал его второй девчонке.

– А как надо стрелять? – спросила она у Виктора, поворачиваясь к нему всем телом, включая и руку с заряженным пистолетом. Она ещё не закончила свой вопрос, когда раздался выстрел. Её палец, пока она поворачивалась, оказывается, нажимал на спусковой крючок.

Сергей в два прыжка оказался между Виктором и его обучаемой, забрал у неё пистолет и посмотрел на побледневшего Виктора, который, в свою очередь, смотрел на след от пули на столбе в десяти сантиметрах от себя.

– Девушки, уходим, тренер идёт, – быстро сказал Сергей, выпроваживая девчонок из тира.

– Так ты понял, почему я люблю мягкий спуск? – тихо спросил Сергея в наступившей тишине Виктор, пришедший в себя.

До Сергея дошло, что если бы в руках у этой девчонки был не пистолет Виктора с мягким спуском, а его пистолет, то выстрел, вероятней всего, раздался бы чуть позже, в аккурат тогда, когда она повернула бы руку с пистолетом до головы Виктора.

– Как бы то ни было, но ты смело можешь всю оставшуюся жизнь отмечать сегодняшнее число, как второй день твоего рождения, – ответил Сергей. – Отец меня учил, что даже незаряженное оружие нельзя направлять на человека. Будет нам наука!

С окончанием суворовского училища закончилась и стрельба из спортивных пистолетов, потому что в жизни курсанта Сергея Александрова появилась стрельба практически из всех видов стрелкового оружия: пистолета «ПМ», пистолета Стечкина, автомата, пулемёта,

гранатомёта, вооружения БТР и БМП. Будущий офицер-мотострелок должен в совершенстве владеть всем, что стоит на вооружении мотострелковых войск.

А потом была служба в Центральной группе войск, где молодой офицер учил стрелять своих подчинённых солдат и сержантов. Учил он их хорошо, потому что уже через полтора года его назначили на должность командира роты.

А ещё через два года старшего лейтенанта Александра неожиданно вызвали в штаб полка на совещание. Когда он в штабе поднимался по лестнице на второй этаж, где размещался кабинет командира полка, ему навстречу попала группа офицеров со штаба дивизии, которая, видно, решив все вопросы, покидала это совещание. Первым шёл начальник политотдела дивизии полковник Головашкин. Он остановился около Александра, который, приложив руку к головному убору, пропускал офицеров вышестоящего штаба, пожал командиру роты руку и сказал:

– Поздравляю! Я уверен, что с этой почётной миссией ты справишься успешно!

– Так точно! – по-военному отреагировал Сергей, усилив уверенность полковника, хотя ничего хорошего слова начальника политотдела не сулили. Вероятно, пришла очередь сдавать какую-нибудь очередную проверку. А дежурное подразделение в полку для таких проверок, конечно же, рота Александра.

Но всё оказалось не совсем так, а, точнее, совсем не так, как придумал себе Сергей. Просто в рамках взаимодействия и боевого содружества стран Варшавского Договора решили, с целью повышения, усиления, и сплочения, а также воспитания в духе... произвести обмен подразделениями. Роте Александра предстояло передислоцироваться на две недели в полк Чехословацкой народ-

ной армии, а роте чехов предстояло это же время провести в мотострелковом полку Советской армии.

Вопросы, появившиеся в голове у командира роты, тут же были оперативно решены. Так как в роте не было командира третьего взвода, офицера, чьи обязанности исполнял сержант, то на эту должность прикомандировали старшего лейтенанта Миронова из разведроты, а также нескольких солдат взамен больных и имевших различные освобождения по состоянию здоровья. В числе прикомандированных оказался один солдат, умеющий показывать фокусы (а вдруг там какую-то культурную программу надо будет показать!), один – играющий на барабанах (а вдруг там что-то надо будет сыграть), а ещё один – просто здоровый парень (а вдруг там будут соревнования с чехами, например, по перетягиванию каната!). Зная о том, что боевая подготовка в командировке будет идти полным ходом, включая стрельбу и вождение, эту тройку Александров поставил в штат третьего взвода на должности стрелков-гранатомётчиков.

А ещё Сергей узнал, что с ними к чехам поедет и пропагандист майор Шинин Владимир Виленович. Он, по словам замполита полка, мешать Александрову не будет, вмешиваться в его решения по управлению ротой тоже не будет. Ему определены другие задачи, в основном связанные с урегулированием всех вопросов по информационному и партийно-политическому обеспечению данной командировки.

Время, отпущенное на подготовку к командировке, прошло быстро, причем, как и сам переезд и размещение в казарме стрелкового полка Чехословацкой народной армии.

С понедельника начались занятия. В первый час, запланированный как строевая подготовка, на плацу части был проведён совместный митинг, на котором командир

роты старший лейтенант Александров познакомился с командованием чехословацкого полка. Оказывается, полком управляли два капитана, получившие высшее военное образование в Москве: командир полка капитан Антушак – выпускник Военной академии имени Фрунзе и замполит полка капитан Матеик – выпускник Военно-политической академии имени Ленина. Остальные офицеры полка военное образование получили в Чехословакии.

Пока замполит с трибуны приветствовал дорогих гостей, командир полка успел Александрову рассказать историю, как в Москве около академии он зашёл в хлебный магазин и попросил у продавщицы «черствый» хлеб. А потом никак не мог понять, почему она вручила ему такой сухой и жёсткий батон, хотя он нормальным русским языком попросил у неё свежего хлеба. Позже он всё-таки разобрался, что продавщица не виновата в том, что чешское слово, которое обозначает определение «свежий», по-чешски произносится: «черстви». Она же не знала чешский язык, как и Антушак не совсем ещё владел русским языком.

Прошло несколько дней, плотно заполненных подготовкой к занятиям, их проведением, да и привыканием к определённым особенностям службы, в том числе и к питанию военнослужащих пусть и дружественного, но иностранного государства.

После возвращения с занятий по вождению, где водители и офицеры водили чехословацкие бронетранспортёры «ОТ-64», к Александрову подошёл старшина роты старший прапорщик Гошев и доложил, что он познакомился и даже можно сказать, подружился с местным прапорщиком по имени Милош, который помог ему в разрешении некоторых хозяйственных проблем. Милош периодически занимается, то есть, стреляет в тире на территории полка. И он предлагает офицерам из роты Алек-

сандрова пострелять в тире. Но не просто пострелять, а провести соревнование по стрельбе из пистолета.

– От нас три человека, и от них три, – завершил свой доклад старшина.

– Геннадий Васильевич, даже допустив, что мы в нашем плотном графике найдём время для таких соревнований, где мы возьмём трёх человек, способных достойно отстрелять из пистолета? Олимпийский лозунг: «Главное не победа, а участие!» нам не подходит, потому что никто из чехов, в случае нашего проигрыша, не скажет, что какой-то Иванов или Петров проиграли. Они скажут, что русские проиграли чехам. Помнишь, что в городке бывает, когда наши с чехами играют в хоккей?

Старшина кивнул, потому что хорошо знал, какая напряжённая ситуация возникала во время проведения чемпионатов мира или Европы по хоккею, когда встречались сборные СССР и ЧССР. Прошлой зимой, когда на предварительном этапе советская команда проиграла чешской, то счёт игры «3:1» в пользу чехов был вывешен почти в каждом окне местных жителей, проживающих в домах около расположения их полка. А когда в финале наши обыграли чехов и получили золотые медали, то победный счёт «4:2», написанный чёрной краской старшекласниками нашей школы метровыми цифрами, появился на стеклянных стенах местного супермаркета. Магазин полдня не работал, пока его работники не отмыли эту надпись.

Но старшина не сдавался.

– Нам не надо искать трёх человек в команду, так как двое уже есть. Это я и вы! – и, видя, как брови командира роты поползли вверх, старшина быстро добавил. – Как сказал Милош, одним из условий этих соревнований будет его и, соответственно, моё участие в командах. И без вас, понятное дело, мы стрелять не будем.

Сергей взялся за голову:

– Час от часу не легче! Ты когда и, главное, как последний раз стрелял из пистолета? А этот твой друг, как ты говоришь, каждый день в тире тренируется?

– Ну в мишень-то я попаду.

– В мишень да! Но результат будут по количеству очков определять, а не по количеству мишеней. И взводные наши командиры из пистолета стреляют не очень. А чехи, я думаю, не только из полка стрелков возьмут. Они же и в городе их поищут, если не по всей Чехословакии!

– Нет! – возразил Гошев, – Милош сказал, что только военные будут в команде.

– Так, будем решать проблемы по мере их поступления, – подытожил всё сказанное Сергей. – После обеда офицеры уезжают на экскурсию на авиационный завод. В роте остаёшься старшим ты. Главное, подготовка к завтрашней практической стрельбе на чешском войсковом стрельбище. Немедленно вызови мне Мингазиева со второго взвода. А что касается предложения Милоша, то пока выждем паузу. Скажи ему, что мы как бы не против, но ищем время, когда это можно будет сделать. А жизнь покажет, найдём мы такое время или нет. Последнюю фразу Милошу не передавай. Жду Мингазиева.

Буквально через несколько минут стрелок-гранатомётчик второго взвода рядовой Азамат Мингазиев, узбек по национальности, стоял перед командиром роты навытяжку.

Полтора года назад он с партией молодого пополнения прибыл в роту к Александрову. Есть такие люди, на которых, как говорится, «без слёз смотреть невозможно». Таким и был молодой солдат из Узбекистана Азамат Мингазиев. Смуглолицый, низкорослый, неуклюжий, плохо говорящий по-русски и так же плохо понимающий, что от него хотят все эти люди в армии. Был он

весь какой-то неприкаянный... То ли это была защитная реакция организма на смену обстановки, то ли ещё что? Но помучиться с ним пришлось основательно. И главное, он не поддавался никакому обучению в стрельбе. Из всех видов оружия, стоящих на вооружении роты, проще всего было стрелять из гранатомёта, так как он имел оптический прицел, а попасть надо было в огромную мишень размером два метра на полтора, обозначающую танк. Но Мингазиев за год так ни разу в мишень танка не попал.

В каждом человеке существует два врождённых страха – это боязнь падения и боязнь громкого звука. И столкновение с одним из этих раздражителей вызывает у человека естественную непроизвольную реакцию. Задача при обучении стрельбе состоит в том, чтобы свести её к минимуму. Стреляющий должен меньше всего думать о звуке выстрела, а уметь сосредоточиться на прицельной картинке и плавно выжимать спусковой крючок, чтобы выстрел случился как бы неожиданно. Мингазиев же в ожидании звука выстрела готов был быстро нажать на спуск, чтобы потом немедленно бросить оружие на землю и убежать куда-ни-будь, где можно спрятаться. Убегать ему, конечно, не удавалось, но и попасть в мишень – тоже.

Так прошёл год. Старослужащие солдаты уволились, в роту пришло очередное молодое пополнение. Мингазиев, став старослужащим, на первой же стрельбе в начале нового учебного года все три гранаты, которые у гранатомёта называются «выстрелы», положил в центр мишени. С этого момента независимо от того, стреляли днём или ночью, в дождевую погоду или в снегопад, всё, что выстреливал Мингазиев, неизменно попадало в мишень.

– Азамат, – обратился командир роты к подчинённому, – а ты знаешь, что в третьем взводе появился твой

земляк, умеющий показывать разные фокусы?

– Так точно! Он сегодня на завтрак жевал лезвия от безопасной бритвы. Хрустел сильно!

– А ты знаешь, что он находится на должности стрелка-гранатомётчика, а завтра у нас важная стрельба? А твой земляк ни разу в жизни из гранатомёта не стрелял...

– Понял! – сказал Мингазиев после небольшой паузы. – Фокусник завтра хорошо отстреляет. Но он мне нужен сегодня хотя бы на час.

– Нет, товарищ Мингазиев, научить одного фокусника стрелять из гранатомёта – это почти каждый может. Твоя задача – за два часа научить стрелять всех новых гранатомётчиков третьего взвода. После обеда подойди к старшине, передай ему содержание нашего разговора, и пусть он выдаст тебе командирский ящик. Ты, надеюсь, ещё не забыл, как им пользоваться?

Офицер имел в виду комплект всяких устройств и приспособлений, предназначенный для обучения стрельбе из стрелкового оружия и гранатомётов без расхода боеприпасов. Размещался он в командирском ящике, официально именуемым «КЯ-73».

– Он мне после армии ещё долго будет сниться, – сказал Мингазиев.

– Вопросы есть?

Мингазиев немного подумал, поколебался, но всё-таки спросил:

– А если эти... другие... окажутся... ну тупыми и не поймут меня?

– Значит, в своём земляке ты не сомневаешься? Тогда не сомневайся, что, если все они отстреляют плохо, то ты попадёшь...

Мингазиев не стал ожидать, пока командир уточнит, где именно окажется он, и практически прервав команди-

ра роты, начал быстро говорить:

– Я знаю, что будет. Вас повысят и назначат командиром батальона, а я досрочно поеду на дембель! Я плохо в школе учил русский, но хорошо математика. Рота может получить пять-шесть «двоек», но общая оценка всё равно будет «хорошо» или «отлично». Процент, однако! А наша рота всегда стреляет на «хорошо». Завтра тоже всё будет хорошо, и гранатомётчики не подведут!

Александров покачал головой:

– Ох, ты и болтун!

– Никак нет! Я рядовой Мингазиев! Разрешите идти!

– Свободен!

После обеда, как и было запланировано, офицеров роты посадили в автобус, конечно же, чешского производства, который отвёз их в небольшой город Куновице на завод, производящий самолёты Let L-410. В ходе экскурсии им рассказали, что завод был создан в далёком 1936 году, показали, как собирают лёгкие двухмоторные самолёты, и как эти самолёты выглядят после сборки, а также уточнили, что такие самолёты поставляются во многие страны, включая и Советский Союз.

Потом офицеров повели в кабинет директора завода. Пока они туда шли, Сергей размышлял о том, что, если завод существует с довоенных времён, то получается, что в период Второй мировой войны после оккупации Чехословакии Германией он обязательно должен был выпускать оружие для германской армии. А когда они поднялись в большую приёмную около кабинета директора, то Сергей заметил в углу стенд с образцами оружия, среди которых он и увидел то, о чём подумал. Да никакой фильм про Великую Отечественную войну, где показаны немцы, не обходится без этого автомата, называемого «шмайсером». Вот он и висит по центру стенда. И никто

в мире не может дать гарантию, что его деда Афанасия под Харьковом в 1941 году ранила пуля, вылетевшая из «шмайсера», изготовленного не на этом чешском военном заводе.

Сергей не стал уточнять у директора детали, так как всё было и так понятно. Но, поблагодарив за экскурсию, командир роты всё же сказал, что сборка гражданских самолётов — это, конечно, очень интересно, но они — люди военные, и им было бы интересно посмотреть и на какую-нибудь другую продукцию, выпускаемую таким большим заводом.

Директор согласился и провёл офицеров во внутреннюю комнату, где отсутствовали окна, и попасть в которую можно было только из кабинета директора.

На стеллажах, стоящих вдоль стены, лежали охотничьи ружья. Чего здесь только не было: и гладкоствольные дробовики с одним стволом, и двустволки, как с горизонтальным, так и вертикальным расположением стволов, и нарезные ружья, а точнее, карабины для охоты на крупного зверя. Были здесь и образцы комбинированного оружия с вертикальными гладким и нарезным стволами. И даже трёхстволка была, в которой под двумя горизонтальными гладкими стволами располагался нарезной ствол. Карабины были, в основном, с оптическими прицелами.

А на отдельном столе лежали ружья с такой художественной обработкой, такой степенью инкрустации, что казалось, они сделаны из серебра или золота. Это было не оружие, а произведение искусства!

Сергей понял, что двустволка отца, явно, была сделана на другом заводе, потому что здесь её даже некуда было бы положить, так разительно она отличалась от того великолепия, что царило в этой специальной комнате.

После того, как гости осмотрели все образцы охот-

ничьего оружия, директор открыл дверцу сейфа, вмонтированного в стену, и достал оттуда... пистолет и лист бумаги. Сергеем он подал пистолет и, пока тот его осматривал, стал зачитывать текст, напечатанный на бумаге. Оказалось, что это письмо одного американского специалиста по оружию. Этот специалист считал, что данный пистолет по своим техническим характеристикам и возможностям является одним из лучших служебных пистолетов в мире, и задавался вопросом: «О чём думают в Москве, что не берут этот пистолет на вооружение армий в странах Варшавского Договора?».

А директор в конце добавил от себя, что данный пистолет экспортируется во многие страны, особенно – в африканские, где им вооружена охрана президентов этих стран.

Сергей держал пистолет в руке и понимал, что это, действительно, классное оружие. Очень удобная рукоятка, крупная мушка. Пистолет был чуть больше и немного тяжелее, чем пистолет Макарова, но в руке лежал превосходно. Калибр его тоже был девять миллиметров, как и у советского пистолета, но патрон был длиннее.

Затем директор из этого же сейфа достал странный образец оружия, который Сергей принял за детскую игрушку. Короткий ствол, откидывающийся приклад из проволоки и рукоятки затвора, похожие на две пуговицы. Ну точно, какой-то детский «пугач».

Оказалось, что это пистолет-пулемёт «Скорпион», предназначенный для вооружения полиции, а также танкистов, связистов и других спецподразделений. Идёт на экспорт в Египет, Ливию, Анголу, Ирак...

Сергей не удержался и спросил директора завода, а не смущает ли его то обстоятельство, что это оружие могут когда-нибудь повернуть и против стран социалистического содружества?

На что директор ответил коротко:

– Таким оружием войну не выиграешь! – и повёл гостей в заводской тир, где производимое оружие испытывалось, приводилось, как говорится, к нормальному бою.

Сергей взял в руки охотничий карабин, лёг на исходную огневую позицию и прицелился в мишень, установленную в ста метрах от него. Мишень была размером чуть больше пятикопеечной монеты, но в оптический прицел её видно было очень даже хорошо. Сделав выстрел, Сергей в прицел увидел, что пуля попала в правый край мишени. Тогда он точно так же, ничего не меняя, сделал второй выстрел и увидел, что пуля попала практически в отверстие, сделанное первой пулей.

«Не слабое тут оружие!» – подумал про себя Сергей. Но его сейчас больше интересовали мишени, расположенные по правой стороне тира в двадцати – тридцати метрах от линии открытия огня. Вероятней всего, эти мишени предназначались для стрельбы из пистолетов.

Так и оказалось. Тогда Сергей уточнил, а нельзя ли несколько выстрелов сделать из того пистолета, «самого лучшего в мире». Директор, наверное, уже в душе проклинающий этих неугомонных русских, разрешил.

Зарядив три патрона, Сергей спокойно, как когда-то на тренировках в тире суворовского училища, выстрелил их в левую мишень. Стрелял он с перерывами. Отверстия от девятимиллиметровых пуль были хорошо видны с исходной позиции, но после каждого выстрела Сергей пользовался оптическим устройством, стоящим на рубеже ведения огня. Увидев, что первая пуля попала в «восьмёрку» внизу мишени, он немного изменил точку прицеливания, «врезавшись» в чёрный круг. Попал в «девятку» – чуть правее и выше от первой пули. А третья – конкретно угодила в самый центр мишени.

«Хороший выстрел!» – услышал Сергей за своей спиной. Оглянувшись, он увидел прикомандированного в его роту старшего лейтенанта Миронова, наблюдавшего за стрельбой командира. Ещё когда тот первый раз прибыл в роту, Александров по его внешнему виду, хорошо подогнанной военной форме, включая сапоги с гладкими голенищами, понял, что этот офицер является выпускником Московского общевойскового командного училища. Потому что у Сергея, закончившего именно это училище, тоже были такие же сапоги. Да и фуражки у них были одинаковые, пошитые в Москве, как и сапоги, на заказ.

Миронов сделал шаг к командиру роты, протянул руку и сказал:

– Разрешите и мне выстрелить! Попробую ваш результат улучшить.

– На спор что ли? – спросил слегка удивлённый Сергей своего нового подчинённого. – Ты же понимаешь, что если проиграешь, то тебе придётся угощать пивом не только меня, но и всех офицеров роты.

– А если выиграю, то наоборот? – уточнил не столько наглый и дерзкий, сколько уверенный в себе молодой офицер.

Сергей хмыкнул и со словами:

– Ну попробуй! – передал тому пистолет и добавил.
– Чуть-чуть врезайся. Он немного ниже бьёт.

Миронов невозмутимо зарядил пистолет и так же спокойно, не спеша, уточняя результат каждого выстрела, отстрелял по правой мишени. После чего, они оба туда и направились.

Все три пули у Миронова легли в центр мишени, но не в самую десятку, а, описав круг вокруг неё. То есть – это были три «девятки».

– Двадцать семь на двадцать семь, – констатировал

Сергей ничейный счёт. – Ничья! Молодец! Видно, занимался стрельбой.

– Да было дело, – скромно сказал Миронов.

Возвращались из Куновице на том же чешском автобусе. Сергей сел на сидение рядом с пропагандистом майором Шининым и сказал:

– Владимир Виленович, вот мы тут по заводу походили, посмотрели... Увидели даже «шмайсеры», которые чехи для немцев в годы войны делали. И что же это получается? Они дружат не по любви, не по дружбе, а по расчёту?

– Сергей Леонидович, тебя интересует моё мнение как пропагандиста или как историка? – вопросом на вопрос ответил Шинин с неизменно добродушным выражением на круглом лице.

– Это вы сами определите. Всё равно вы мне ответите так, как посчитаете нужным.

– Чехи за свою землю не воевали с тысяча шестьсот двадцатого года. Гитлеровская Германия оккупировала Чехию, одну из самых развитых в промышленном отношении европейских стран, весной тридцать девятого года. И с этого момента вся чешская промышленность, а, если точнее, то все восемьсот пятьдесят семь заводов делали технику, оружие и снаряжение для германской армии. К началу войны с нами, к июню сорок первого года, немецкие части были почти на треть укомплектованы чешским вооружением. Чехи изготовили четверть танков и грузовиков для вермахта и сорок процентов стрелкового оружия. И так было всю войну. А основные заводы в Праге исправно работали вплоть до пятого мая сорок пятого года.

– Это вы мне исторические факты приводите?

– Но я же, как пропагандист, в разговорах с чехами должен какими-то фактами оперировать. И вообще, кто

старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому оба! И ещё... Считай, что это тебе для расширения кругозора, – продолжил Шинин. – Дружить-то они дружат, но только до поры до времени. На эту тему не принято распространяться, но ты, я вижу, парень умный и не болтливый.

– Да уж!

– Дело в том, что после окончания войны за период с сорок пятого по сорок шестой год чехи депортировали из страны около трёх миллионов граждан немецкой национальности.

– И, наверное, имели на это право, – поддержал действия чехов Александров.

– Но это были в основном женщины, дети и старики, то есть – мирное население. Сначала был издан указ о поражении немцев в правах, в соответствии с которым немцы в Чехословакии обязаны были носить специальные повязки с буквой «N» или со свастикой. Тебе это ничего не напоминает?

– Так немцы заставляли евреев ходить... с повязками и ихней звездой.

– Но это ещё не всё. У них был конфискован весь личный транспорт: автомобили, мотоциклы и велосипеды. Вроде логично... Но им запрещалось пользоваться общественным транспортом, иметь радио и телефон и даже... ходить по тротуарам.

– Ну это какой-то идиотизм. Пахнет то ли Средневековьем, то ли отношением к неграм или индейцам в Америке. Это же возврат к тому, что есть народы высшей расы, а есть – недочеловеки. Я понимаю, что нацистов, военных преступников надо судить, наказывать. А народ... женщины, дети... Не знал я, что так было.

– Им запрещалось на улице разговаривать по-немецки, а магазины они могли посещать только в определённое время, – продолжил Шинин. – Но и это ещё не

всё. Главное, выселение немцев из Чехословакии сопровождалось многочисленными случаями убийств и издевательств над мирным населением.

– Да... – задумчиво протянул Сергей. – В тихом чешском омуте ещё те черти водятся. Теперь я точно знаю, почему в шестьдесят восьмом году пришлось наши войска вводить в Чехословакию. Им дай свободу, то есть волю, так они сами попадут в неволю.

Шинин внимательно посмотрел на командира роты.

– Ты понимаешь, что это не публичная информация для дискуссий?

– Товарищ майор, спасибо за неё... Будьте уверены, что я не враг своему здоровью.

На следующий день с утра рота в соответствии с расписанием выехала на войсковое стрельбище, где были запланированы занятия по огневой подготовке. На стрельбище прибыла и группа чешских офицеров, которым было интересно узнать, как организованы занятия, но, главное, как умеют стрелять советские солдаты.

Сергей, в принципе, был спокоен за общие результаты стрельбы. Единственное, что всё-таки волновало его, это мысли о гранатомётчиках. Особо-то они погоду не делали и оценку сильно ухудшить не могли, но тем не менее... Зачем давать чехам лишние основания для каких-то необоснованных сомнений в силе и мощи Советской армии.

Участок для стрельбы из гранатомёта был оборудован на левой стороне стрельбища, и пока стреляли из других видов оружия, то гранатомётчики под руководством того же Мингазиева успели позаниматься теорией стрельбы и отработали изготовку из различных положений.

Наконец-то дошла очередь и до них. Руководил стрельбой гранатомётчиков сам командир роты. Сначала отстреляли три солдата из первого взвода, затем столько

же гранатомётчиков – со второго. Мингазиев стрелял последним в своём взводе, и после его «пятёрки» результаты были следующие: одна оценка «удовлетворительно», две «четвёрки» и три «пятёрки». По оценочным показателям это тянуло на «отлично», но общая оценка теперь полностью зависела от гранатомётчиков третьего взвода.

Первым из них на огневой рубеж вышел барабанщик. Было видно, что этот рыжий парень с веснушками волнуется, но старается виду не подавать. Держался он молодцом и отстрелял на «хорошо».

За ним стрелял спортсмен-здоровяк. Спокойный как удав, медлительный, эдакий флегматик. Все выстрелы послал в мишень, причём последним перебил или повредил какую-то рейку на мишени, отчего мишень вся скособочилась, но стрелять по ней, в принципе, ещё можно было.

Последним стрельбу не только гранатомётчиков, но и всей роты завершал фокусник, который первым же выстрелом окончательно «добил» вражеский танк. И тот под смех и даже свист не только отстрелявших гранатомётчиков, но и чешских офицеров окончательно развалился.

– Нет! Мы так не договаривались, – громко сказал по-русски, но с характерным акцентом, чешский военнослужащий с погонами прапорщика, вероятно – начальник этого стрельбища. – Эта мишень уже два года стоит, вернее, стояла. И, наверное, ещё бы столько простояла, пока вы, русские, не приехали. Теперь надо менять!

Мингазиев повернул голову и тихо спросил у командира роты:

– А ничего, что мы тут, два узбека, постарались?

На что офицер шёпотом ответил:

– Мингазиев, не хами! Тут из русских, наверное, только барабанщик. А армия у нас одна – советская,

потому что народ один – советский. А русскими нас по привычке ещё со времён войны вся Европа, если не весь мир, называет. Понял, советский узбек?

Общая оценка за стрельбу из гранатомёта была «отлично», а вся рота по сумме оценок получила «хорошо».

Ещё на стрельбище командир роты подошёл к старшине и сказал:

– Передай своему Милошу, что завтра у нас до обеда будет экскурсия в старинный замок, по возвращению с которой, соответственно, после обеда, мы сможем с ним и его командой встретиться в тире. Пусть готовится.

– А кто у нас будет третьим? – спросил Гошев.

– На троих сообразим с новеньким... со старшим лейтенантом Мироновым.

С утра следующего дня всю роту повезли на экскурсию в средневековый готический замок Бухлов, недалеко от того города, где они несколько дней назад посещали авиационный (и не только) завод. Старинные каменные своды, залы с картинами на стенах, камин, красивый сад, где среди аккуратно подстриженных кустов и деревьев гуляли павлины – всё было как в какой-то сказке или, в крайнем случае, в кино. Наверное, так выглядят Зимний дворец или Петергоф в Ленинграде, но, во-первых, из роты там никто не был, включая офицеров и прапорщиков, а во-вторых, Бухловский замок намного старше, так как построен в тринадцатом веке. Короче, экскурсия всем очень понравилась.

А после обеда два офицера и прапорщик направились в тир.

Миронов сообщение о том, что надо сходить и посоветоваться с чехами в стрельбе из пистолета, воспринял спокойно, как будто он в своей жизни только тем и занимался. Он потёр ладони и издевательски спросил:

– А они умеют стрелять?

Ответ Гошева о том, что Милош является призёром первенства Чехословакии по стрельбе, огорошил, в большей степени, Александра, чем командира взвода. Он же думал, что мало ли кто там и как в тире тренируется, поэтому и согласился на такую, как сейчас выясняется, авантюру. Но отступать было поздно. И «убивать» Гошева за такую подлянку надо было значительно раньше, как только он заикнулся об этом. А в настоящий момент, раз уж они ввязались в это дело, надо доводить его до конца и, желательно, до победного конца.

В тире их уже ждали. Поздоровались, пожав друг другу руки, представились. Кроме Милоша, там находился капитан по имени Зденек и майор с медицинскими эмблемами. Майор, конечно, назвал своё имя, но оно было совсем непривычное для слуха, поэтому Александров его сразу забыл.

Милош показал пистолеты, с которых им всем предстояло стрелять. Это были малокалиберные спортивные пистолеты, естественно, чешского производства под названием «Чемпион». Пистолеты выглядели, как братья тем смешным, почти детским по виду автоматам «Скорпион», которые офицеры видели на заводе. Они были похожи не столько на старинные пистолеты для дуэлей, сколько на те, с которыми в фильме «Доктор Айболит» бегал Бармалей в исполнении актёра Ролана Быкова. Правда, у Бармалея стволы пистолетов заканчивались такими раструбами, похожими на музыкальные трубы. На «Чемпионах» таких раструбов не было. Держать в руке такой пистолет было очень непривычно, можно даже сказать, неудобно. Сюда бы привычный «Марголин»! А так оставалось только два пути. Или всё время думать, как же потом по возвращении в родной полк наказать прапорщика Гошева за такую «свинью», или настроиться, собраться и – стрелять. Третьего пути, пути отказа от сорев-

нований, никто и не рассматривал.

Решили, что каждый стреляющий делает по три пристрелочных выстрела, а потом – десять зачётных. Стрелять будут по два человека. Первая пара: Милош и его новый друг Гошев, вторая – Зденек и Миронов, третья – медик и Александров.

Результат первой пары подтвердил худшие опасения командира, так как Гошев выбил всего 78 очков из 100, а Милош – 97. Пока Гошев, потупив взгляд, стоял позади улыбающегося призёра первенства Чехословакии, к стрельбе приступила вторая пара.

– Лёша, отступать некуда, – сказал Александров командиру взвода, когда тот шёл к пистолету, лежащему на специальной подставке на огневом рубеже.

– Я знаю, – ответил Миронов. – Позади Москва!

Он выбил 93 очка, Зденек – 85.

Разница сократилась, но всё равно перевес чешской команды был большой. Считать, сколько надо выбить Сергею, не зная, как отстреляет третий чех, было невозможно, да и незачем. Надо было стрелять и показывать максимальный результат.

Пристрелка показала Сергею, что с этого пистолета стрелять, в принципе, можно. Можно даже попадать. В конце концов, тот же Милош, стрелял из такого же пистолета. Пусть он непривычен в изготовке, пусть кисть руки не фиксируется на рукоятке, и рука более напряжена, чем при стрельбе из пистолета Марголина...

«Пусть на сердце грусть, – совсем некстати вспомнились Сергею слова из какой-то песни. – А почему грусть? Больной идёт на поправку! Главное, верить, что болезнь отступает. А она, действительно, отступает».

Улыбка уже исчезла с лица Милоша, и он, стараясь казаться спокойным, что-то говорил по-чешски медику, явно, успокаивая того, настраивая на хороший результат.

Всем участникам было понятно, что это неофициальное соревнование, не чемпионат мира и не Олимпийские игры с медалями и призами. Их даже не с чем сравнить. Постреляют в своё удовольствие и разойдутся. Что тут заикливаться на результате? Неважно, кто победит! Но в то же время победить хотела каждая команда. Да, не официальное соревнование, но международное... И каждый из них, хотя вслух это не говорилось, представлял свою армию и, в конце концов, свою страну.

«Ну что, Александр Климентьевич, – обратился мысленно Сергей к воображаемому тренеру, – и не такие дела заваливали? Постоим за Калинин и Москву? Предлагаете, отвлечься, не думать о результате? Анекдот что ли вспомнить... Да некогда, пора начинать. Мушка, ровная мушка, мушка...».

Сергей отстрелял, положил пистолет и, повернув голову направо, посмотрел на чеха. Тот боролся с пистолетом и нервами и всё откладывал последний выстрел. Наконец, выстрелил.

– Ну что? Пойдём, посмотрим? – нетерпеливо предложил Милош. – К мишеням!

Все и пошли к мишеням, а некоторые, в том числе и Гошев, даже побежали. Сергей шёл спокойно. Ничего уже не изменишь. Всё сделано так, как получилось.

Пока он дошёл, Гошев уже всё подсчитал. Он же старшина роты, и ему положено вести учёт всего ротного хозяйства. А тут всего-то надо посчитать очки командира роты, добавить их к сумме двух других участников своей команды и сравнить с общими результатами чехов.

Сергей не успел даже толком взглянуть на свою мишень, как на него сначала налетел старшина, а затем – Миронов. Они с криками «Победа!» обняли своего командира и начали тискать друг друга. Оказалось, что Сергей выбил 96 очков, а чешский медик – 84, и эти резуль-

таты позволили им в сумме обойти чехов на одно очко. Всего лишь одно очко разделило проигравших и победителей, потому что это было победное очко.

Чехи не верили своим глазам, несколько раз пересмотрели мишени и дырки на них, пересчитали очки. Всё правильно! Эти русские... даже не стрелки-спортсмены, а просто штатные командиры одного воинского подразделения обстреляли их, спортсменов, участников и даже призёров соревнований высокого ранга. Милош был в шоке, потому что в его голове такой результат не укладывался. И объяснений такому результату он не находил. Но он понял, что выйти из этого подавленного состояния можно только одним способом. Он подошёл к Александру, поздравил с победой и сказал:

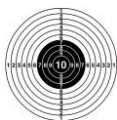
– Товарищ командир, я... мы все приглашаем вас... всю вашу команду чуть-чуть выпить пива. Тут недалеко, рядом... за воротами. Мы должны угостить победителей. Вы наши гости. Не надо отказываться. Завтра выходной.

Сергей, ничего не говоря, внимательно посмотрел на старшину. Тот кивнул головой и сказал:

– Командир, я понял! Я знаю это место, где вы будете. Я проведу вечернюю поверку и отбой и... подойду к вам, если разрешите! Я тоже старался... как мог.

– Да уж...

Так и поступили. Конечно, там, в кафе... за воротами, было ещё что-то, кроме пива, но в пределах разумного. Хотя определить, где же эти пределы, практически невозможно. Но надо сказать, что чехи, обычно пьющие аккуратно и, сравнительно, в небольших количествах, на этот раз выпили не меньше русских. Ситуация и их душевное состояние требовали именно этого.

Глава десятая
Кому говорят неправду
(Май 80-го года)

Пять лет службы за границей подходили к концу. Сказать, что эти годы пролетели для старшего лейтенанта Сергея Александрова быстро – это покривить душой. Ему казалось, что особо беззаботного времени у него здесь не было никогда, всегда находились какие-то трудности, проблемы, неблагоприятные причины, а то и просто, стечение обстоятельств, и надо было постоянно что-то предпринимать, придумывать, разруливать. Полтора года, пока командовал взводом, привыкал к офицерской службе, вникал в выполнение задач, особенно выпадавших впервые, учился управлять личным составом. Да и командир роты капитан Добрынин во многом помогал и учил молодого взводного. А когда старание и усердие Александрова заметили, а особенно – наличие положительных результатов в решении всех задач, которые ему ставились, и назначили его командиром соседней, второй роты, то забот навалилось – «мама, не горюй!»

Армия, во всяком случае, Сухопутные войска, держатся на двух основных должностях: командир роты и командир полка. А тут на такую ответственную должность назначают практически желторотого лейтенанта.

И это при наличии в полку достойных «старослужащих» старших лейтенантов, которые уже зубы съели на своих взводах, командуя ими по три, а то и все четыре года! Это же – профессора, директора взводов!

Вот тут и пришлось лейтенанту Александрову покрутиться, потому что особой надежды и опоры на двух таких старых взводных командиров, которые ему достались вместе с ротой, не было, и до их замены в Союз не ожидалось. Как говорится, «всё сам, да сам». Полевые занятия, стрельбы, вождение организовывал и проводил практически один командир роты, естественно, привлекая и нагружая сержантов в качестве руководителей на учебных местах и точках. Почти как в фильме про Шурика:

– Песчаный карьер. Два человека!..

– Я!

Когда через полгода один из командиров взводов из роты уехал по замене в Союз, а его место занял прибывший лейтенант – выпускник Алма-Атинского общевойскового училища, стало чуточку легче, а через год, с прибытием ещё одного лейтенанта, – ещё легче. Но эта лёгкость компенсировалась тем, что теперь все проверки и показательные занятия выпадали на его роту. За три с половиной года командования подразделением только один раз рота Александрова была освобождена от проверки, потому что за месяц до неё третий взвод в полном составе при перевозке на полигон в автомобиле попал в аварию. На трассе тяжёлый грузовик с прицепом, гружённым кирпичами, пошёл на обгон военного автомобиля, в кузове которого и сидел третий взвод, и этим самым прицепом столкнулся армейский грузовик с дороги, прямо в дерево.

Живы остались все, но с различными переломами и ушибами большая часть взвода попала в госпиталь.

Но это всё было в прошлом, потому что сейчас ко-

мандир роты готовился к передаче роты со всем имуществом, техникой, вооружением и личным составом новому командиру, прибывшему из Союза. Конечно, в глубине души Сергей надеялся, что меняться он будет позже, так как ему намекали, что поедет он по замене уже на вышестоящую должность – начальника штаба батальона. Не зря его портрет висит в Доме офицеров Центральной группы войск, как одного из лучших командиров рот. Но действительность оказалась, как всегда, прозаичнее. На то место начальника штаба, которое кто-то планировал для Сергея, видно, уехал другой офицер, а первый же ротный, прибывший в текущем году в ЦГВ по замене из Приволжского военного округа, куда и должен будет уезжать теперь Сергей, прибыл принимать у него роту.

Невысокий, рыжеволосый, крепко сбитый старший лейтенант Привалов, прибывший из Оренбургской области, стоял перед Сергеем и улыбался. Это же надо, как ему повезло! После службы в пыльных, ковыльных, продуваемых всеми ветрами оренбургских, считай – казахстанских степях, попасть служить почти в центр Европы – это не каждому выпадает.

Сергей не стал выводить сменщика из его радужного состояния. Зачем? Послужит здесь и сам поймёт, как это неделями не вылазить из полигонов, постоянно и днём и ночью стрелять, водить, готовиться к контрольным и итоговым проверкам и сдавать их сменяемым друг друга комиссиям из штаба дивизии, Центральной группы войск, Москвы и, в завершение, – Варшавского Договора.

Офицеры переговорили о порядке приёма. Привалов сказал, что тянуть резину он не будет, приём проведёт быстро. Ничего лишнего ему не надо, а примет он только то, что числится за подразделением. Слова Сергея о том, что в роте на весь личный состав имеется второй комплект парадного обмундирования, который нигде не чис-

лится; имеются лишние каски и много ещё всякого добра, Привалов даже во внимание не принял. Мол, ему этого ничего не надо. А вот барабан, который вон там лежит, вроде и есть в наличии, но пробитый, в таком нерабочем виде принимать он не будет. И табуретки, числящиеся за ротой, а это ни много, ни мало, а сто штук, все должны быть в хорошем состоянии и с клеймом, что они выданы в таком-то году.

«Странный человек! – подумал Сергей – Наверное, не развёрнутой, а кадрированной ротой командовал. Я ему имущества предлагаю на две роты, а он прицепился к какому-то никому не нужному и не востребованному ни разу за пять лет барабану и хочет, чтобы табуретки служили вечно и никогда не ломались. Как ему в таком случае объяснить, что половина табуреток в роте через полгода будут списаны, так как уже подошли сроки, и он получит новые?». Но вслух он сказал сменщику:

– Нет вопросов! Сейчас всё представим в казарме, в расположении роты, а после обеда посмотрим технику в парке и имущество в техническом классе. А также, к тому времени, и барабан починим.

Затем, обращаясь к старшине, дал тому указание, пока новый командир принимает имущество в канцелярии и оружие в «ружкомнате», организовать сбор пятидесяти табуреток (с клеймом), которые выставить в коридоре. А затем – показать имущество в кладовой, где хранится обмундирование.

Так и поступили. Посмотрели всё в казарме, посчитали пятьдесят табуреток, в том числе и проверили, что там, на клейме, указано. Всё оказалось в полном порядке, в соответствии с бумагами. Закончили буквально перед обедом. На вопрос нового командира о том, что он увидел только половину числящихся за ротой табуреток, Сергей ответил, что всё остальное будет показано через

полтора часа, то есть – после обеда.

Когда Привалов ушёл на обед, Сергей дал указания подошедшему технику роты прапорщику Конькову, немедленно организовать перенос табуреток из коридора в технический класс и при этом – ничего не перепутать, так как в классе должно быть, как в аптеке, ровно пятьдесят табуреток. А после обеда в парке для хранения техники всё должно быть готово к приёму-передаче бронетранспортёров. Запасной инструмент (ЗИП) пусть водители выложат перед своими машинами.

– Ну что ты скривился? – спросил Сергей старшего техника, увидев гримасу не его лице.

– Да вот с ЗИПом учебно-боевого бэтээра проблемы. Кое-что восстановили, но вопросы будут... – жалостливым голосом, очень подходящим к его худой и вытянутой фигуре, ответил прапорщик.

– Одолжи у соседей, у разведчиков тех же. Что я тебя учить должен? Ну что ты мнёшься?

– Касочку бы... им предложить... соседям-то.

Сергей разрешил технику взять одну каску для такого дела и сказал старшине:

– Дуда, а ты возьми две каски и отнеси их в пятую роту, где касок, я знаю, не хватает, и обменяй их на барабан, который через полтора часа должен оказаться в техническом классе. А этот, пробитый, им отдай. Водителей после обеда сразу отправь в парк в распоряжение Конькова. Вопросы есть?

– Никак нет! Это же не второй раз подряд кросс бегать! – весело оттрапоровал старшина и умчался выполнять приказание.

Старшина роты прапорщик Дуда, коренастый, среднего роста, с небольшими усами, темноволосый украинец был родом из-под Донецка. Он, с одной стороны, в роте служил старшиной недавно, всего три месяца, но, с

другой стороны, – они с Сергеем были знакомы года два. Дело в том, что Дуда служил срочную службу в роте у Александрова. Служил хорошо, старательно, был старшим стрелком-наводчиком бронетранспортёра. А после полутора лет службы ему предложили (да сам командир роты и предложил) поехать на полгода в «учебку», чтобы стать прапорщиком. Вот через полгода молодой «свежеиспечённый» прапорщик и вернулся в свой полк, в свой батальон и в свою роту, но уже в другом качестве. Хотели его, вообще-то, в другую роту назначить, но Александров убедил командира батальона, тот – начальника штаба полка, и Дуду назначили старшиной в роту к Александрову. Усы, жидкие и бесформенные, абсолютно не шли молодому старшине, но их он завёл для солидности, чтобы хоть как-то отличаться от своих подчинённых, которые были моложе прапорщика всего на год-два,

Теперь надо рассказать, о каком кроссе вспомнил молодой старшина. Дело было в прошлом году, когда Дуда был ещё ефрейтором. Нагрянула очередная проверка, на этот раз из Москвы. И, естественно, пройти мимо роты старшего лейтенанта Александрова она никак не могла. Стрельбы, вождение – всё прошло нормально. Московская комиссия, конечно, отличных оценок не ставила, но хорошая оценка, тем не менее, «наклёвывалась». И вот подошло время сдавать физическую подготовку. Принимал целый полковник. Вначале – кросс на 3 километра, за результаты которого командир роты был спокоен, как удав. Рота была разделена на два забега в среднем по сорок человек в каждом. В первый – были отобраны самые лучшие бегуны роты, а во второй – те, кто слабее. Не надо говорить, что самые больные и немощные подчинённые, которые, к сожалению, есть в любом подразделении, в это время несли службу в наряде.

Спокойствие командира основывалось на нескольких факторах, о которых не обязательно было знать проверяющему полковнику. Во-первых, командир первого взвода лейтенант Петрунин был кандидатом в мастера спорта по лёгкой атлетике (именно – по бегу), во-вторых, командир второго взвода лейтенант Рыбаков тоже бегал на уровне первого спортивного разряда. Поэтому в этих взводах бежать всегда начинали сильно, в середине дистанции прибавляли, а потом – финишировали. Что касается третьего взвода, которым за отсутствием штатного командира взвода, убывшего в Афганистан, командовал старший сержант Жушке, то бежали в нём солдаты послабее, где-то между «хорошо» и «удовлетворительно», но ближе к хорошей оценке. Из-за чего почти весь третий взвод и был отправлен во второй забег.

Короче, первый забег в количестве сорока человек со старта убежал, дистанцию пробежал и к финишу прибежал. Результат – сорок «пятёрок».

– Ребята, – сказал проверяющий полковник, – я, конечно, всё понимаю, но дурить меня не надо! Я в армии – не первый год. И простая мотострелковая рота так бегать не может. Вы где-то перестарались с дистанцией, слишком укоротили её; где-то использовали подставных лиц... Поэтому, или я ставлю роте «двойку», или вы бежите второй раз, но под моим личным контролем... на автомобиле.

Все попытки командира роты доказать, что личный состав бежал по-честному, все его обращения к командиру полка за поддержкой результата не принесли.

– Да, – сказал командир полка, – я знаю, что рота подготовлена хорошо. Но проверяющему полковнику из Москвы, – командир полка закатил глаза куда-то вверх, – я ничего доказать не смогу. Придётся бежать снова.

После того, как кросс пробежала вторая половина

роты, показав результат между «четвёркой» и «тройкой» (излишне говорить, что за этим забегом неотступно следовал Уазик с проверяющим, которого удовлетворил этот результат), на старт повторно вышли участники первого забега во главе с командиром роты и двумя командирами взводов. Дуда, кстати, тоже был в этом забеге.

Сергей оглядел своих подчинённых, вытянувшихся в две шеренги вдоль линии старта. В роте у него было двенадцать национальностей, включая русских, украинцев, молдаван, узбеков, азербайджанцев, армян, чеченцев, дагестанцев, башкир, татар, ингушей, а также одного коми-пермяка и рядового Яковлева – единственного москвича во всём полку. Сорок пар глаз неотрывно смотрели на своего командира, ожидая команды «Марш!». Сергей сказал:

– Орлы! Я не требую от вас невозможного. Я знаю, что вы только что пробежали в полную силу. И не вы виноваты, что надо бежать опять. В присяге, которую мы все приняли, сказано: «стойко переносить все тяготы военной службы». Вот нам сейчас и предстоит эту очередную тяготу преодолеть. Сейчас не надо бежать на «отлично», но и на «двойку» не надо. Но вы же себя и меня знаете. И не такие дела заваливали. Готовы?

– Так точно! – ответила рота.

– Товарищи офицеры, бежите замыкающими. Рота, внимание, бегом – марш!

И они побежали. Командир роты – направляющим, командиры взводов – замыкающими. Когда финишировали, то взводные командиры буквально несли рядового Яковлева на руках. Но «двойки» не было ни одной.

Когда подсчитали общие результаты, то с перевесом в одну «четвёрку» рота по физической подготовке была оценена на «хорошо».

– Молодцы! – сказал проверяющий. – Такому ре-

зультату – верю!

Теперь осталось объяснить, откуда в роте старшего лейтенанта Александрова появились лишние, то есть неучтённые (или по-официальному – списанные) каски. Появились они, как это ни печально, по вине молодого старшины роты, то есть из-за прапорщика Дуды. На третий день своего назначения на должность он находился в казарме, в своей кладовой или, как её все называли, – в «каптёрке». Рота вместе со всем полком готовилась к очередным большим учениям, в преддверии которых в полк прибыли корреспонденты военной газеты Центральной группы войск. Командир полка направил их в роту Александрова с разрешением фотографировать всё, что они захотят. Они и захотели, чтобы Александров выгнал в поле за парк для хранения боевой техники бронетранспортёр и сфотографировался на его фоне вместе с бойцами, развёрнутыми в цепь. Мол, в ходе учений им, журналистам, некогда будет бегать по горам, где находится Доуповский полигон (за Прагой), и фотографировать, поэтому такие постановочные кадры надо заготовить сейчас.

Александров поручил командиру первого взвода экипировать десять человек, получить оружие и вывести их за парк, а техника роты прапорщика Конькова отправил выводить туда БТР. Сам оделся, взял с собой каску и вместе с корреспондентами отправился на съёмку.

Но в мире все события взаимосвязаны, даже если мы об этом не подозреваем. Никто из участников этих событий и не знал, что за месяц до того, как прапорщик Дуда вернулся в свою часть, из полка уехал по замене в Союз один старший прапорщик – начальник полковой бани и прачечной. Перед отъездом он, как и положено, отправил в Союз свои личные вещи, загрузив их в контейнер. На Государственной границе СССР этот контейнер вскрыли для проверки и обнаружили, что он весь за-

бит простынями, наволочками и полотенцами первой категории (то есть – новыми и ни разу не использованными по прямому назначению). На такое событие надо было реагировать соответствующим органам, и в полк была направлена комиссия из самой Москвы, в составе нескольких человек тыловой принадлежности.

И вот как раз в тот момент, когда старший лейтенант Александров фотографировался на окраине военного городка со своими подчинёнными, в расположение его роты и зашёл представитель этой комиссии. Он, застав в казарме старшину роты, попросил показать выборочно наличие кое-каких предметов из постельных принадлежностей и экипировки, в частности, – показать стальные шлемы (по-простому называемые касками). Каски в роте находились в спальнях помещениях, прикреплёнными к вещмешкам, которые, в свою очередь, были привязаны под каждой солдатской койкой. Посчитав каски и отметив, что десять касок отсутствует, проверяющий убыл из расположения, оставив в нём ничего не подозревающего старшину роты, продолжающего вникать в свою новую должность.

Недели через две в полк прибыли материалы проверки, подкреплённые приказом о взыскании определённых денежных сумм с отдельных должностных лиц полка за утерю соответствующего имущества. В этом списке была и фамилия старшего лейтенанта Александрова с указанием круглой суммы, которую он должен заплатить за десять «утерянных» касок.

Дело в том, что, в отличие от всех предметов военного снаряжения, имеющих определённые сроки износа, каски – не имеют такого срока, то есть, другими словами, они – вечные. И каска, принимавшая участие в штурме Берлина, но стоящая на учёте в каком-нибудь подразделении, в денежном эквиваленте одинакова с новой кас-

кой, поступившей на склад или на голову бойца сегодня. Списать каску можно только на войне и то, наверное, только вместе с головой бойца, который её носил.

Излишне говорить, что все попытки Александрова добиться справедливости и доказать, что все каски в его подразделении имеются в наличии, что подсчёт был проведён неправильно, без учёта снаряжения, выданного на занятие, ни к чему не привели, потому что выводы о недостатке были сделаны комиссией из Москвы, выше которой ничего нет. Ни у кого в этом мире нет полномочий отменять или перепроверять то, что указано «самой Москвой», даже если она что-то указала неверно.

Когда из денежного довольствия командира роты были вычтены деньги, то каски, соответственно, списали с ротных книг учёта, и они перешли в личное пользование офицера. Он мог свои каски подарить, обменять, одним словом, делать с ними, что хочешь.

Вот игодились сейчас эти каски для обмена.

Кстати, а фотография Александрова с флажками в руках на фоне бронетранспортёра и спешивающихся с него солдат, сделанная корреспондентом в тот момент, когда проверяющий считал в расположении роты каски, в военной газете Центральной группы войск всё-таки во время тех учений появилась. Когда Александров увидел эту фотографию, то не мог сначала понять, что же на фотографии изображено не так. Вроде всё нормально, но что-то... неправильно. Потом понял. Проблема в флажках. Дело в том, что при управлении личным составом сигналами, подаваемыми с помощью флажков, офицеры (или те же регулировщики) держат флажки строго регламентировано: в правой руке – светлый флажок (белый или жёлтый), а в левой – красный. И по-другому быть не может. Но на газетной фотографии Александров флажки держит неправильно, будто он не опытный командир ро-

ты, а молодой необученный лейтенант, который просто-напросто перепутал, какой флажок в какую руку брать. Как такое могло случиться? Откуда взялась такая фотография? Но поразмыслив, Сергей разгадал этот фотогазетный кроссворд. Александров во время фотографирования всё сделал правильно, но получилось, что белый флажок в реальности был поднят на фоне белого снега, а красный, став в чёрно-белом газетном варианте тёмным, оказался на фоне тёмного бронетранспортёра. И на фотографии флажки стали не видны. Поэтому в редакции на фото флажки заретушировали, как бы поменяв местами. Получилось, что у каждой из сторон есть своя правда, но эти две правды не существуют в параллельных реальностях, а входят в конфликт между собой. И любой человек, разбирающийся в военном деле, увидев такую фотографию, сразу усомнится не в фотографе, а в компетентности офицера, который неправильно держит флажки.

А если копнуть глубже, то можно наткнуться ещё на одну неправду. В газете под фотографией написано, что вот так подразделение старшего лейтенанта Александрова успешно действует на учениях. Но ведь мы-то знаем, что эта фотография была сделана не на полигоне, не в ходе учений, а около расположения части ещё до их начала.

Вот и верь после этого журналистам, газетам и той информации, которую они размещают.

Естественно, Александров, разбираясь в этих газетных неточностях, не мог не задаться вопросом:

«А вот, к примеру, в газете «Правда», центральной газете страны, возможны такие неточности, всё ли там правдиво написано?»

Но вопрос-то был риторическим, так как Сергей знал ответ. Отец ему рассказал о случае со Стахановым, рекордсменом по выполнению дневных норм за сутки. После его 14 норм в 1935-м году газета «Правда» так и

написала, что шахтёр Алексей Стаханов установил рекорд, и все должны не него равняться. В стране развернулось «стахановское движение». Но проблема была в том, что Стаханова в действительности звали Андрей. А по словам Сталина – «Правда» не ошибается. Так Андрей Стаханов стал Алексеем и тут же получил новый паспорт.

Конечно, после таких историй с неправильной фотографией, повторным забегом на проверку по физподготовке и касками у офицера Александрова не поколебалась уверенность, что правда рано или поздно восторжествует. Но пришло понимание, что она, конечно, победит в глобальном масштабе, а вот на повседневном уровне это правило иногда даёт сбой. Вот, к примеру, за что он получил свой первый лейтенантский выговор? За правду! Командир роты капитан Добрынин отправил его старшим с ротой на ближнее стрельбище, что в нескольких километрах от военного городка. Оно расположено в карьере, но стрелять там можно, правда, только из автоматов и пистолетов. Лейтенант Александров вместе с личным составом совершил марш пешком порядком на стрельбище, организовал стрельбу, после завершения которой рота вернулась в казарму. В ходе возвращения он заметил неадекватное поведение одного из солдат, о чём незамедлительно по прибытию доложил командиру роты. И получил выговор с занесением в служебную карточку, потому что, оказывается, пока он организовывал стрельбу, один самый шустрый боец успел сбегать в ближайший населённый пункт (за карьером), купил там (или обменял) какое-то спиртное и, естественно, употребил его.

Вот как в таких случаях поступать? Получается, что от правды не всегда польза. То есть бывают случаи при определённых обстоятельствах, когда не то, что надо врать, а целесообразно просто не говорить всей правды.

Наверное, после таких случаев и появилась поговор-

ка «Слово – серебро, а молчание – золото».

Через полтора часа офицеры, старый командир роты и новый, встретились в парке, посмотрели бронетранспортёры роты, кстати, стоящие в хранилищах для техники (боксах) с полностью загруженным боекомплектom. А как же иначе? Это вам не Оренбургская область. Здесь – передовой рубеж защиты завоеваний социализма.

После этого Сергей завёл своего сменщика в техкласс, закреплённый за ротой, где и показал недостающие пятьдесят табуреток. Как и требовалось, и эти табуретки были в надлежащем состоянии и проклеимены. На одном из столов лежал абсолютно исправный барабан.

И так как все вопросы по приёму-передаче имущества были решены, то здесь же, в классе, офицеры и подписали акты. Привалов направился в роту, с довольным видом унося с собой барабан. Докладывать командиру батальона о приёме-передаче роты решили завтра утром.

Александров уже собирался прямо из парка поспешить домой, но остановился около КПП, подождав к себе старшину роты.

– Дуда, но я же не смогу ни в поезде, ни на новом месте службы спать спокойно. Мне будут сниться эти табуретки.

– Да не беспокойтесь вы по такому пустяку. Через полгода я половину спишу, получу новые. И в роте снова в наличии будет сто хороших табуреток. А сейчас по-другому вопрос разрешить невозможно. Если даже барабан пришлось целый искать, то найти пятьдесят старых – по сроку службы, но хороших – по состоянию табуреток, наверное, во всём полку невозможно. И, вообще, финт с табуретками – это наша защитная реакция, если вторая сторона не идёт на компромиссы, – попытался старшина успокоить своего командира.

Дуда понимал, что в истории, когда командир роты

был вынужден купить у государства десять касок, виноват он. Поэтому, заглаживая свою вину, свои обязанности выполнял с рвением, обеспечивая роту всем необходимым с запасом. И с табуретками справится, тем более, что лишние каски-то в роте ещё имеются. Это же, как валюта... Хотя толком, что такое валюта, прапорщик ещё не знал. Что-то ценное...

Сергей это всё тоже понимал, но со старшиной не согласился.

— А я что буду эти полгода делать? Нервничать? Слать тебе телеграммы? Конечно, в боевом уставе есть пункт, что при организации боя командир обязан принять меры по обману противника. Но в нашем случае этот пункт не годится. Какие ещё есть варианты?

— Ну хороших табуреток у нас штук семьдесят наберётся. Я потихоньку в течение месяца остальные, которые поломанные, отремонтирую.

— Хорошо, но только не через месяц, а быстрее. Вот послезавтра ты приедешь ко мне к дому на машине, чтобы забрать вещи, отвезти их на станцию и погрузить в контейнер... Вот тогда и доложишь, что вопрос с табуретками закрыт. Чего молчишь, когда от тебя требуется только сказать: «Есть!».

— Но вы же сами меня учили, что «Есть!» подчинённый говорит тогда, когда ему всё понятно в полученном приказе и у него есть необходимые силы и средства, то есть — возможности, чтобы этот приказ выполнить в полном виде. Как за полтора дня я всё это сделаю?

— Больно умный стал! Научил я тебя уму-разуму на свою голову. Прямо сейчас ты идёшь в разведроту. Обязанности командира там исполняет старший лейтенант Миронов. Знаешь такого?

— Это тот, который вместе с нашей ротой в чешский пехотный полк ездил, где вы вместе с ним и старым стар-

шиной роты в соревнованиях по стрельбе чехов победили? – вопросом на вопрос ответил Дуда. – Если это тот, то я его знаю! И он, насколько я помню, тоже, как и вы, выпускник вашего Московского командного училища.

– Да, тот самый! Так вот... Я с ним утром на разводе переговоров, но он убыл на стрельбу на ближнее стрельбище. Уже должен был вернуться. У него в роте есть около двадцати лишних табуреток, которые он собирается сдать на склад. Ты пишешь расписку и берёшь у него эти табуретки на полгода, как бы в аренду.

– То есть чтобы они числились у него, а полгода пользовались ими мы, – сделал глубокомысленный вывод молодой прапорщик. – А остальные табуретки мне надо привести в порядок. Теперь в моей голове всё стало на свои места. Есть!

Когда Дуда ушёл, Александров поспешил домой, выйдя из парка через боковые ворота около помещения дежурного по парку.

Дома для офицерского состава находились недалеко от хранилищ с техникой. Но если в распоряжение полка идти не через боковые парковые ворота, предназначенные, вообще-то, для выхода техники, то обходить приходилось почти всю территорию полка, включая казармы, столовую, клуб, плац и штаб полка. Конечно, это было неудобно, но порядок использования парковых ворот определял лично командир полка. А за пять лет в полку сменилось три командира, и каждый по-своему определял порядок пользования парковыми воротами. Выходя из ближайших ворот, Сергей вспомнил, что второй свой офицерский выговор он получил именно за эти ворота. Он заступил дежурным по парку, проверил, как закрыты и опечатаны все боковые ворота. Было воскресенье, в полку с личным составом находились только дежурные и ответственные офицеры. В парке никаких работ не ве-

лось. Было спокойно и тихо. Сергей находился внутри помещения для наряда по парку, когда к нему подбежал дневальный и сообщил, что какой-то офицер стучит с улицы в ворота, требуя пропустить его.

«Странный офицер! – подумал Сергей. – Он что, не знает приказа командира полка, никому эти ворота не открывать и использовать их только для выхода техники?».

Через какое-то время дневальный опять вернулся со словами, что тот офицер не уходит, ругается и требует, чтобы к воротам подошёл дежурный по парку.

Сергей вышел из помещения и подошёл к воротам. Они были сплошными, но по бокам, около столбов, на которых ворота крепились, были широкие щели, в которые Сергей увидел, что за воротами стоит... командир полка, желающий попасть в родной полк коротким путём.

Так командир взвода лейтенант Александров получил свой второй в жизни и в службе выговор. Но и сейчас он, будучи уже командиром роты, готовящимся уехать из Чехословакии, так и не понимал, за что его тогда наказали. Правда ведь была на его стороне. Он выполнял приказ, никого не пускал...

Жена Марина встретила Сергея ворчанием по поводу его задержки, мол, мог бы и побыстрее домой прийти, ведь надо вещи собирать, всё складывать, готовить к погрузке в контейнер. Вступать в пререкания с беременной женой Сергею не хотелось.

– Послезавтра уже уезжаем, а работы – непочатый край! – сердито сказала Марина и ушла на кухню.

Сергей быстро поел и начал складывать книги в коробки. Что-что, а в Чехословакии удалось приобрести хорошие книги, на русском языке, конечно. В Брно и в самой Праге были отличные книжные магазины, которые так и назывались "Советская книга". Чего и кого там только не было! И Дюма, и Конан-Дойль, и Стругацкие...

Доставая одну из книг, стоящую в глубине полки, Сергей зацепился ею об край, и книга, выскользнув из рук, начала падать. Сергей еле-еле успел подхватить её другой рукой у пола, заметив, что из книги вылетел листок красного цвета. Он поднял листок с пола и замер. Его рука держала денежную купюру в пятьсот крон. Это была самая крупная купюра, имеющая обращение на территории Чехословакии. Система оплаты воинской службы в Группках советских войск за границей была проста: ежемесячно получаешь одно денежное довольствие в деньгах той страны, где служишь, а второе – в советских рублях откладывается на отдельный счёт. И при возвращении на территорию СССР ты эти деньги и получаешь.

«Откуда в книге появилась эта купюра?» – недоумевал Сергей. Но главная проблема заключалась в том, что он, не зная сам (или не помня), как она попала в эту книжку, понимал, что объяснить сейчас жене появление этой купюры толком не сможет. Это не 10 крон и даже не 50. Это 500 крон, соответствующие, примерно, пятидесяти советским рублям. Только за 50 рублей в СССР (даже в Москве) не купишь того, что можно за 500 крон купить в Чехословакии.

Сергей положил купюру в карман и продолжил складывать книги. Беременной жене о такой находке говорить пока не стоило. Она и так сейчас вся на нервах, а тут деньги... Она сразу же расплатится, устроит скандал, переходящий в истерику, что это он от неё прятал деньги. Сергей понимал, что, вероятней всего, эти деньги он положил в книгу (если это он положил) в первые два года своей службы, когда он ещё был холостяком и жил в офицерском общежитии. Хотя этого он не помнит. Но убедить в этом жену он точно не сможет. За те три года, сколько они женаты, он её характер изучил хорошо.

К тому же, она сейчас беременна. А поведение жен-

щин в состоянии беременности – это не изученное до конца природное явление. Вероятней всего, это компенсация женщинам по отношению к мужчинам за те довольно неприятные ощущения, через которые обязана пройти каждая женщина в момент рождения своего ребёнка. Вот женщины и отрываются на мужчинах в период беременности, требуя не просто исполнения всяких пожеланий, а иногда просто загоняя их в ступор своими часто противоречивыми капризами. Вот только роды продолжаются минуты, а беременность и, соответственно, использование её в качестве козырей в семейных отношениях – девять месяцев.

А решение по реализации этой купюры надо было находить незамедлительно, потому что послезавтра они уже уезжают. А везти эти чешские деньги в Союз, где они превратятся просто в бумажку красного цвета с нарисованным на ней числом «500», никакого смысла не было. Но и легализовать её, купив тут что-то нужное без согласования с женой, тоже было чревато негативными последствиями. Сергей уже знал, что безвыходных ситуаций в жизни не бывает, но выхода из сложившейся ситуации, пока не находил. Решил оставить проблему до утра. Оно же мудренее вечера...

Утром Александров прибыл в роту. Вместе со сменщиком доложили комбату о том, что приём-передача дел и должности успешно проведена. Александров тепло попрощался с подчинёнными, договорился о выделении грузового автомобиля для перевозки вещей на ближайшую железнодорожную станцию к контейнеру.

И всё это время он постоянно думал о судьбе купюры в 500 крон. Ничего более-менее логичного не придумывалось. Получался замкнутый круг: сказать жене о деньгах – нарваться на скандал; потратить, купив что-нибудь ценное, – спровоцировать, может быть, ещё более

крупный скандал. Всё, что обычно увозят с собой офицеры, убывающие на родную землю: ковёр, сервиз «Мадонна», нормальная одежда и обувь, хорошие детские вещи и даже книги – всё это уже лежало в коробках, готовое к погрузке. Для военной формы, включая сапоги, в которой Александрову надлежало явиться к новому месту службы, не ожидая прибытия контейнера, Сергей заранее приобрёл огромный чемодан, который он назвал «оккупационным». В него даже беременная жена помещалась.

Времени для принятия решения с каждым часом становилось всё меньше. Вариант о том, что купюра может быть не реализована, Сергей даже не рассматривал.

Он уже поднимался по лестнице к себе домой, на третий этаж, когда окончательно понял, что без жены тут обойтись невозможно. Но говорить всю правду ей тоже невозможно. Действовать надо было где-то посередине между этими противоположными утверждениями. В крайнем случае, надо прибегнуть ко «лжи во благо».

Войдя в квартиру, Сергей с порога спросил:

– Маша, а сколько у нас денег осталось? Мы же их с собой не увезём?

– Господи, а что тут увозить? – риторическим вопросом на вопрос мужа ответила жена. – Крон сто осталось. Может, чуть больше. Продукты на дорогу купить... Всякую мелочь...

– Вот зачем нам всякая мелочь? И продукты из офицерского пайка ещё в холодильнике есть, на дорогу хватит. Давай, неси все деньги сюда!

Марина выложила на стол несколько купюр.

– Вот всё, что осталось.

Сергей тоже достал из кармана какие-то мелкие деньги, пересчитал всё и сказал:

– У нас почти сто восемьдесят крон, а это – немало. Можно что-то конкретное купить. Что нам надо?

– Да вроде всё, что надо, есть. Куртки демисезонной у тебя хорошей нет. Но я неделю назад смотрела, ничего приличного... А сам понимаешь, что то, что приличное, на эти деньги не купишь.

– Ты смотрела здесь, а я предлагаю съездить в Хрудим. Вернее, не я предлагаю, а через полчаса туда едет капитан Парижор. Помнишь, такой рыжий... из сапёрного батальона? Он тоже скоро заменяется и... хочет там что-то посмотреть.

То, что в Хрудиме, городе, расположенном в полчаса езды от них, магазины побольше и выбор получше, Марина знала. Несколько раз вместе с Сергеем она туда ездила, и много чего они там купили.

Зачем Сергей приплёл к своему плану Парижора, он ещё сам не понимал. Эта мысль пришла к нему только что. Тут было важно, чтобы Марина не собралась ехать вместе с мужем, тратить остатки денег.

– Вот я с ним съезжу быстро... туда и назад. Через пару часов вернусь. Может, что хорошее и найду, – высказал Сергей главную свою мысль. – А ты отдыхай, с этими сборами намаялась...

В квартире повисла небольшая пауза. Сергей стоял, весь внутренне напрягшись в ожидании вердикта.

– Наверное, ты прав, – после небольших колебаний спокойно сказала Марина. – Покушай и езжай. А мне есть чем заниматься.

Из уст Сергея чуть было не вырвался вздох облегчения, но он вовремя себя сдержал. Офицер должен уметь сдерживать свои эмоции, держать себя в руках, даже в самые напряжённые моменты, иначе ему «грош – цена». Он просто тогда профессионально непригоден.

Примерно через час Сергей уже выходил из автобуса в центре Хрудима. Он здесь был несколько раз и ориентировался неплохо. Вскоре он зашёл в большой мага-

зин с вывеской «Oblečení», туда, где они раньше покупали одежду для Марины. Прошёл в отдел мужской одежды. А вот и куртки!

Сергей прошёлся вдоль одного ряда, затем – вдоль второго. Всё – не то! В одном углу он остановился, потому что такой чёрный кожаный плащ видел лишь в кино, то ли у Бельмондо, то ли у Алана Делона, то ли у Челентано. А может быть и у всех сразу. В меру длинный, в меру короткий... Александров посмотрел на ценник, на котором стояло число «550», поморщился и уже собрался уходить, когда к нему подошла продавщица.

– Dobry den, čím mohu pomoci?

За пять лет нахождения в любой стране и общения с её гражданами, наверное, нельзя полностью овладеть языком, но понимать основные фразы научиться можно. А чешский язык, который похож и на украинский, и на польский, – не самый трудный для понимания. Конечно, это не болгарский, который и учить-то не надо, но... Короче, Сергей понял, что продавщица хочет ему помочь, и на ломаном русско-чешском языке объяснил, что ему нравится вот этот плащ, но не нравится цена.

– Chvilku! – сказала продавщица и подвела его к стеллажу, где показала такой же плащ, но только коричневого цвета. – A podivejte se na to. Sleva!

«Ну слева, так слева. Хорошо, что не справа», – подумал Сергей, но, когда увидел, что на ценнике число «550» зачёркнуто красной линией, под которой ручкой написано число «450», понял, что речь идёт об уценке или скидке, что на чешском языке и звучит, как «слева». Чёрные плащи, видно, хорошо продавались, а коричневые – не очень. Он же раньше такое видел! Не продаётся какая-то вещь какое-то время, её просто уценивают. Не продаётся опять – снова уценивают. Европа!

Надев плащ для примерки, Сергей подошёл к зерка-

лу. Он привык себя видеть в военной форме, а тут из зеркала на него смотрел почти незнакомый ему молодой человек в модном плаще. Сергею почему-то в эту минуту вспомнился анекдот, который в Москве на концерте он услышал от конферансье Бориса Брунова. Анекдот был о том, как человеку в ателье плохо пошили костюм: один рукав короче другого, да и со штанинами такая же проблема. Но мастер сказал, что если правую руку немного отвести в сторону, а на левую ногу присесть, то недостатки будут незаметны. Человек так и сделал, расплатился и в новом костюме ушёл, приседая на левую ногу и оттопыривая правую руку. Навстречу ему попались две женщины, одна из которых сказала другой: «Вот видишь, наконец-то и у нас шить научились. Посмотри, урод – уродом, а костюм как вылитый!».

Сергей, довольный не столько своим внешним видом, а тем, что положительное решение задачи по судьбе злосчастной купюры начало приобретать реальные очертания, уже хотел рассказать этот анекдот продавщице, но сообразив, что она его вряд ли поймёт, закивал головой, показывая всем своим видом, что эта вещь ему подходит и он её покупает.

Оставив деньги на автобус и пять крон – «на всякий случай», Сергей за то, что осталось после покупки плаща, купил в соседних магазинах охотничий нож и две шариковые ручки, одну с красной пастой, вторую – с синей. Нож ему завтра на глазах у жены «подарит» Дуда, как бы на память от офицеров роты, когда приедет на машине за вещами. А вот ручки пригодились прямо на автобусной остановке для приведения ценника на плаще в окончательный вид. Сергей зачеркнул число «450» на ценнике и аккуратно вывел ниже число «350», затем, повторив операцию, написал ещё ниже – «200».

Когда, вернувшись домой, он по требованию жены

надел плащ, то она, осмотрев мужа со всех сторон, осталась довольна покупкой и такими вот «правильными правилами», когда вещи в магазинах регулярно уцениваются. Удовлетворило жену и объяснение Сергея, что недостающие двадцать пять крон, ему отдал Парижор, так как был должен ещё со времён совместного их проживания в общежитии.

С тех пор по жизни, как и по службе, офицер Сергей Александров всегда оценивал ситуацию, когда можно говорить правду, а когда лучше промолчать, потому что убедился, что неправду говорят тому, кому правду говорить опасно. Да и никто не отменял чью-то умную мысль: «Ложь, преследующая благую цель, лучше правды, ведущей к бедствию». Истина, конечно, где-то посередине. Правда у каждого своя, а вот истина одна. Как-то по телевизору Сергей видел какую-то передачу, где обыгрывалась ситуация, когда преподаватель, показывая студентам книгу чёрного цвета, утверждал, что она – красная. Студенты, естественно, возмущались, потому что видели чёрную книгу. Тогда преподаватель повернул книгу обратной стороной и показал её студентам. Оказалось, что с другой стороны, обращённой ранее к преподавателю, обложка книги, действительно, была красной. То есть книга была красно-чёрной, но в момент эксперимента каждый видел свою сторону. И все вроде были правы, но у каждого была своя правда, потому что истина находилась посередине.

Да и никто, например, из врачей не говорит смертельно больному человеку что, мол, так и так... готовьтесь к худшему, потому что я – честный врач и всегда пациентам говорю правду. Жизнь – штука разнообразная, порою – парадоксальная. А для военного человека главное, чтобы из любой ситуации он мог выйти со словами: «Честь имею!»

Глава одиннадцатая
О дружбе, предательстве и наказании
(Октябрь 80-го года)

I

Председатель Комитета Государственной безопасности СССР, по совместительству – член Политбюро ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда генерал армии Юрий Владимирович Андропов прошёл сквозь приёмную, мельком взглянув на круглые настенные часы, показывающие без нескольких минут девять, кивком головы поприветствовал двух офицеров госбезопасности, бесшумно вскочивших со своих мест при его появлении, и вошёл в свой кабинет в здании на площади Дзержинского. На длинном чёрном пальто и тёмно-серой фетровой шляпе, надетых на руководителя КГБ, блестели капельки октябрьского дождя, с утра зарядившего в Москве. Седовласый председатель КГБ был высокого роста, носил очки и скорее был похож на профессора, чем на руководителя мощной системы органов государственной безопасности Советского Союза. Словно стесняясь своего роста, он немного горбился, поэтому казалось, что он таким образом демонстрирует скромность, простоту и даже определённую неуверенность и в то же время – готовность исполнить любое указание советского руководства.

Сняв шляпу и пальто, оставшись в тёмном костюме, Андропов повесил верхнюю одежду в шкаф и между деревянной тумбой с бюстом Дзержинского и большим столом для совещаний, прошёл к рабочему столу, рядом с которым на отдельном столике стояли телефоны и импортная телефонная книга на 500 абонентских номеров с автонабором и памятью. Камин в углу и большая карта страны на противоположной стене завершали оформление кабинета. Слева от рабочего стола, в углу кабинета, находилась дверь, ведущая в комнату отдыха.

Заняв столь высокий и ответственный пост 13 лет тому назад, Андропов не стал, проводить революционные преобразования в своём ведомстве, но перестройка по отдельным направлениям, несомненно, произошла. В своей предыдущей работе, как и сейчас на посту Председателя КГБ, Андропов следовал нескольким фундаментальным принципам, основными среди которых являлись: знание по всем направлениям (документов, политических, социальных и экономических процессов, научных исследований и публикаций социально-политического характера); твёрдость убеждений в правильности социалистического пути развития страны; соблюдение законности в делах государственной безопасности. Был у него свой принцип отношения к информации, к устным докладам. Доклад без предложений о том, что надо предпринять в соответствии с той или иной информацией, он считал пустым и неполным.

Подчинённые знали эти принципы своего начальника и придерживались их в полной мере. Знали они также, что их шеф не пил, не курил, не кричал, писал стихи, периодически вставляя в них нецензурные словечки, любил музыку и сам хорошо пел, любил играть в домино и болел за хоккейный клуб «Динамо». Кроме того, они знали, что у председателя барахлят почки, а после подхва-

ченной в январе в Афганистане оспы осложнения повлияли и на зрение, но проблемы со здоровьем ничуть не ослабили напряжённого графика работы. Приезжал Андропов к девяти утра и уезжал в девять вечера, а то и позже. Днём он час отдыхал, обедал и возвращался в свой кабинет, который покидал только для личного доклада или доведения срочных бумаг Брежневу, подчиняясь только ему, посещения один-два раза в неделю своего другого кабинета в Ясеневе для решения вопросов, связанных с разведкой, а также для посещения больницы и проведения различных медицинских процедур. Приезжал он на работу на несколько часов и в субботу, и в воскресенье. Единственное развлечение, которое позволял себе Андропов, – это ежевечерние прогулки по десять тысяч шагов, которые ему приписал личный врач. Отпуск он проводил по установившейся схеме: две недели в Крыму и две недели в Минеральных Водах.

Впервые Андропов приехал в Ставропольский край отдохнуть и подлечиться в апреле 1969-го года и разместился в санатории 4-го главного управления «Дубовая роща» в Железноводске. Приветствовать члена Политбюро ЦК КПСС прибыли первый секретарь крайкома Леонид Ефремов, второй секретарь крайкома Михаил Горбачёв и начальник краевого управления госбезопасности Эдуард Нордман. Впоследствии Андропов предпочитал приезжать в санаторий «Красные камни» в Кисловодске, где был особняк для членов политбюро. Кстати, Михаил Сергеевич Горбачёв тоже стал брать отпуск в это время и селиться там же, в «Красных камнях». Вместе они гуляли и играли в домино. Андропов уже стал подумывать о том, чтобы взять Горбачёва в КГБ на должность своего заместителя по кадрам, но тут как раз того назначили первым секретарём Ставропольского крайкома.

«Опоздал я, опоздал», – сказал тогда Андропов, да-

же не зная и не думая, как бы изменилась история его страны, если бы он не опоздал. Ведь тогда у Горбачёва появились бы все шансы возглавить со временем КГБ. Но с большой долей вероятности исчезла бы возможность стать Генеральным секретарём ЦК КПСС. Но это уже другая история... Да, в прошлые выходные Андропов ездил на дачу, где видел и разговаривал с Горбачёвым, потому что тот, став членом Политбюро и сравнявшись в партийном ранге с Андроповым, обосновался на даче рядом с дачей председателя КГБ. Сосед по даче, товарищ по партии — эти определения в данном случае никак не предполагали такого понятия, как «дружба». Дружеских отношений в верхних эшелонах власти старались избегать, так как они в определённый момент могли помешать принятию важных объективных решений, не зависящих от каких-то субъективных причин.

Так в прошлом году ведомство Андропова раскрыло целую сеть злоупотреблений в так называемой «рыбной мафии», нити которой тянулись от капитанов рыболовецких судов и директоров рыбоперерабатывающих заводов до чиновников министерства рыбного хозяйства СССР, включая министра товарища Ишкова. В уголовном деле были замешаны сотни высокопоставленных чиновников. Через сеть фирменных магазинов «Океан», включающую более 150 магазинов по всей стране, принадлежащих министерству рыбного хозяйства, реализовывались в большом количестве излишки рыбной продукции, в том числе и икра, которая наравне с золотом считалась продуктом государственной важности. Ведь Советский Союз считался монополистом по продаже чёрной икры, экспортируя её по всему миру и получая огромные доходы в государственную казну. Но оказалось, что *большая* часть этой выручки уплывает мимо казны в карманы нечистоплотных чиновников. Когда Андропов с этой ин-

формацией пришёл к Брежневу и доложил, то Брежнев сказал:

– Юрий Владимирович, но ты же понимаешь, что Ишков Александр Акимович мой друг. И он не может быть замешанным ни в каких махинациях. Я допускаю, что его заместитель... как его там?

– Владимир Рытов, – подсказал Андропов Генеральному секретарю ЦК КПСС.

– Вот именно! Этот Рытов и крутит там в рыбном министерстве, подставляя своего начальника. Я думаю, что дело обстоит именно так.

В результате министр рыбного хозяйства СССР Александр Ишков без шума был отправлен на пенсию, а заместителя министра Владимира Рытова суд приговорил к высшей мере. Чтобы дело не получило лишней огласки и не всплыли дополнительные подробности, приговор практически сразу привели в исполнение.

Поэтому Андропов, обладая доступом к информации почти о любом государственном служащем, не стремился менять служебные отношения на дружеские. Жил скромно, как говорится, на одну зарплату. Особо приближённые к Андропову лица, а также финансисты знали также, что к семистам рублям министерского жалования тот получал четыреста рублей прибавки за воинское звание и выслугу лет, которые перечислял в детский дом.

Естественно, от своих подчинённых, включая и работников на местах, Андропов требовал не оставлять без внимания и соответственно реагировать на информацию о том, что такой-то чиновник или партработник живёт не по средствам. Конечно, такие случаи имели место... Кому-то хватало и разговора «по душам», а кого-то приходилось и «бить по рукам». А были и особые случаи... Как, например, с послом СССР в Канаде Александром Николаевичем Яковлевым.

Сначала появилась информация, что тот живёт сильно не по средствам. А когда выяснилось, что расходы Яковлева превышают не только его зарплату, но и вообще всю сумму, которая выделялась на представительские расходы посольства, то Андропов взял под личный контроль разбирательство по этому делу. Была ещё одна причина для такого внимания к послу со стороны Председателя КГБ СССР. Яковлев до направления в 1973-м году в Канаду работал в аппарате ЦК КПСС, исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, где непосредственно трудился под руководством секретаря ЦК по идеологии М.А. Суслова, а также являлся членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. В конце концов, бумаги о назначении Яковлева на высокие должности подписывал Брежнев. А так как происхождение дорогих вещей посол Яковлев объяснял незамысловато, мол, это всё подарки, то пришлось подключать не только внешнюю разведку, но и спецрезидентуру, связанную лично с Андроповым. Сначала насторожил тот факт, что, оказывается, в 1958-1959 годах Яковлев стажировался в Колумбийском университете в США. А когда высокопоставленный источник в США сообщил, что ЦРУ находится на связи с российским послом в Канаде, то Андропов понял, что с такой информацией надо идти лично к товарищу Брежневу. Нет, речь не шла о том, что посол Яковлев является американским шпионом, он, вероятней всего, не передавал американской разведке никакие государственные секреты, то есть под соответствующую уголовную статью он не попадал. Но под понятие «агент влияния» подходил по всем параметрам. Выяснилось, что научным руководителем Яковлева во время стажировки в американском университете был профессор Дэвид Трумен, известный своими антикоммунистическими взглядами, которые впоследствии стали идеологией Яковлева.

Андропов подготовил записку для Брежнева о Яковлеве и лично повез её Генеральному секретарю. Но Брежнев ему не поверил, решив, что между главой КГБ и Яковлевым какая-то личная неприязнь. «Среди членов ЦК предателей быть не может» – написал Брежнев на записке Андропова. Вернувшись в здание КГБ, Андропов порвал написанную в одном экземпляре записку на глазах своего заместителя Виктора Чебрикова. На ближайшем заседании Политбюро ЦК КПСС Андропов предложил снять Яковлева с должности, как не справившегося с обязанностями, мотивируя своё предложение тем, что за последние несколько лет 17 сотрудников советского посольства были высланы из Канады «за деятельность, несовместимую со статусом дипломата». Однако могущественный Суслов заступился за своего бывшего сотрудника, заявив, что Яковлева послом не КГБ назначал.

(Пройдёт около 10 лет, и подобную бумагу на «агента влияния» Яковлева, к тому времени секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС, об участвовавших его несанкционированных контактах с представителями западных спецслужб Председатель КГБ СССР Владимир Крючков представит Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачёву. Реакции не последует, кроме констатации со стороны Горбачёва: «...Неужели это опять Колумбийский университет? Да-а-а... Нехорошо это. Нехорошо».

Лишь в августе 1991-го года, за несколько месяцев до запрета КПСС и краха СССР Александра Яковлева, главного идеолога «перестройки» и развала СССР, бывшего старшего советника Первого президента СССР Горбачёва, исключат из компартии. Но запущенный им механизм развала страны остановить было уже невозможно).

Андропов понимал, что сегодняшний день в конце октября 1980-го года будет хлопотным, так как информации, на которую надо реагировать, много. Хотя эти зада-

чи не идут ни в какое сравнение с оставшимися позади утомительными и беспокойными хлопотами, связанными с обеспечением безопасности XXII Олимпийских игр, проведённых с 19 июля по 3 августа 1980-го года впервые не только в Советском Союзе, но и в социалистической стране вообще.

Сложность заключалась, в первую очередь, в том, что у всех в памяти была трагедия, случившаяся на Олимпийских играх 1972-го года в Мюнхене, когда от рук террористов погибло 11 членов израильской команды и один полицейский. Пришлось разрабатывать меры борьбы со всевозможными видами угроз, от идеологических до непосредственно связанных с террористическими актами.

Уже в 1972-м году по инициативе Андропова секретным приказом № 0089/ОВ («особой важности») в 5-м управлении КГБ СССР было создано особое подразделение «А» по пресечению террористических и диверсионных акций, впоследствии ставшее известным как подразделение «Альфа». Хорошо проявили себя «Альфа» и аналогичное подразделение «Вымпел» в декабре прошлого года при захвате дворца Амина в Кабуле на начальном этапе операции по вводу советских войск в Афганистан.

Но началом успешных действий «Альфы» была история с обезвреживанием террориста, проникнувшего в марте прошлого года в посольство США в Москве. Задача усложнялась тем обстоятельством, что территория посольства – это с юридической точки зрения территория другого государства, где все действия необходимо согласовывать на самом высоком уровне с обеих сторон. Но посол США в СССР Малкольм Тун без согласования с Вашингтоном лично принял решение довериться в этом вопросе советским властям, чтобы не упустить драгоценное время. Командир группы Геннадий Зайцев отправился в помещение консульского отдела к террористу

один, чтобы убедить того отказаться от агрессивного замысла, взорвать самодельное взрывное устройство. Выяснилось, что 23-летний житель Херсона Юрий Власенко, моряк по профессии, приехал поступать в МГУ и провалил экзамены. Неудача привела его к решению, собрать самодельную бомбу, проникнуть на территорию американского посольства и потребовать, чтобы его в машине посольства отвезли в аэропорт, посадили в самолёт и отправили в США. У Зайцева возникло подозрение, подтвердившееся позже, о наличии у террориста психического расстройства. Переговоры ни к чему не привели, и Зайцев покинул помещение, после чего начался штурм. Раненому в руку террористу удалось привести в действие взрывное устройство. В консульском отделе начался пожар, но его удалось быстро локализовать. Кроме погибшего экстремиста не пострадал никто, а материальный ущерб посольству, по признанию самих американцев, оказался минимальным.

Жизнь показала, что наличие такого спецподразделения является необходимым условием для обеспечения защиты интересов как отдельных граждан, так и всей страны. Всё чаще стали происходить попытки захвата самолётов с заложниками, когда только умелые действия спецназовцев предотвращали гибель большого числа людей. А 20 мая 1978-го года сотрудникам «Альфы» во главе со своим командиром Геннадием Зайцевым довелось впервые вылететь за границу для участия в политической акции. В международном аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке был проведён обмен. Американцы возвращали нам двух разведчиков, Вальдика Энгера и Рудольфа Черняева, осуждённых в США за шпионаж и приговорённых к 50 годам тюремного заключения, а Советский Союз передавал в США пятерых диссидентов, в их числе Эдуарда Кузнецова и Марка Дымшица, участников

того самого «ленинградского самолётного дела» в 1970-м году, когда была предотвращена попытка захвата пассажирского самолёта и арестовано 12 человек.

Диссидентов, которых собирались передавать американцам, в самолёте разместили с таким расчётом, чтобы каждый из них оказался между двумя сотрудниками «Альфы». Этим же рейсом летели и американские туристы, возвращающиеся домой из поездки по Советскому Союзу. По прилёту в США самолёт отогнали от пассажирского терминала к ангару и начались переговоры о схеме обмена. Наши настояли на использовании двух трапов, чтобы, когда по одному трапу спускается диссидент, в это время по второму поднимается кто-то из советских граждан (разведчики-то, сотрудники секретариата ООН, улетали домой в сопровождении жён). Так и поступили.

Конечно, при создании такого специального подразделения, как «Альфа», изучался опыт формирования и применения подобных подразделений в других странах. И в первую очередь – в США и Великобритании,

Причём, надо сказать, что опыт там нарабатывался не только в ходе успешных операций, но и случались провальные дела. Успехи и недостатки в действиях спецподразделений других стран подробно изучались соответствующими нашими специалистами.

Положительными явились действия спецподразделения вооружённых сил Великобритании (Специальной авиадесантной группы – САС), а именно двух групп общей численностью в 60 человек из 22-го полка САС под командованием подполковника Майка Роуза в ходе операции «Нимрод», когда 5 мая 1980 года они пошли на штурм иранского посольства в Лондоне, которое группа арабских сепаратистов захватила вместе с заложниками 30 апреля. Спецоперация продолжалась 17 минут. Из шести террористов пятеро были убиты в ходе штурма,

один – задержан. Из 19-ти заложников, находившихся в здании на момент штурма один погиб, двое были ранены. Один из бойцов САС получил ожоги и травмы.

Что касается США, то изучался опыт действий спецподразделения «котиков» из Корпуса морской пехоты и флота, а также отряда «Дельта» ЦРУ. Здесь можно вести разговор об отрицательном опыте «Дельты», которая 24 апреля 1980 года начала операцию «Орлиный коготь», которой руководил полковник Чарльз Беквит, предприняв попытку силового освобождения заложников, находившихся в посольстве США в Тегеране. Это была одна из самых провальных американских спецопераций за всю историю, так как рейнджеры были вынуждены прекратить операцию, даже не добравшись ни до Тегерана, ни до самого посольства и даже не приступив к непосредственному их освобождению, потому что в начальной фазе операции потеряли 8 человек, 7 вертолётов (5 из которых просто были брошены и достались иранцам в качестве трофеев), один военно-транспортный самолёт «Геркулес» и 130 миллионов долларов, потраченных на подготовку операции. Когда Андропову, вообще-то, гражданскому человеку без какого-либо военного или специального образования, доложили примерный план американской операции, то и он обратил внимание на то, что такой сложный план больше похож на сценарий какого-нибудь голливудского боевика, чем на реально достижимый порядок действий спецподразделения в чужой стране. По всей видимости президенту США Джимми Картеру, разрешившему проведение такой операции, руководство ЦРУ и советники просто на бумаге нарисовали красивую картинку.

Была ещё одна неожиданная проблема, с которой пришлось столкнуться буквально за год до начала XXII Олимпийских игр в СССР. В начале апреля 1979-го года в

городе Свердловске случилась вспышка особо опасного инфекционного заболевания – сибирской язвы. Когда информация об этом дошла до руководства страны, то кроме ведомств, ответственных за локализацию очага заражения, лечение людей и установление причины заражения, задачи были поставлены и силовым структурам, МВД и КГБ, связанные с мерами информационного прикрытия, а местами и скрывтия истинного положения вещей. В стране скоро состоится Олимпиада, и упоминание об опасных болезнях, возможных эпидемиях и т.д., крайне нежелательно. Вопрос: кто виноват? – военная биолaborатория «Свердловск-19» или это был диверсионно-террористический акт сотрудников иностранных спецслужб в преддверии Олимпиады (иначе, как можно объяснить тот факт, что первый человек заболел 4 апреля, а уже 5 апреля радиостанция «Голос Америки» сообщила о вспышке болезни в Свердловске?), а также иные версии отошли на второй план. Локализация заболевания и предотвращение утечки информации стали определяющими в этой истории.

Почти 70 дней длилась эта почти невидимая война с опасным заболеванием, унёсшим жизни 64 человека. Всё население Чкаловского района города Свердловска, а также военнослужащие нескольких военных городков, находящихся ближе всех к зоне заражения были вакцинированы. Лаборатория в засекреченном городке «Свердловск-19» была закрыта, чему в немалой степени способствовал товарищ Андропов.

Одним словом, вся предварительная работа органов государственной безопасности СССР не прошла даром. Олимпиада была проведена на самом высоком уровне безопасности. Андропову доложили, что в один из предпоследних олимпийских вечеров освещавшие состязания спортивные журналисты решили выяснить, какая же из

команд показала себя в XXII летних Играх наилучшим образом? Спор развернулся жаркий. Но все присутствовавшие согласились с тем, что лучшей на Олимпиаде стала «команда Андропова», под которой понимались те сотрудники правоохранительных органов, что обеспечивали безопасность спортсменов и гостей Москвы, Киева, Минска и Таллина, где проводились соревнования Олимпиады-80.

Конечно, жизнь москвичей в дни Олимпиады изменилась. С одной стороны, все антисоциальные элементы были временно убраны из Москвы, переселены за так называемый «101-й километр», но с другой – добавлены определённые ограничения, как в передвижении около мест проведения соревнований, так и в проведении массовых мероприятий, не связанных с Олимпиадой.

Уже после Олимпиады непосредственный подчинённый Андропова, начальник одного из управлений генерал Давыдовский рассказал шефу о случае, произошедшем в дни Олимпиады, связанным с Леоновым. Нет, не космонавтом, впервые вышедшим в космос, Алексеем Леоновым, а с Евгением Леоновым, народным артистом СССР. Жизнь в Москве в эти дни продолжалась... как и продолжалась съёмка фильма «О бедном гусаре замолвите слово» режиссёра Рязанова. И вот по плану должна была сниматься сцена расстрела одного из героев фильма Афанасия Бубенцова, роль которого играл Евгений Леонов. Расстрел по сценарию был фальшивым, то есть, это была имитация расстрела, но персонаж Леонова всё равно должен был умереть. И эта сцена должна была сниматься на Воробьёвых горах. К съёмке всё готово, но из-за Олимпиады Воробьёвы горы объявили стратегическим объектом, так как там пролежала марафонская трасса. Съёмку, само собой, запретили. Тогда директор картины Борис Криштул поволок Леонова в КГБ. Всякими прав-

дами и неправдами они пробились в кабинет к Давыдовскому, который вместе с двумя офицерами, находящимися в кабинете, от удивления дар речи потеряли, увидев во плоти «пасть порву, моргала выколую». Криштул вытолкнул вперёд Леонова, рассчитывая, что тот всё толково объяснит, и все всё поймут и ситуацию разрешат. Но Леонов по обыкновению начал что-то стеснительно бормотать себе под нос и вдруг выдал: «Извините, надо, чтобы меня расстреляли». Генерал, опомнившись от такого заявления, разобравшись с ситуацией, пошутил, что мы, мол, не прокуратура, но разрешение дал: «Расстреливайте на здоровье!» – а потом достал из ящика стола фотографию Леонова в эковской майке и попросил автограф. Евгений Павлович написал: «Спасибо за то, что разрешили меня расстрелять».

Во время Олимпиады, можно сказать в её разгар, случилось ещё одно событие, печальное, трагическое, но тоже связанное с именем другого популярного актёра-артиста: смерть Владимира Высоцкого. 28 июля 1980 года Москва прощалась с ним. Официальных сообщений о смерти актёра не было, только вывеска над кассой театра на Таганке, где не было указано ни даты прощания, ни времени похорон. Шумные прощания с актёром и певцом, у которого со властью сложились специфические, местами неудобные отношения, не нужны были руководству страны. Но известие о трагедии облетело столицу моментально. Все три дня у здания театра, на соседних улицах стояли люди – ждали возможности проститься с любимым актером. В день похорон очередь к гробу растянулась на 9 километров. По оценкам ГУВД Москвы, проводить Владимира Семеновича в последний путь пришли 108 тысяч человек. За порядком наблюдала конная милиция. Да и чекистам тоже пришлось потрудиться.

Сам Андропов благосклонно относился к Высоцко-

му. Именно благодаря Председателю КГБ, певца не выслали из страны, он не только оставался на свободе, но и играл в театре, снимался в кино и выступал с концертами. Когда из ведомства Суслова пришло очередное предложение на высылку Высоцкого из страны, Андропов решил встретиться и переговорить на эту тему с Брежневым. Учитывая, что творчеством Высоцкого увлекалась дочь Леонида Ильича Галина, да и сам глава страны время от времени слушал его песни, разговор получился, и Высоцкого оставили в покое.

Проблемы сегодняшнего дня в конце октября 1980-го года, как рассчитывал Андропов, должны быть попроще, не связанными с необходимостью использования спецподразделений. Но связанные с прибытием вчера в СССР министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера по поводу обострения ситуации, касающейся возвращения немцев из СССР в Германию.

История эта началась ровно 30 лет назад, после посещения в 1950-м году федеральным канцлером ФРГ Конрадом Адэнауэром СССР и проведения переговоров с участием И.В. Сталина, результатом которых стало установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ и договорённость о начале возвращения немцев в Германию. Формально советские власти были не против возвращения граждан немецкой национальности на свою историческую родину, но конкретных предложений от немецкой стороны по выделению средств, земель, обустройстве возвращающихся не поступало. В Германии хватало проблем с восстановлением своей экономики, строительстве жилого фонда, поэтому по согласованию с властями ФРГ этот процесс проходил постепенно, можно сказать, дозированно, так как сразу принять и расселить большое количество желающих Германия не могла. Выезд регулировался таким образом, чтобы в среднем в год

уезжало не более 6-7 тысяч человек. Процесс эмиграции активизировался с 1972-го года, когда внутренние правила, ограничивающие немцев в выборе места проживания в СССР и невозможности свободного перемещения по территории страны, получили послабление. Но был ещё один фактор, сдерживающий эмиграционный процесс. Часть немцев из Восточных районов России и Казахстана являлись носителями секретной информации, в основном связанной со строительством важных (стратегических) объектов, и определённое время они обязаны были оставаться на территории СССР. Многие из них покидали места своего проживания в Сибири и Казахстане и переезжали в западные районы страны, Прибалтику, Украину и Молдавию, где ожидали наступления времени своего отъезда из СССР. Такие люди в СССР назывались «отказниками». И своё недовольство искусственным затягиванием своего отъезда они выражали в разных формах, вплоть до митингов перед зданием посольства Германии в Москве.

В 1980-м году проблема с отказниками обострилась. Во-первых, ввод советских войск в Афганистан обострил политическое противостояние между странами, в том числе между СССР и ФРГ. В период проведения летних Олимпийских игр Москва была фактически закрыта, и процедура оформления документов на отъезд из страны была свёрнута. Соответственно, после окончания Олимпиады многие немцы приехали в Москву, начали осаждать ОВИР, устраивать митинги и шествия. Участились случаи попыток прорыва на Красную площадь для публичного выражения своего недовольства. Конечно, все эти вопросы, включая контроль за всё усиливающимся потоком переселенцев немецкой национальности, потребовали пристального внимания чекистов.

В течение нескольких последних дней Андропову

докладывали об усилении напряжённости в этом вопросе в Москве. Несколько сот лиц немецкой национальности, в основном «отказники», осаждают ОВИР, а также пикетируют здание посольства Германии в Москве, и по оперативной информации собираются проникнуть на Красную площадь, чтобы буквально приковать себя цепями в районе Мавзолея, обратив таким образом внимание как советских властей, так и мирового сообщества на свои проблемы.

Андропов не любил, как говорится, махать шашкой, тем более, в массовом порядке. Он понимал, что любой процесс в социально-политической сфере, как положительный, так и со знаком минус, зависит от тех людей, кто возглавляет этот процесс.

— Вот эти ключевые фигуры и должны быть объектом нашего внимания, — говорил он, приводя один пример из своих наблюдений за работой сплавщиков леса в Карелии. — Когда на реке возникал затор из брёвен, сплавщики находили «ключевое» бревно и ловко его вытаскивали. Всё! Затор ликвидирован, сотни брёвен плывут дальше. Вот так лучше и действовать. А ещё и потому не надо увлекаться числом, что чем больше вы арестуете людей, тем больше будет шума на Западе.

Как доложили Андропову, одним из руководителей, организаторов таких противоправных, в общем, действий является некто Фенингер. Позавчера Андропову доложили информацию об этом человеке. Выяснилось, что несколько лет назад Фенингер — немец по национальности, образованный человек с двумя высшими образованиями, переселился из Сибири в Молдавию, где поселился в городе Бендеры. Вскоре он попадает в поле зрения бендерских чекистов из-за своей активной деятельности по установлению связей с экстремистски настроенными соотечественниками с Украины, Сибири, Казахстана и При-

балтики. Несколько раз с Фенингером встречался и проводил с ним беседы старший оперуполномоченный Бендерского райотдела КГБ майор Эдуард Садовский, объясняя ситуацию, призывая к спокойствию и недопущению экстремистских действий. И вот этот Фенингер, прибывший в Москву из Бендер, и мутит тут воду.

– Так вызовите этого Садовского в Москву, пусть помогает своего Фенингера найти, опознать и задержать! – распорядился Андропов.

Так и поступили. Вчера утром Садовский самолётом прибыл в Москву, а вечером Андропову доложили, что всё начало затихать, так как этот Садовский нашёл «своего» Фенингера, переговорил с ним, и немцы все мероприятия, запланированные на сегодня, включая «поход» на Красную площадь вроде отменили.

На недовольное замечание Андропова, что понятие «вроде» его не устраивает, помощник ответил, что в телефонном разговоре Садовский дал гарантию, что никаких эксцессов в ближайшее время не будет. Более подробно о проделанной работе Садовский обещал изложить в докладной записке, которую составит или поздно ночью, или рано утром.

– Как только эта бумага появится, передайте её в приёмную, пусть ожидает меня, – дал указание Андропов и уехал вчера домой.

Сейчас Андропов сел в кресло, протянул руку к пульту внутренней связи и спросил у дежурного, есть ли срочные материалы.

– Так точно! – ответил дежурный офицер.

Он вошёл в кабинет и, передав папку начальнику, уже собирался уходить, но Андропов движением руки остановил подчинённого и открыл папку.

Первым документом там лежала докладная записка майора Садовского. Прочитав её, Андропов понял, что

для решения задачи по поиску Фенингера в Москве бендерскому оперативнику выделили автомобиль и нескольких московских чекистов. Для изучения обстановки Садовский тут же выехал в ОВИР, где находилось около 80 «отказников», а затем – к зданию германского посольства, где митинговало несколько сот человек. Они ожидали прибытия в СССР министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера и требовали встречи с ним. Фенингера нигде не было видно. И вдруг, уже отъезжая от здания посольства, Садовский заметил того. Вместе с десятком окружавших его людей он направлялся к митингующим у здания посольства. Майор Садовский остановил машину и подошёл прямо к Фенингеру, поздоровался и начал с ним беседовать. В основном речь шла о последствиях, к которым могут привести непродуманные и не согласованные ни с кем, включая представителей германского посольства, действия «отказников». Тем более, что даже чисто «физически» Западная Германия не может сразу принять такое большое количество желающих уехать. Всё закончится тем, что советские органы вынуждены будут применить силу. Для многих, в том числе и лично для Фенингера, как организатора этих действий, всё закончится плачевно: арестом и судом. Поэтому лучшим выходом для всех является немедленное прекращение всех этих «безобразий», а лично для Фенингера – немедленное возвращение в Бендеры.

– Короче, я жду тебя завтра в восемь утра в аэропорту, для вылета в Кишинёв, – такими словами закончил разговор Садовский и уехал в гостиницу.

На этом рапорт заканчивался.

Андропов поднял глаза на офицера, стоящего у стола, и спросил:

– И как обстановка с «отказниками»?

Дежурный офицер уже привык к острой пронзитель-

ности взгляда прозрачно-голубых, ледяного цвета глаз своего начальника, всегда держащегося со своими подчинёнными спокойно и холодно. Выдержав этот взгляд, офицер чётко доложил, что обстановка спокойная, все митинги прекратились, «отказники» разошлись.

Не успела за офицером закрыться дверь, как в кабинете зазвонил телефон. Звонок был из Министерства иностранных дел СССР.

– Юрий Владимирович! – раздался в трубке голос министра иностранных дел Громыко, – Тут меня с утра министр иностранных дел Западной Германии господин Геншер донимает. Ты знаешь, что он вчера приехал в связи с напряжённой ситуацией среди «отказников». Мол, шум-гам, митинги... Ему его представители доложили о событиях последних дней, и о том, что все планируемые «отказниками» мероприятия сорвал некто «Садовский». Кто такой Садовский он не знает. Я тоже не знаю. Господин Геншер просит, чтобы я спросил об этом тебя. Он бы и сам тебя спросил, но ты же немецкий язык не знаешь, пришлось бы с переводчиком мучиться.

– Андрей Андреевич, передай господину Геншеру, что Садовский – это наш работник. Он беседовал с митингующими. Немецкое правительство просило же, не допускать одномоментного массового выезда соотечественников. Никакого насилия не было. Люди самостоятельно разошлись, – ответил в трубку на поставленный вопрос Председатель КГБ СССР.

Ближе к вечеру Андропов вызвал к себе работника кадров и дал указание, представить сотрудника Бендерского райотделения КГБ майора Садовского Эдуарда Григорьевича к награде.

– Но ваш заместитель Пирожков Владимир Петрович требует уволить его.

– Не понял. С этого места поподробней.

И кадровик, который в связи с требованием товарища Пирожкова уже переговорил по телефону и с самим Садовским, и с одним из его прямых начальников – заместителем председателя КГБ Молдавской ССР генерал-майором Д. Мунтян, и имел полное представление о произошедших событиях, рассказал о них Председателю КГБ. Картина получилась следующая:

Вчера вечером, когда Садовский ещё находился в московской гостинице, в его номере раздался телефонный звонок. Звонивший долго ругал Садовского за его неправильные действия, что он не задержал Фенингера, а отпустил его. Доводы Садовского о том, что он действовал по обстановке, и, главное, – протесты «отказников» прекратятся, не действовали. В конце ему сказали: «Будете говорить с самим Владимиром Петровичем!».

Садовский пожал плечами, так как это имя и отчество ничего ему не говорили.

– Ну что вы, товарищ Садовский, тут натворили? – раздался в трубке раздражённый начальствующий голос.

– Ничего плохого. Я думаю, что добился главного: все эти митинги должны завтра прекратиться, да и к Мавзолею вряд ли кто пойдёт.

– Да что вы себе позволяете?! Мы вас накажем за самоуправство. Я, как ваш начальник, заявляю...

– У меня таких начальников от Кишинёва до Москвы очень много, – сказал Садовский и положил трубку.

Утром за ним, как договаривались ранее, заехала машина, и Садовский поехал в аэропорт. На ступеньках у входа в здание сидел в ожидании вылета Фенингер.

По возвращении в Бендеры Садовского догнал телефонный звонок из Кишинёва. Звонил заместитель председателя КГБ Молдавской ССР генерал-майор Д. Мунтян, рассказавший Садовскому, что из Москвы требуют уволить его из органов, так как он нагрубил самому замести-

телю Председателя КГБ СССР. На что Садовский ответил, что звонивший не представился по телефону. Откуда, мол, он знал, что это звонит заместитель. «Я задание, которое мне поручили, выполнил успешно, что всем от меня надо?» – сказал Садовский и добавил, что он будет писать Андропову.

– Вот собственно и всё! – закончил свой доклад кадровик. – В настоящее время и Садовский, и... Фенингер находятся дома... в Бендерах.

– Ну, и молодец этот Садовский! – порадовался за сотрудника Андропов. – Сотрудник из периферии утёр нос нашим московским чекистам. Это настоящий оперработник! Но с наградой воздержимся. Передайте ему мою личную благодарность.

Когда кадровик вышел, Андропов некоторое время поразмышлял, что если бы не эта история с немцами, то и работал бы спокойно этот майор Садовский в Молдавии. А так и в Москве побывал, и себя показал...

«Ох уж беспокойный народ эти немцы! – подумал Андропов. – Вроде умная нация, организованная, любящая дисциплину и порядок. Но проблемы любит всем создавать грандиозные, широкомасштабные».

Он вспомнил, сколько сил потребовала тайная операция, связанная с Германией и проведённая его ведомством 10 лет назад, в результате которой 4 апреля 1970-го года останки Гитлера и его приближённых были уничтожены, сожжены и выброшены в реку. Чтобы ни его останки, ни место захоронения не превратились со временем в какие-то символы, места сборищ неонацистов.

Юрий Владимирович оделся и вышел из кабинета. Он знал, что в архиве его ведомства продолжают храниться зубные протезы и часть черепа Гитлера с входным пулевым отверстием, а также боковые ручки дивана из бункера со следами крови бывшего фюрера Германии.

II

Поезд «Оренбург-Москва» подошёл к перрону Пензенского вокзала. Пенза встретила старшего лейтенанта Сергея Александрова, сошедшего с поезда, прохладной осенней погодой с порывистым ветром. Дождь, поливавший поезд с середины ночи и всё утро, почти прекратился. Да он и не мешал пассажирам, потому что с крытого перрона они сразу попадали в подземный переход, а оттуда – в просторный зал в цокольной части вокзала.

Сергей здесь уже был ровно две недели назад, когда во главе так называемой «рабочей команды» количеством в 80 человек, прибыл в Пензу в командировку. Правда, тогда они прибыли другим поездом, высадившим их в Пензе ранним утром. Вокзал тогда был почти безлюдный, и Сергей, оставив свою команду внизу, занялся поисками военного коменданта, чтобы уточнить, где в Пензе находится воинская часть, указанная в командировочном предписании.

Помощника военного коменданта он нашёл в комнате на первом этаже вокзала, спящего и долго не понимающего, чего от него в такую рань хочет этот настырный незнакомый офицер.

– Товарищ лейтенант, – спокойно сказал Сергей, – Я хочу пока одного, чтобы вы поняли, что под вами... под зданием вашего красивого вокзала находится почти сто человек... солдат срочной службы. Они только что выгрузились из поезда и ещё не до конца проснулись. Но поверьте мне, что минут через десять-пятнадцать они проснутся окончательно. И я не даю никакой гарантии, относительно целостности здания вашего вокзала. Чем быстрее мы определимся вот с этой воинской частью, –

Сергей ткнул помощнику коменданта командировочное предписание с номером части, – чем быстрее туда позвоним и сообщим, что мы приехали, тем быстрее за нами приедет транспорт, и тем выше будут шансы уцелеть вашему вокзалу.

Чтобы окончательно ускорить действия офицера Сергей добавил:

– Чувствую, что неприятностей у вас давно не было, и что такое мина с замедленным взрывателем вы не знаете.

Эти слова окончательно привели в чувство помощника коменданта и буквально через несколько минут тот определил, что под этим номером числится Пензенское высшее артиллерийское инженерное училище, точнее, не само училище, а воинская часть, обеспечивающая учебный процесс в этом училище. Но располагается она на территории училища, куда он быстро дозвонился и узнал, что машины уже выехали и с минуты на минуту подъедут к вокзалу.

– Молодец! – похвалил тогда Сергей молодого офицера. – Можешь, когда захочешь!

А вскоре их колонна уже въехала на территорию училища и остановилась напротив одноэтажной казармы, предназначенной для размещения прибывшей рабочей команды.

Дело в том, что в армии не круглый год идёт боевая подготовка со стрельбой, вождением, тактическими и строевыми занятиями. Весной и осенью между пятимесячными периодами боевой учёбы существуют так называемые «подготовительные периоды», когда войска принимают пополнение, готовят учебно-материальную базу, что-то строят или ремонтируют. Вот по решению Командующего округом для выполнения определённых строительных работ в Пензенское артиллерийское

училище на месяц была направлена рабочая команда из гарнизона, где служит в должности командира мотострелковой роты старший лейтенант Сергей Александров, полгода назад прибывший в этот гарнизон из Чехословакии для дальнейшего продолжения службы. Эта рабочая команда состояла наполовину из роты Александрова, а вторую половину составляли солдаты из миномётной батареи и отдельных взводов мотострелкового батальона, в котором служил Александров. Сам Александров и был назначен старшим этой команды. С собой он взял и двух своих командиров взводов.

Александров разместил своих подчинённых в казарме, а с утра начались рабочие будни. Личный состав был разделён на отдельные рабочие группы, распределённые по различным объектам, строящимся или ремонтируемым на территории артиллерийского училища. Так прошло несколько дней, после чего в училище прибыл майор Фирсов для временной замены старшего лейтенанта Александрова, которому было приказано вернуться в гарнизон для участия в недельных сборах командиров рот, обычно проводимых в этот самый рабочий период.

Майора этого Александров не знал, так как за полгода свой службы на новом месте ещё не со всеми познакомился. Позже он узнал, что политработник майор Фирсов, то ли секретарь парткома, то ли пропагандист, сам вызвался поехать в командировку в Пензу, чтобы подменить здесь старшего команды, так как у Фирсова в Пензе проживали какие-то близкие родственники. Так почему бы их не навестить? Да ещё и деньги командировочные при этом получить.

И вот сегодня Александров вновь вернулся в Пензу, так как сборы вчера успешно закончились.

Пройдя через училищное КПП, он свернул налево и направился в направлении своей казармы. Навстречу ему попались два курсанта, которые перешли на строевой шаг и чётко откозыряли капитану. Казалось бы, рядовое событие, если не брать во внимание, что курсанты были неграми. Не мулатами или метисами, а самыми настоящими представителями негроидной расы, с тёмной, почти чёрной кожей, белыми зубами и кучерявыми волосами.

Сергей, пока подходил к казарме вспомнил свои курсантские годы, проведённые в Москве... Весёлое было время! Вспомнил, как в дни проведения очередного съезда КПСС ему удалось попасть на концерт, который официально назывался «Творческий концерт-отчёт мастерской сатиры и юмора Москонцерта». Отличный концерт, где были все основные юмористы, цвет юмористических артистов страны. Более двух часов искромётного юмора! Всем зрителям раздали программки, в которой под номером 15 вместо фамилии артиста было написано «Номер-сюрприз». Подошёл черёд выступать этому артисту. Со сцены объявили: «Выступает Боб Цымба!» На сцену вышел негр... с балалайкой и на чистейшем русском языке сказал:

– Вот у меня часто спрашивают: «Откуда у меня, у русского, такая украинская фамилия?»

От неожиданности киноконцертный зал «Октябрь» на какое-то мгновение замер, а потом взорвался хохотом. А Боб, как ни в чём ни бывало, сначала рассказал свою биографию. Мол, родился в Курске, в армии служил в Казани... Родители – работники цирка. А потом, сопровождая себя балалайкой, стал исполнять частушки, типа как его, Боба Цымбу, с легендой мирового футбола Пеле путают и бесплатно пускают на стадионы.

Приняв доклад от дежурного сержанта, Александров спросил, где находятся офицеры?

– Командиры взводов убыли вчера на сборы, а майор Фирсов отдыхает! – отпартовал дежурный. – Но сказал, что, как только вы прибудете, сразу его разбудить.

– Ну, буди, раз я прибыл!

Вскоре из отдельной комнаты вышел товарищ майор, рассказавший Александрову, что обстановка в рабочей команде практически вышла из-под контроля, дисциплина упала до нуля, Андреева и Сушкова надо отправить на гауптвахту...

– А на объектах как дела? – спросил Сергей.

– По объектам вопросов нет. Там работают хорошо, а вот по возвращению... по ночам... И самоволки, и пьянки...

– Я понял, – сказал Александров. – Вы свою задачу выполнили. Теперь вы свободны, отдыхайте... Езжайте, проведите родственников. А я разберусь.

Майор Фирсов всё понял, собрал свои вещи и... исчез. Больше он на глаза старшему лейтенанту Александрову не попадался.

Названные Фирсовым фамилии Андреева и Сушкова принадлежали военнослужащим из миномётной батареи, поэтому не особо беспокоили Александрова. И тем более он не собирался отправлять их на гауптвахту. Больше делать нечего?

В воспитательном процессе Сергей придерживался определённой, выработанной им самим, методики. Главное в армии – это максимально загрузить солдата, чтобы он постоянно чем-то был занят, а вечером – мгновенно засыпал. Тогда ему некогда будет заниматься всякими глупостями, а глупостям некогда будет забивать голову, занятую всяким другими более-менее полезными мыслями. Воспитательный процесс надо строить в основ-

ном на положительных примерах, чтобы каждому было понятно, что тому солдату, кто не нарушает воинскую дисциплину, служить намного легче, чем нарушителю. И поощрения все для него, и увольнения для него, и фотографии для его дембельского альбома, и самая быстрая демобилизация. Уволиться самым первым в полку или батальоне – это вообще, заоблачная мечта каждого солдата срочной службы.

Сергей знал, что некоторые начальники применяют метод наказания через коллектив. Виноват конкретный человек, совершивший проступок, а наказывают весь коллектив, всё подразделение. С помощью дополнительных физических нагрузок или запрета на увольнение... Никакой логики. Да этот нарушитель чихал на свой коллектив. И никакого воспитательного действия на него такое коллективное наказание не оказывает.

Не принял Александров и правило, с которым в Чехословакии его, молодого лейтенанта, познакомил старый командир соседнего взвода: «Куда солдата не целуй, у него везде задница». Александров сообразил, что это высказывание не надо понимать буквально, так как оно, касается принципиальной разницы в отношениях солдат и офицеров к военной службе. Она для офицеров является профессией, а для солдат срочной службы – временным, вынужденным занятием, а в сознании некоторых – пустым времяпрепровождением. Что такое война в действительности знают и понимают не все. Большая, всенародная война, а не маленькие вооружённые конфликты, с которыми должны справляться внутренние войска. Солдаты могут и должны дружить между собой. Такая дружба и в бою поможет. «Сам погибай, а товарища выручай» – это не просто лозунг, это необходимое правило поведения в реальном бою. А вот отношения между офицерами и солдатами должны

строиться по-другому. Подчинённые должны уважать своего командира, видеть в нём не друга, а боевого товарища, справедливого, надёжного, уверенного в себе и в них. Конечно, воинский коллектив в мирное время и в боевых условиях, это очень разные понятия, но закладывается всё, именно в мирное время. Чем, собственно, Сергей вот уже шестой год и занимается в армии.

Главное в воспитательной работе – это индивидуальный подход. Сергей знал так называемые «болевы точки» практически у каждого своего подчинённого и периодически эти знания использовал. Для этого он подробно знакомился с каждым молодым солдатом, прибывшим в его подразделение: откуда он призывался, кто родители, есть ли братья, сёстры, ждёт ли девушка... чем занимался до армии, чем увлекался...

А теперь мы подходим к самому сложному вопросу в воспитательном процессе: как наказывать провинившегося? Причём, соблюдая правило неотвратимости наказания.

Солдат по степени их наказания Александров делил на несколько категорий, в зависимости от времени их нахождения в армии. Молодых надо не наказывать, а доходчиво и терпеливо им объяснять, чем армия отличается от гражданки. К солдатам, прослужившим год и более, надо относиться более строго, так как они, если нарушают дисциплину, то делают это сознательно. А вот старослужащие солдаты требуют особого подхода, так как они сами редко идут на нарушение, часто провоцируя или поручая пойти на нарушение более молодых солдат. Сергей не задумывался над этим, но скорей всего, этот опыт он усвоил ещё с курсантских времён, причём в несколько перевёрнутом виде, с другими акцентами. В каждом училище есть свои истории, а некоторые гуляют,

передаются из одного выпуска в другой на грани между реальностью и байкой или даже анекдотом. В МосВОКУ во времена, когда там учился Сергей ходила байка следующая:

За несколько месяцев до очередного выпуска в училище приезжали офицеры из войск для повышения уровня своей профессиональной подготовки. Наверное, это были офицеры, не получившие по различным причинам полного образования, закончившие различные курсы и т.д. Несколько месяцев они упорно занимались на базе училища, а потом экстерном сдавали экзамены и получали какие-то дипломы, корочки... об этой дополнительной учёбе. И вот начальник Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР, а в то время им был участник Великой Отечественной войны генерал-лейтенант танковых войск Магонов Иван Афанасьевич, принял решение, по вечерам из этих офицеров выставлять вокруг училища патруль. Офицерский патруль – это же гроза для всяких там нерадивых курсантов, собравшихся в самоволку. И вот каждый вечер начальник учебного отдела училища полковник Михайлюков Иван Яковлевич инструктировал этот патруль перед его выставлением следующими напутствующими словами:

– Товарищи офицеры, вы заступаете в офицерский патруль вокруг училища. Если вы задерживаете курсанта первого курса, то немедленно направляете его на гауптвахту; если вы задерживаете курсанта второго курса, то передаёте его дежурному по училищу; при задержании курсанта третьего курса проследите, чтобы он вернулся на территорию училища. Всё! Инструктаж закончен! Вопросы есть?

– Так точно! Товарищ полковник, а что нам делать,

если мы задержим курсанта четвёртого курса? – решается на вопрос один из офицеров.

Михайлюков внимательно смотрит на задавшего вопрос и выждав паузу, в свою очередь, спрашивает того:

– Товарищ старший лейтенант, у вас два глаза?

– Так точно! – бодро отвечает тот.

– Вот я и хочу, чтобы у вас два глаза и осталось! – заканчивает начальник учебного отдела свой инструктаж.

Главное, что вынес выпускник МосВОКУ Сергей Александров из этой истории, – процесс наказания должен быть избирательным и зависеть не только от тяжести проступка, но и от срока службы нарушителя. И вообще, он считал, что виды наказания, указанные в Уставе дисциплинарной службы, годятся разве что для отчёта при проверке так называемой дисциплинарной практики вышестоящими контролирующими органами.

В обстановке, сложившейся в настоящее время в Пензе, вопрос максимальной загрузки личного солдата делом был решён положительно, так как весь день бойцы трудились на объектах, строили, рыли, тянули, прокладывали и закапывали. Свободными оставались только вечер и ночь. Кто-то уставал и засыпал сразу, как и положено образцовому солдату, а кто-то не спешил... Вот с ними и надо будет разбираться.

Сергей вышел из казармы, обошёл её, внимательно рассматривая саму казарму, двери, окна... Потом расширил круг, осмотрев подходы, урны, училищный забор.

В дальней урне он увидел пустую бутылку из-под вина, а около высокого кирпичного училищного забора – бутылочные осколки.

«Баба Яга – против!» – сказал сам себе Сергей и вернулся в казарму, где прошёл вдоль спального помещения, заглянул в тумбочки, а затем осмотрел так называ-

емую «Ленинскую комнату», находящуюся в торце казармы. Следов распития спиртных напитков в казарме не нашёл. Это значило, что отдельные товарищи обнаглели, но не окончательно.

До возвращения личного состава оставалось ещё время, поэтому Сергей направился в главный корпус училища, чтобы получить ответ ещё на один нерешённый вопрос, который он задал соответствующим начальникам дней десять тому назад. Дело в том, что при первом прибытии в Пензу, проезжая по улицам этого красивого и зелёного города, он обратил внимание на афиши, расклеенные по городу, сообщающие, что скоро на хоккейном стадионе города состоится концерт Иосифа Кобзона и вокально-инструментальной группы «Машина времени». Иосифа Кобзона можно было услышать по радио и увидеть по телевизору. А вот выступление «Машины времени», набирающей популярность в Советском Союзе и собирающей стадионы своей модной, можно сказать, нестандартной музыкой и песнями – это было огромное событие. Даже для Пензы это было событие в масштабах пусть и хоккейного, но стадиона. Никакой дворец культуры на смог бы вместить всех желающих попасть на такой концерт.

Так вот старший лейтенант Александров сразу же поставил перед начальниками, отвечающими за воспитательную работу в училище, вопрос, чтобы они в случае приобретения билетов на этот концерт для преподавательского состава и курсантов-отличников, не забыли, что у них ударно трудится рабочая бригада под командованием старшего лейтенанта Александрова, и выделили для неё 5-6 билетов.

И вот за результатами этой просьбы Сергей и направился в главный корпус.

Через полчаса он вернулся, имея в кармане 5 билетов.

Вскоре в казарму начали возвращаться рабочие группы, солдаты начали чистить обмундирование, обувь, умываться и готовиться к ужину. После ужина – уточнение сержантам задач на завтра. В ленкомнате включили телевизор, посмотрели сначала футбол, затем – вечерние новости... Вечерняя поверка и отбой.

Сергей сразу же ушёл в свою комнату. Не раздеваясь, лёг на кровать, почитал книгу... Когда глаза стали слипаться, поднялся. Сходил в умывальную комнату, умылся.

Наряд на месте. Очередной дневальный, как и положено, стоял около тумбочки, расположенной напротив входной двери. Дежурный сержант сидел в бытовой комнате, дверь которой была приоткрыта.

Сергей прошёлся вдоль рядов коек. У каждой стояла табуретка, где аккуратно была сложена одежда. Около одной койки он остановился. Вроде всё нормально, но чего-то не хватало. Около табуретки не было сапог. Не спит же кто-то на этой кровати, укрывшись с головой, в сапогах? Сергей потянул за одеяло. Кровать оказалась пустой, под одеялом никого не было, а обмундирование с соседних табуреток было сдвинуто, создавая иллюзию, что все табуретки заполнены.

Прошёл дальше и около Ленкомнаты, в самом дальнем углу, в котором спали миномётчики, обнаружил ещё одну пустую кровать.

К дежурному и дневальному можно было и не подходить, так как выйти из казармы мимо них ночью никто не мог. Нет, теоретически кто-то мог попробовать, но внутренний наряд знал, что, если это они кому-то разрешат после отбоя выйти через дверь на улицу, то

последствия для них будут персонально катастрофические, вплоть до того же военного трибунала.

Сергей тихонько прошёл в ленкомнату, подёргал оконные рамы, одна из которых легко открылась. Затем он вернулся к умывальнику, наполнил ведро водой и поставил его около этого окна. Рядом поставил стул, на который сел... И, не включая свет, стал ожидать.

Погода за окном стояла осенняя. В рассеянном свете нескольких фонарей было видно, как тени от деревьев, раскачивающихся под холодным ветром, пляшут по кирпичной стене училищного забора, тянувшегося вдоль казармы. Нельзя сказать, что в такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выпустит, но то, что погода не располагала к длительным прогулкам – это точно.

Вскоре к теньям от деревьев на заборе добавилась ещё одна тень. Двигалась она, не подчиняясь порывам ветра, и направлялась к торцу казармы. Тёмная фигура тихонько толкнула оконную раму и собралась, подтянувшись, залезть в окно, за которым стоял Сергей с ведром воды в руках.

Холодный поток воды, неожиданно обрушившийся на эту фигуру, прервал её желание вернуться в казарму через окно. Сергей закрыл окно, плотно задвинул шпингалеты оконной рамы и, прихватив с собой стул, вернулся к дневальному, около которого и сел на этот стул. Он прекрасно понимал, что мокрый человек не может продолжать свою прогулку холодным осенним вечером и скоро откроет эту дверь.

Так и случилось. Минут через десять за дверью послышался шорох, который сначала затих, когда «шуршавший» человек, посмотрев в замочную скважину и увидев офицера, сидящего у тумбочки дневального, забеспокоился и затаился. А потом возобновился, так как

тепла за дверью не было, как и не было другого способа попасть в казарму, кроме – как через дверь.

Дверь тихонько открылась и в коридоре появился мокрый и довольно продрогший младший сержант из миномётной батареи.

– Сушков! – приветливо встретил того Александров, широко разведя руки. – Доброй ночи! – и, сменив тон на более участливый, спросил. – А что это ты в такую холодную погоду весь мокрый? Суру переплывал что ли... или просто в лужу упал?

Младший сержант Сушков молчал, потому что... говорить было не о чем.

Сергей подошёл к сержанту, сразу почувствовав перегарный запах. Миномётчик не был сильно пьяным, почти не качался, но «под хмельком», несомненно, был. Хотя ведро холодной воды почти смыло основную часть этого «хмелька».

Сергей велел дежурному поискать какое-нибудь сухое обмундирование или бельё, переодеть этого незадачливого самовольщика и уложить спать. Мокрое развесить в сушилке.

Теперь осталось дожидаться ещё одного любителя ночных прогулок. Не хватало командира первого отделения третьего взвода сержанта Моторина. Александров, грешным делом, намеревался по окончании рабочего периода, перед началом нового учебного года, поставить того на должность замкомвзвода. Но сегодняшнее происшествие показало, что вряд ли это намерение будет исполнено. Так Моторин был в меру организованным и исполнительным сержантом. Парень он был весёлым, общительным, играл на гитаре... даже пробовал исполнять свои песни. Но, как оказалось, проверку на вшивость... не прошёл. Как говорил актёр Ефим Копелян, озвучивающий «голос за кадром» в

кинофильме «Семнадцать мгновений весны»: «Пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку...»

Через полчаса за дверью снова слышался шорох. Процедура повторилась... Шорох сначала прекратился, а потом возобновился, так как Моторин перед этим уже проверил все окна в казарме и убедился, что единственный способ вернуться – это через дверь, несмотря на то, что за ней его ожидал командир роты. Не стоять же ему за дверью до утра.

Моторин открыл дверь, сделал два шага вперёд и застыл по стойке «Смирно» перед сидящим у двери офицером.

– Ну что ты тут стоишь, как тополь на... плацу? – спросил Сергей, продолжая сидеть, и не ожидая ответа, устало сказал. – Иди спать. Разбираться я с тобой не буду, потому что ты сам себя наказал.

Моторин, молча, ушёл в глубь спального помещения. Был он трезвым. Никуда далеко в город не ходил. Просто посидел на заборе, потом прошёлся вдоль забора, но за территорией училища. Зачем он это сделал, он и сам не смог бы себе объяснить. Просто сержанты-артиллеристы вчера сбегали в самоволку, мол, они-то крутые, а эта пехота, вообще, никуда не годится. Дурной пример, говорят, заразителен.

Утром Сергей перед строем объявил, что училищное начальство за ударный труд выделило для них 5 билетов на концерт «Машины времени».

– Вместе со мной на концерт пойдут четыре сержанта. Кто именно, объявлю сегодня вечером. Через пять минут рабочим командам убыть на свои объекты.

Тут же к нему подошёл Моторин.

Усталость на лице, красные глаза говорили, что ночью он спал мало и беспокойно.

– Разрешите обратиться! Вы сказали, что на концерт пойдут пять человек?

– Да! Я и четыре сержанта.

– А вы определились, какие сержанты?

– По одному из каждого нашего взвода и, наверное, замкомвзвод противотанкового взвода.

– А кто именно... из наших?

– Моторин, не пудри мне мозги! И вопросы задавай не мне, а себе. Я тебе ничего нового не скажу, только повторю то, что сказал вчера: «Ты наказал себя сам!»

Моторин опустил голову, постоял немного и снова посмотрел на своего командира. В глазах у сержанта стояли слёзы.

– Понимаешь, Игорь, – растягивая слова, стал говорить командир роты. – Ты находишься в армии, где я, твой командир, отвечаю за тебя. И днём, и ночью... Еженедельно и ежемесячно в течение двух лет я отвечаю за тебя. Ночью ты спишь, а я по-прежнему отвечаю за тебя, чтобы ты, закончив службу, живой и невредимый вернулся к Екатерине Максимовне, своей маме... и к Матвей Сергеичу, отцу... К своей девушке... Как её зовут? Настя? Вот вчера ты ночью прогулялся по городу... Мог ты нарваться на пьяных придурков? Вполне! Завязалась драка, тебе проломили бы голову... Как я буду смотреть в глаза твоим родителям? Как я Насте в глаза посмотрю, когда в красивом гробу тебя к ним привезу?

– Я понимаю, что я виноват и заслуживаю наказания, – таким же тихим голосом, растягивая слова, начал говорить Моторин, сглотнув комок в горле. – Накажите меня! Отправьте на гауптвахту... Да я готов на полгода больше служить, только дайте возможность сходить на «Машину времени».

– Не могу! Я не военный трибунал. Только он может продлить срок твоей службы, осудив, при удобном случае, тебя на год или полтора года дисциплинарного батальона. У меня таких полномочий нет. И потом я не могу, и никто не имеет права за один и тот же проступок наказывать кого-то два раза. Какая гауптвахта, когда ты сам себя уже наказал?

– Вы понимаете, что это самая крутая у нас рок-группа? Это мечта моей жизни – попасть на концерт «Машины времени».

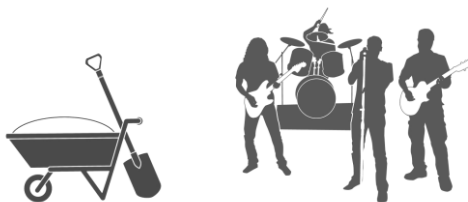
Сергей развёл руками и сказал:

– Не судьба. Послезавтра концерт. Но так совпало, что ты заступаешь дежурным по роте... Такое бывает!

– Но меня ведь можно заменить, подменить...

– Кем? Сержантами из миномётной батареи? И не волнуйся ты так, я же тебя уже заменил... на концерте. Вместо тебя на концерт пойдёт Карпухин, а ты вместо Карпухина пойдёшь в наряд. И ты знаешь, что я своих решений не меняю. Иди догоняй свою группу, а то она работы на кочегарке закончит без тебя.

Отправив все рабочие команды по объектам и предупредив дежурного, чтобы тот разбудил его через два часа, Сергей лёг спать. Через два часа он направится по рабочим местам, проверит, как там идут дела, есть ли к его подчинённым претензии? До конца командировки в Пензе оставалось одиннадцать дней и один концерт группы «Машина времени».

Глава двенадцатая
Здоровье не купишь
(Октябрь 84-го года –
январь 85-го года)

На две половины делится человечество:
Одна – лечит, другая – лечится.

Неизвестный автор

Если для Александра Сергеевича Пушкина осень являлась не только очарованием для его очей, но и одним из источников творческого вдохновения (Одна «Болдинская осень» чего *стоит!*), то начальник штаба мотострелкового батальона капитан Сергей Александров осень не любил в принципе. Причём – никакую осень, ни раннюю, ни позднюю. И дело даже не в том, что вид увядающей природы, наполненной холодными дождями и слякотью, по определению, не может радовать глаз. И даже не в том, что осень в армии – время сдачи различных итоговых проверок, когда всё в войсках крутится и вертится, от людей до боевой техники. Главная причина нелюбви к осени заключалась в том, что, в отличие от Пушкина, у которого в это время года наблюдался творческий подъём, когда пальцы сами просились к перу, а перо – к

бумаге, у офицера Сергея Александрова осенью происходило банальное обострение гастрита, которое требовало по окончании всех проверок хотя бы десятидневной госпитализации.

За это время, несколько раз проглотив и вернув обратно зонд, попив разных солёно-горьких лекарств и поев в госпитальной столовой диетических котлет, приведя таким образом желудок в относительный порядок, Сергей снова возвращался в строй.

Первый раз Сергей был вынужден лечь в госпиталь осенью прошлого года после показательных занятий. Командующий Приволжским военным округом генерал-полковник Ряхов А.Я. проводил сборы руководящего состава, на которые собрал начальников военных училищ, командиров дивизий и их заместителей. Со всего округа начальников такого ранга набралось человек двести. И все они прибыли на показательное занятие по физической подготовке, которое со своей ротой проводил капитан Александров. Тема занятий была: «Рукопашный бой». Конечно, начальство подстраховалось и прислало в помощь командиру роты двух офицеров, специалистов по рукопашному бою, которые подсказали, как лучше построить показательное занятие, чтобы максимально поднять его зрелищность, какие учебные приспособления изготовить и использовать на занятии.

Два месяца ежедневных интенсивных занятий буквально преобразили роту. Мало того, что солдаты окрепли физически, они сплотились, повысилась их морально-психологическая подготовка. Все приёмы были отработаны до автоматизма. И что характерно, за это время в роте не было ни малейшего случая нарушения воинской дисциплины.

А где-то за час до начала показательных занятий Сергей почувствовал довольно сильную ноющую боль в желуд-

ке. Он, как обычно, достал из полевой сумки бутылочку «альмагеля» с обезболивающим эффектом и сделал пару глотков. Но боль не только не утихла, а наоборот стала усиливаться. Сергей уже практически не мог стоять прямо, так как боль заставляла нагибаться вперёд. А проводить занятие, как и было запланировано, обязан лично командир роты, то есть один капитан Александров. Да и не готовил никто никаких запасных вариантов. Вот уже и участники сборов подошли и построились на краю спортгородка, и командующий округом подъехал. Сергей стоял на правом фланге роты и думал только об одном, как бы не потерять сознание.

Вперёд вышел какой-то полковник. Он что-то сказал собравшимся офицерам и кивнул Сергею, мол, начинайте.

Сергей, собрав все силы, начал движение строевым шагом на середину построившейся роты. Остановился, повернулся к своим солдатам лицом и громко скомандовал:

– Рота, равняйся! Смирно! Тема занятий...

С каждым его словом боль утихала, уменьшалась... А когда личный состав начал движение, чтобы приступить к разминке, боль ушла совсем.

То, что творили на спортгородке подчинённые капитана Александрова, удивило присутствующих. Чтобы так умело, стремительно действовали солдаты не какого-то там элитного спецназа, а простой мотострелковой роты? Бойцы понимали важность этого занятия и старались изо всех сил, показывая, как надо разучивать приёмы рукопашного боя, действовать в ближнем бою, обезоруживать противника и защищаться от его ударов, поражая противника штыком и прикладом, и без оружия, и подручными средствами. Ближе к концу занятия, когда бойцы стали преодолевать горящую полосу препятствий

с рукопашными схватками и применением приёмов после каждого препятствия, то их действия выглядели очень впечатляюще и вызвали оживление и активное обсуждение со стороны высокопоставленной аудитории.

Но это был ещё не конец. Занятие завершилось грандиозной рукопашной схваткой, занявшей почти всё пространство спортгородка, с участием всего личного состава роты. Более семидесяти солдат, разделившись сначала на две группы, атаковали друг друга. Кто-то был вооружён автоматом, кто-то – штык-ножом, а кто-то и вовсе – пехотной лопаткой. Затем в ходе массового рукопашного боя, незаметно для окружающих, они разделились на тройки, поочерёдно атакуя друг друга. Пока третий лежал на земле, условно приходя в себя после проведённого против него приёма, двое остальных сходились в схватке. Когда один из них падал, то его место и занимал тот, отдохнувший третий, который вскакивал и, в свою очередь, нападал на победителя предыдущей схватки. Языки пламени с продолжающей гореть полосы препятствий и дым, тянувшийся вдоль спортгородка, придавали этому зрелищу такой реалистичный оттенок, что, казалось, все участвуют, если не в реальном бою, то точно на съёмках фильма о войне.

Так они могли сражаться очень долго, но командир роты строго следил за временем, и как только часы показали, что учебный час закончился, он подал команду на построение. Солдаты и сержанты, тяжело дыша, поправляя форму одежды, занимали своё место в строю.

Занятие закончилось. Вперёд вышел командующий округом, похвалил солдат, объявил всему личному составу роты благодарность и велел участникам сборов переместиться на следующее учебное место.

Колонна офицеров уходила со спортгородка, а к Сергею возвращалась боль.

Вот после этого случая и пришлось Сергею лечь в госпиталь. А когда через две недели он вернулся к выполнению своих обязанностей, то узнал, что его документы отправлены наверх, так как он назначается на вышестоящую должность – начальником штаба батальона.

В этом году снова осенью появились боли в желудке, и пришлось опять на десять дней лечь в госпиталь. И вот сегодня Сергея после лечения выписывали из военного лечебного учреждения. Он уже сдал госпитальную одежду, надел свою и ждал в приёмном отделении, когда же ему принесут бумажку с печатью о том, что после лечения ему положено ещё и трёхдневное освобождение от служебных обязанностей, чтобы вернуться на службу всё-таки не сегодня, а через несколько дней.

И тут он увидел Максима. Тот был в чёрном танковом комбинезоне, видно, заскочил в госпиталь прямо с вождения. Госпиталь располагался на окраине военного городка, как раз между танкодромом и жилыми домами. Да и дом, в котором жил с семьёй командир танковой роты старший лейтенант Максим Аверьянов, был неподалёку от госпиталя.

Последний раз Сергей видел Максима неделю назад. И видел его в таком состоянии, что, как говорится, и «врагу не пожелаешь». Максим лежал в хирургическом отделении с проблемами со спиной. Лёг он раньше Сергея, пролежал две недели, но никакого улучшения не наступало: спина не только продолжала болеть в том месте, где у стариков обычно находится радикулит, но разболелась сильнее, чем при поступлении в госпиталь. Да блокады на какое-то время снимали боль, но она возвращалась снова. Врачи определили, что это защемление нерва, так как рентгеновские снимки вообще

ничего не показывали. Но легче от этого Максиму не становилось. И когда однажды утром молодой офицер не смог умыться, потому что нагнуться над умывальником не позволяла жуткая боль в пояснице, старший лейтенант попросил, а точнее, потребовал, чтобы его выписали. Написал необходимую расписку, что отвечать за последствия досрочной выписки будет сам, кое-как оделся и ушёл, помахав Сергею, встретившемуся ему в коридоре, рукой.

И вот этот человек спустя неделю стоит перед Сергеем как ни в чём не бывало и лыбится.

– И как это понимать? – спросил Сергей, потому что ничего понять он сам, действительно, не мог. – Ты же не скажешь, что это ты так умело всего неделю назад симулировал боли в спине, ставя на уши всё хирургическое отделение?

– Сергей, побойся Бога! Ты же видел, что мне конкретно было больно.

– И?

– Садись и слушай!

И Максим, может быть, не так подробно, как хотелось бы Сергею, рассказал, что случилось после его досрочной выписки. А случилось вот что.

Рядом с госпиталем находится автобусная остановка, с которой можно уехать на железнодорожную станцию и в районный центр. И Максим после выписки не пошёл домой, а доковылял до этой остановки, где сел в первый же автобус. И вышел из него на первой же остановке за пределами военного городка. Там у небольшого озера перед пристанционным посёлком находилась водочка. И в этом же здании, оказывается, было несколько жилых комнат, в одной из которых жила старушка по имени «баба Оля». Вот к ней и направился Максим. Старушка по одной только ковыляющей по-

ходке офицера поняв, в чём заключаются его проблемы, велела тому лечь на кровать и перевернуться на живот. Затем она начала давить на спину, уточняя, куда отдаёт боль, потом давила на правое бедро, а в конце, как потянет за правую ногу. Максиму показалось, что он на какое-то мгновение от боли потерял сознание. А баба Оля подождала, когда Максим окончательно придёт в себя, и говорит:

– Всё! Слезай с кровати!

Офицер осторожно ступил на пол, а она говорит:

– А теперь наклонись и достань ладонью до правой ступни.

И видя, как Максим нерешительно, осторожно, боясь, что снова догонит боль, начинает медленно наклоняться, добавляет:

– Да не бойся!

Когда Максим наклонился, а затем выпрямился, не почувствовав никаких болевых ощущений, на лице его одновременно отразились недоумение и радость.

А старушка уточняет:

– А вспомни, милоч, что у тебя было с правой ногой. Может, потянул ты её когда или подвернул?

– Точно! Около месяца назад на ночной стрельбе прыгнул с танка, и правая нога попала в какую-то ямку. Поболела пару дней и всё. А поясница уже потом начала болеть.

– Ну так вот. Ты не просто потянул тогда ногу, а произошло смещение кости. Она у тебя из таза сместилась, но я её поставила на место. Хорошо, что ты сейчас пришёл, а то нога могла начать сохнуть. Придётся ко мне послезавтра, я ногу помассирую, чтобы быстрее всё восстановилось.

Максим, конечно, поблагодарил бабу Олю и спросил, сколько он ей должен за лечение. А та говорит:

– Я людям помогаю, а не суммы определяю. Сам решай.

Максим сделал паузу в своём рассказе, посмотрел на Сергея и закончил:

– У меня было с собой сто рублей, я их все ей и отдал. И не жалею.

«Нормально, – подумал Сергей. – Это почти половина лейтенантской получки. Но это стоит того».

– Сейчас поднимусь в хирургию, расскажу врачам, что и как, – сказал Максим. – Они же рентген поясницы делали, а проблема-то ниже была. Вот и непонятно было, что со мной. Ну пока!

С этой встречи прошло почти полтора года. В жизни одного человека – не очень большой промежуток времени. Хотя Сергей за это время успел получить очередное воинское звание и потихоньку начал подумывать о поступлении в военную академию. Но в масштабах военного соединения, в котором служил Сергей, изменения произошли существенные. Главное – ротация офицеров. И новый командир дивизии появился, и в полку у Сергея много офицеров сменилось. Кто уехал за границу, служить в группах войск, кто – в Сибирь или на Дальний Восток. Соответственно, вместо них прибыли другие офицеры. Всех развеселил замполит одной из рот во втором батальоне. Он меньше года назад прибыл из Дальнего Востока, немного послужил и был отправлен обратно на Дальний Восток, потому что, напившись по какому-то поводу, возможно, отмечая свой день рождения, приехал на ближайшую железнодорожную станцию, вышел на рельсы и начал размахивать руками, пытаясь остановить поезд «Москва-Ташкент». Его еле успели вытащить из-под поезда.

В соседнем батальоне появился новый комбат – капитан Шеян, сменивший майора Троицкого, которого

перевели в военкомат. Наверное, из-за габаритов. Сергей как-то на учениях видел, как Троицкий пытался влезть в командирский люк БРДМ. Это была ещё та картина.

Приближался конец года. А точнее, так как у нас не принято отмечать окончание года, приближался новый год. Декабрь, как и положено в здешних краях, уже успел насыпать достаточно снега. Река, протекавшая вдоль военного городка, ещё в конце ноября замёрзла и тоже была занесена снегом. А на полигоне толщина снежного покрова уже приближалась к метру. Поэтому и на тактических занятиях, и на стрельбе личный состав усиленно осваивал лыжи. На учениях, которые, как обычно проводились в феврале, это был основной способ передвижения пехоты на поле боя. Потому что в глубоком снегу даже боевая техника может остановиться, а боец на лыжах – нет.

Майор Александров с утра проконтролировал начало занятий в батальоне. Особое внимание обратил на роту, ушедшую на тактику. Имея первый спортивный разряд по лыжам ещё со времени обучения в суворовском военном училище, Сергей держал свои лыжи в штабе батальона и, при необходимости, как, например, сегодня, мог быстро проскочить на них на тактическое поле, где занималась рота, проверить ход занятий, подсказать молодому командиру роты, что и как, а, если надо, то и поругать.

Сегодня ругать никого не пришлось и начальник штаба, решив, что, так как в начале рабочего дня сделано уже много, то можно и заскочить домой на пол часика, чтобы попить чайку, прямо с тактического поля на лыжах направился к своему дому. Благо, жил он в доме, который стоял вторым от КПП. Он уже поравнялся с КПП, когда оттуда вышел офицер и, хромая на левую ногу, направился вдоль улицы, тянувшейся до центральной

площади военного городка, по обе стороны которой находились Гарнизонный дом офицеров и средняя школа. Сергей узнал этого офицера. Это был новый командир соседнего батальона капитан Шеян.

Сергей несколькими толчками лыжных палок ускорил своё движение и быстро догнал хромающего офицера.

– Здравия желаю! Что же это вы, товарищ капитан, не бережёте себя? – весело спросил Сергей, поравнявшись с ним.

Шеян остановился.

– Привет! Да вот никак не привыкну к местной зиме. Я же человек южный, снег в таком количестве видел только на картинках. Вчера поскользнулся около казармы. И в результате левая коленка забарахлила. Думал, пройдёт, а она не хочет. Ещё вчера снимок сделали. Перелома вроде нет. Врачи сказали, если не пройдёт, то в окружной госпиталь придётся ехать.

– Я знаю всего лишь два варианта, как действовать в таком случае, – сказал Сергей. – Первый – ждать, что заболит сильнее, и ехать в госпиталь. А второй – он из моего детства. Когда я гонял футбол, то умудрился поочерёдно сместить коленные чашечки, сначала на правой ноге, а потом – на левой. Вот меня два раза в соседнее село к бабке и возили. Она что-то там с коленом делала, потом перевязывала. И велела, чтобы дома сделали веник из берёзовых веток с листьями, но не для того, чтобы по моей попе пройти, как следует, хотя она, попа, этого и заслуживала, а, чтобы, сунув этот веник в кипяток, сделать отвар или настой и держать в нём мои колени. Помню, мать наливала целое ведро этого берёзового настоя, ставила меня в это ведро с горячей тёмно-коричневой жидкостью, в которой я стоял, пока вода не остывала. Всё прошло. Так, что, понятно, как

говорится, «и к бабке ходить не надо», что надо идти к бабке.

– Ты что, смеёшься? – почти обиделся Шеян. – Какая бабка? Она же умерла давно, твоя бабка.

– Да не моя. Речь идёт о другой бабке, которую зовут «баба Оля», – пояснил Сергей и рассказал историю, которая приключилась полтора года назад с танкистом Максимом Аверьяновым.

– И вот, если по этой улице дойти до площади, а затем повернуть налево, то около нашего госпиталя находится автобусная остановка. Садись в автобус и – вперёд! – закончил свой рассказ Сергей.

– Где автобус останавливается, я знаю. Я же не вчера в городок приехал. Водокачку я найду, тем более, что у меня сейчас освобождение от служебных обязанностей. А так как, здоровье не купишь, то его надо своевременно поправлять. Решено, действую по второму варианту, – подвёл итог разговору Шеян. – Спасибо, тёзка! Я похромал.

– А мы разве тёзки? – удивился Сергей.

– Конечно, да ещё какие. Я – Александр, а ты, моему, – Александров. Бывай! – с этими словами Александр Шеян направился вдоль улицы. А Сергей Александров, осторожно перешагивая лыжами, пересёк улицу по утрамбованному снегу, превратившемуся местами в лёд, и направился к своему дому.

Через три дня на общеполковом построении Александров снова увидел Шеяна и после прохождения торжественным маршем, которым обычно такие общие построения заканчивались, направился к нему. Поздоровались, обменявшись рукопожатием, и на вопрос Сергея, что и как, Шеян рассказал, как всё прошло.

Нашёл он, конечно, эту водокачку, но бабы Оли там не было, потому что она полгода назад как умерла. В её

комнате теперь живёт её племянница, которая тоже лечит людей. Но, осмотрев ногу Шеяна, она сказала, что помочь не сможет. Такие случаи, мол, лечит другой человек, который живёт в Сорочинске по такому-то адресу. Недолго думая, Шеян направился на станцию, сел в первый же проходящий поезд и вышел из него через двадцать километров на следующей станции. Нашёл он этого деда. Дед сделал всё, что положено. И в результате Шеян стоит сейчас перед Александровым, как говорится, живой и вполне здоровый.

– Вот и хорошо, – сказал Сергей, – с тебя «пол деца» и пончик.

Так они, офицеры, служившие за границей в Центральной группе войск, общались между собой в Чехословакии. Дело в том, что там, кроме пива, вкусного фирменного отборного, одним словом, чешского, можно было, зайдя в любое кафе (или «гостинец», как оно называлось по-чешски), заказать и более крепкие напитки. «Сто грамм» на чешском языке звучало как «дец». Сами чехи не пили по «децу», поэтому ёмкостей, в смысле, рюмок такого объёма в чешских, да и в словацких кафе не было. А вот рюмочки в «пол деца», то есть, в пятьдесят грамм, стояли всегда. И чехи, не говоря уже о наших офицерах, могли себе иногда позволить именно эти «пол деца», о которых сейчас и вспомнил Сергей.

– Да нет, тёзка, я тебе тоже пригожусь. А ну посмотри мне в глаза, – сказал в ответ Шеян и начал, рассматривая глаза удивлённого Сергея, ставить тому диагноз. – Так, кислотность повышена и намного. Язвы ещё нет, но может скоро появиться. Левая почка опущена. Значит, делаем так. Скоро новый год. Встречай его, как обычно. Можешь и выпить немного. А вот сразу после праздника... числа третьего... часиков в девять-

десять вечера я к тебе приду. Дома должны быть горячая вода, мыло и полтора-два метра марли. Начнём тебя лечить. Всё. Пока! Я пошёл в батальон.

Шеян, сделав несколько шагов от молчавшего ошеломлённого Сергея, остановился и, повернувшись, спросил:

– Да, а живёшь-то ты где?

Сергей сначала молча показал на дом, крыша которого виднелась с полкового плаца, а потом уточнил:

– Вон второй дом слева от КПП. Номер четыре, а квартира – номер два, на первом этаже.

– До встречи! – попрощался Шеян и ушёл, оставив озадаченного майора Александрова стоять на краю строевого плаца. Постояв немного и поняв, что в его голове больше вопросов, чем ответов, Сергей медленно побрёл в направлении своего батальона. Конечно, то, что сейчас произошло во время его встречи с Шеяном, никакого логического объяснения не имело. Но Сергей надеялся, что это только пока. Решив, что ломать голову не стоит, так как всё равно после нового года они встретятся, и тогда всё прояснится, Сергей уже более решительными шагами направился к своей казарме.

Неделя в предпраздничной, а затем и новогодней суете пролетела быстро. Новый год организованно встречали в Доме офицеров. Было шумно и весело. Разошлись уже под утро. Первого числа майор Александров был ответственным по батальону, а со второго на третье заступил в наряд дежурным по полку. Сменился вечером третьего января. Пока пришёл домой, поужинал, часы отбили девять. А вскоре в дверь позвонили. В дверном проёме появился Шеян в тёмно-синем спортивном костюме и лыжной шапочке. Прошли в гостиную, где около дивана на стуле уже стояла миска с

кусом мыла и лежала марля, два метра которой Сергей купил в аптеке ещё перед Новым годом.

Шеян взял миску, налил туда на кухне тёплой воды и велел Сергею раздеться до пояса и лечь на диван на спину, согнув ноги в коленях. Сам он сел рядом на стул и начал рассказывать анекдот:

– Маленький мальчик спрашивает у своей мамы, которая качает плачущую новорождённую его сестричку: «Ну почему же она плачет?». А мама отвечает: «Наверное, болит что-то у неё». «Да что у неё может болеть? – удивляется мальчик. – У неё же всё новое!»

После этого вступления Шеян объяснил, что у человека с рождения все органы находятся на своих местах, функционируют нормально и, взаимодействуя между собой, легко справляются со всеми проблемами. Для наглядности он растопырил пальцы на руках и, направив кисти навстречу друг другу, соединил их между собой в замок, вставив пальцы одной руки между пальцами другой. Потом он, размыкая и снова смыкая пальцы, которые свободно двигались параллельно друг другу, продемонстрировал, что, примерно так и работают внутренние органы человека, сначала выделяя всё, что ему нужно, кислоту там или желчь, а затем выводя всё ненужное из организма. Но со временем, в результате прыжков, падений и ударов внутренние органы человека смещаются со своих мест, обрастают плёнкой и все обменные процессы затрудняются, гармония нарушается. Демонстрируя это, Шеян приподнял вверх локти, которые потянули за собой кисти, соединённые в замок, и пальцы начали выходить из своих мест, размещаясь под углом друг к другу. Так вот задача состоит в том, чтобы вернуть все органы на свои места и зафиксировать их там.

Продолжая рассказывать, Шеян намочил в воде кисти своих рук и потёр ими живот Сергея. Затем он намылил тому живот и начал делать руками круговые движения по животу, как бы массируя его. В каких-то местах он просто гладил, где-то сильно надавливал, тянул двумя руками, как бы пытаясь достать что-то из живота или просто переместить что-то там внутри.

По словам Шеяна, людей, умеющих это делать, в Советском Союзе было всего трое: его мать, мужчина в городе Фрунзе, сейчас этот город называется Бишкек, и ещё одна женщина где-то в Сибири. Маме Шеяна, бывало, привозили таких пациентов, от которых отказывались врачи, мол, это уже не жилец. Причём, чаще всего, за помощью обращались женщины, потому что женский организм более сложный, чем мужской. Мама, можно сказать, по кусочку собирала внутренние органы, расставляла их по местам, закрепляла. И даже безнадежные больные оживали, вставали на ноги и продолжали жить на удивление лечивших их врачей. Вот от мамы и сын научился на ощупь определять, где что находится, и ставить органы на места, определённые им человеческой природой. Вот, например, у Сергея левую почку надо поднимать, а пуп... Да-да, пуп — это не только наружная вмятина на животе у человека, а целый узел внутри его. Так вот пуп у Сергея явно сместился, и придётся его тоже доставать и ставить на место.

Руки у Шеяна были сильные. И он снова и снова давил ими живот пациента, периодически опуская кисти в воду. Сергей кряхтел, но терпел, понимая, ради чего вся эта экзекуция над ним проводится. Минут через двадцать Шеян закончил свой массаж, вытер мыльную пену марлей и, надавив на низ живота Сергея, туго перевязал его марлевой повязкой.

– Вот так и ходи с повязкой, – сказал он. – И на службу завтра так пойдёшь. А когда будешь ложиться спать, то в лежащем положении повязку можешь снять. Но перед тем, как захочешь встать, нажми так же на низ живота, подними свои внутренности руками наверх и перевяжи. На сегодня всё. Я приду ещё раз послезавтра. В такое же время.

– Погоди, – сказал Сергей, – но если твоя мать научила тебя лечить людей, почему ты стал военным, а не врачом?

– Потому что в городе Орджоникидзе, где мы жили, поступление в медицинский институт стоило таких денег, которых у нас с мамой не было. А в пехотное военное училище принимали без денег.

Прошло два дня и вечером в дверь опять постучали. Процедура с горячей водой и мылом повторилась снова, но для Сергея всё происходило совсем не так комфортно, как в прошлый раз.

Вот представьте, что человек долго или никогда не занимался физическими упражнениями, а потом пришёл в спортзал и усиленно пробежался, поотжимался, позанимался на различных тренажёрах, одним словом, по полной нагрузил свои мышцы. Что с ним будет на третий день? Правильно. Все мышцы будут болеть. Как утверждают специалисты, в мышцах выделяется так называемая молочная кислота. И при повторной нагрузке на мышцы она и вызывает такие болезненные ощущения. Человек начинает бежать, а бёдра и икры отзываются конкретной ноющей болью, он поднимает руки, а мышцы на руках и плечах болят. Он их не трогает, он только чуть их нагружает, а они уже болят. А если их при этом ещё и давить, трогать руками, тянуть?

Этот сеанс мануальной терапии, или как ещё можно назвать то, что делал с животом Сергея командир второго

батальона капитан Шеян, Сергей запомнил не то, что надолго, а на всю жизнь, потому что так больно ему не было ещё никогда. Хотя за свою жизнь он сбивал коленки, падая с велосипеда, смецал на футболе свои коленные чашечки, разбивал голову, а точнее – снимал с себя скальп, упав в детстве головой вперёд с табуретки на пол, в котором торчал гвоздь. А в суворовском училище он так лихо скатился на лыжах с берега Волги на замёрзшую реку, что сломал одновременно и ногу, и руку. Причём на ноге перелом был сложнейший, с переломом одной кости в районе пятки и со смещением ещё двух костей. Но это всё были только цветочки, потому что боль при всех этих клинических случаях ни в какое сравнение не шла с тем, что чувствовал Сергей сейчас, лёжа у себя дома на диване. Одно только прикосновение руки Шеяна к животу вызывало боль, а он же, как и прошлый раз, ещё давил, тянул, разглаживал...

Увидев гримасу боли на лице пациента, Шеян сказал:

– Знаю, знаю, что больно, но имей в виду, что я это делаю не первый раз. Я это уже делал другим людям. Надо потерпеть. Во-первых, сегодня сеанс будет короче, чем позавчера, во-вторых, боль, хотя и довольно сильная, но болевого порога мы не достигнем. И вообще, женщинам при родах больнее, чем сейчас тебе, а они терпят. Потому что знают, ради чего им приходится терпеть. Ты тоже знаешь ради чего... Чтобы стать здоровым и прекратить болтаться по госпиталям. Не напрягайся, расслабь живот!

Пока он это говорил, Сергей притянул к себе подушку и вцепился в неё зубами.

– Ещё чуть-чуть осталось. Тут вот надо узелок разгладить... А-а!.. И тут надо ещё приподнять... Ну вот

и всё! Покажи, как ты марлю завязываешь, – с этими словами Шеян закончил процедуру.

Закрепив марлевую повязку, Сергей сполз с дивана, постоял немного и, подойдя к шкафу, достал оттуда фотоальбом, раскрыл его и протянул Шеяну со словами:

– Посмотри на эту фотографию.

На чёрно-белом снимке мальчик лет пяти стоял на стуле. И хотя одет он был довольно празднично, лицо мальчика не выражало никакой радости, а скорее, наоборот, было грустным и печальным.

– Могу сказать, что он похож на тебя. Это или ты в детстве, или какой-то твой родственник. И мне кажется, этот мальчик не просто не доволен жизнью, а он, возможно, болен, – сделал вывод Шеян.

– Это мой отец, – сказал Сергей. – Он в пять лет сильно заболел. Вызвали врача, тот посмотрел, послушал, прописал какие-то лекарства. А болезнь не проходит. Через несколько дней стало ещё хуже, температура под сорок. Снова вызвали врача. Он заскочил буквально на минутку, потому что на шахте, которая находилась неподалёку от их дома, что-то случилось, кого-то привалило. Врач померил ребёнку температуру, а там – почти сорок один. «Мужайтесь», – сказал врач родителям отца, то есть моим бабушке и дедушке, хотя они тогда ещё были молодыми. – «Бывает так в жизни, что обстоятельства выше наших возможностей. Боюсь, что медицина здесь бессильна. Прикладывайте холодный компресс на лоб, пытайтесь сбить температуру, но... Будьте готовы к самому худшему». И врач быстро ушёл.

Бабушке Клавде и деду Ивану ничего не оставалось, кроме как горевать и готовиться к «самому худшему». Жили они на Украине, в шахтёрском городке под названием Краснодон. Дед Иван работал на шахте. И отношение к этому «самому худшему» здесь было

особенным. Эмоции по такому страшному поводу здесь проявлялись довольно скупно, потому что неизбежный смертельный риск, сопровождающий мужской шахтёрский труд, приучил людей к сдержанности. В шахтёрских семьях к потере даже самых близких людей здесь относились как к чему-то неизбежному, рано или поздно случающемуся в жизни каждого человека, и к пониманию, что с потерей близкого человека жизнь не заканчивается. Возможно, поэтому бабушка дальше поступила именно так. Она не стала рыдать, рвать на себе волосы, а стала одевать сына. Причём достала самый нарядный его костюм. Одеда и поставила сына на стул, чтобы он держался хотя бы за его спинку. Затем взяла фотоаппарат, которым мужа премировали за отличный труд на шахте по итогам года, и сфотографировала ребёнка. Делала она всё это, не проронив ни слова, молча утирая слёзы, которые всё равно выступали на глазах. После фотографирования она раздела сына и снова уложила в кровать. Положила мокрую салфетку ему на лоб, села рядом, взяв сына за руку. Так она просидела около часа. Казалось, сын задремал. Затем он открыл глаза, повернул голову, посмотрел на мать и тихо произнёс: «Кушать хочу». Смерили температуру, а она почти нормальная. Как будто фотоаппарат забрал всю болезнь на себя.

Шеян молчал, рассматривая фотографии в альбоме.

– Это младшая сестра отца, а это его брат, – указал Сергей. – И я сейчас подумал вот о чём. Если бы отец не заболел тогда, когда оказался на грани между жизнью и смертью, то не было бы у него ни сестры, ни брата. А у меня не было бы, соответственно, тётки и дяди. Видно, родители отца поняли, как тяжело терять единственного ребёнка в семье.

– Человеческий организм и его возможности, как и факторы, воздействующие на него, далеко ещё не изучены, – глубокомысленно высказался Шеян. – Космос или там глубины мирового океана изучены больше, чем сам человек. К примеру, моя жена часто жаловалась на слабость, недомогание. То голова болит, то ещё что. Я её досконально прощупал всю, все органы на месте. Ей подруга посоветовала, сходить к такому-то врачу. А он необычный врач. Приборы у него, проводки всякие... Короче, он определил, что жене нельзя носить золотые и серебряные украшения. А жена говорит: «То-то я заметила, что серебряная цепочка, как только её надену, сразу на мне чернеет». Перестала носить золотые и серебряные вещи – всё прошло. Нет, на праздник или концерт надеть на короткое время можно. Так жена, мало того, что не носит теперь украшений из золота и серебра, она даже обручальное кольцо не носит. А что я ей скажу? Здоровье-то дороже. Да, проверили на всякий случай дочь. А ей, оказывается, можно всё носить, и серебро, и золото. Представляешь, как дочь радовалась?

Стали прощаться.

– Так, – сказал Шеян, – повязку носи ещё неделю. Потом снимаешь и надолго, если не навсегда, забываешь о всяких там кислотах, изжогах и болях в желудке.

– Это мне понятно. Спасибо! Но я вот о чём вспомнил. Есть такой оперный певец, народный артист СССР Борис Штоколов. Слыхал о таком? – спросил Сергей.

– Я нет, а вот жена моя точно должна такого знать. Она всех певцов знает.

– Так вот. Учился он в каком-то военном учебном заведении, чтобы, по определению, по его окончании стать офицером, как мы с тобой. Но у него был очень хороший голос. И вот на выпускной вечер к ним приехал

маршал Советского Союза Жуков. Услышал маршал, как выпускник Штоколов поёт на концерте, и сказал ему, что армия, мол, без тебя не пропадёт, а тебе надо петь. Так и стал, можно сказать, с благословения Жукова, Штоколов всемирно известным певцом.

– Ты это к чему? На что намекаешь?

– Ни на что. Просто я думаю, что жизнь – штука длинная, а судьба – штука странная. И если у человека есть талант, то несмотря ни на какие обстоятельства, даже самые «толстые», всё может измениться.

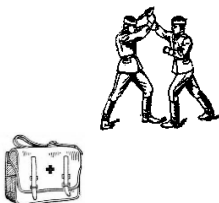
– То, что человек предполагает, а Бог располагает, я и без тебя знаю. Поживём – увидим, – сказал Шеян и уже в дверях, повернувшись, добавил с улыбкой. – А! Я понял, на что ты намекаешь. Если я уволюсь, чтобы только лечить людей, то ты вместо меня сможешь стать командиром моего батальона.

– Не-а! – смеясь, возразил Сергей. – Не нужен мне твой батальон. Чего-чего, а батальонов в российской армии хватит на всех. Я же в академию собираюсь поступать.

– Ну тогда счастливо!

На том и расстались.

Действительно, «человек предполагает, а Бог располагает». Сергей поступил в военную академию, куда позже, через несколько лет, поступил и Шеян. Но затем пути их окончательно разошлись. После академии Сергей продолжил военную службу, а Шеян уволился и стал лечить людей, применяя и развивая тот редкостный дар, которым обладал.

Глава тринадцатая

«Иоане, Иоане...»

(Июль 92-го года)

Майор Сергей Александров ехал к новому месту службы. Утром он прибыл в штаб округа, получил предписание и проездные документы. Ехать по меркам необъятной России предстояло не очень далеко – всего ночь на поезде. И уже завтра утром Сергей должен оказаться в небольшом закрытом посёлке, расположенном на краю большого полигона. Именно там располагалось войсковое соединение недавно образованных Миротворческих сил России, в которых отныне и предстояло служить офицеру. Единственное, что Сергей знал о новом месте службы, это то, что в 50-х годах здесь проводились широкомасштабные испытательные войсковые учения с реальным применением ядерного оружия. И что руководителем этих учений был маршал Жуков.

Все офицерские «пожитки», включая несколько комплектов военной формы, поместились в огромный, как его называл сам Сергей, «оккупационный» чемодан,

приобретённый владельцем ещё в начале военной службы в Чехословакии. И вот с этим большим чемоданом Сергей стоял сейчас на перроне, ожидая свой поезд.

Вечерело. Начался небольшой дождь. И хотя его капли до Сергея не долетали, но холодный порывистый ветер нет-нет, да и залетал под навес.

А вот и нужный поезд. Можно было особо не спешить, так как станция была узловая, и поезда здесь стояли очень долго. Но майора смущал номер вагона на проездном билете – «17». Значит, сначала надо определить, откуда начинаются номера вагонов, с головы или хвоста поезда, а потом уже тянуть туда свой насколько большой, настолько же и тяжёлый чемодан. Надеяться на объявления по вокзальному радио смысла не было, так как разобраться в тех звуках, что оно издавало, было невозможно.

Подошёл локомотив, замелькали мокрые вагоны, отражая в окнах свет привокзальных фонарей. Заметив, цифру «1» в окне вагона, следующего за локомотивом, Сергей потащил свой чемодан в конец поезда. Навес кончился и холодный дождь, который к тому времени усилился, уже конкретно поливал офицера.

Когда майор, наконец, добрался до последнего вагона, то был одинаково мокрым, как извне, так и изнутри. Казалось, можно передохнуть и затаскивать чемодан внутрь вагона, но, как говорится, «не тут-то было».

Неожиданно оказалось, что нумерация вагонов в хвосте поезда заканчивается числом «15». Сергей озадаченно смотрел на номер последнего вагона, понимая, что так быть не должно, но, если всё складывается именно так, то, что-то тут не так. Самое интересное в данной ситуации было то, что спросить о

том, что случилось, куда пропал его вагон, было не у кого, так как последний вагон хотя и был открыт, но проводника у подножек не было.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?! – крикнул офицер вглубь тамбура.

После небольшой паузы в полуоткрытые двери вагона просунулась голова проводницы.

– Что за шум?

– Шума нет, как и моего вагона, – сказал Сергей и протянул ей билет.

Проводница мельком взглянула на билет и тут же вернула его офицеру.

– Всё правильно! Прицепные вагоны: шестнадцатый и семнадцатый сейчас цепляют к голове поезда. По радио, наверное, об этом объявляли.

«Ну, прямо как в истории про два девятых вагона, которые прицепили к одному поезду», – подумал Сергей, но вслух это говорить не стал. Училище, как и последующая военная служба, научили молодого офицера многим вещам, но к данной ситуации подходили всего две: первая – в жизни не бывает безвыходных ситуаций; даже, если вас проглотили, то всё равно у вас есть два выхода, и вторая – любое решение командира, доведённое до конца, является правильным. В решении, что уже принял Сергей, не предусматривалось, что чемодан придётся тащить обратно через весь поезд.

– Девушка, но вы же понимаете, что дотащить этот чемодан до головы поезда я уже не только не смогу, но и не успею. Он же всего на чуть-чуть меньше вашего вагона. А так как билет на ваш поезд у меня есть, то решайте сами, что со мной делать, – с этими словами Сергей, поднатужившись, поднял чемодан на ступеньки, а затем – затолкал в тамбур со словами:

– Всё! Никуда больше я не пойду.

Проводница, уже давно вышедшая из «девушкиного» возраста, выдержала паузу, хотя её жизненный опыт подсказывал, что данную конфликтную ситуацию, в которую попал этот военный, перемещающийся по служебным делам, разрешить без особого напряжения не только можно, но и нужно.

– Ну да... Место у меня одно, пожалуй, найдётся. Все, кто садятся в наш поезд на этой станции, обычно размещаются в прицепных вагонах. Так что... толкайте ваш чемоданище дальше, не в тамбуре же его оставлять.

Вагон был купейным. Он встретил промокшего и уставшего Сергея теплом, светом, непривычной чистотой и даже музыкой. По поезднему радио София Ротару пела зажигательную песню про молдавского Ивана:

«Иоане, Иоане,
Тоатэ лумя доарме
Нумай еу ну пот сэ дорм...»

Скоро Сергей, получивший в купе место на верхней полке, умывшись и переодевшись в спортивный костюм, стоял в коридоре и смотрел в окно. Радио замолчало. За окном было темно. Огни города остались позади, и только свет из вагонных окон падал на «пробегающие» мимо деревья, кусты и столбы.

Коридор был почти пустым, только шустрая девочка лет четырёх-пяти не поддавалась маминым уговорам успокоиться и не мешать дяденьке. Малышка по очереди опускала откидные сидения, садилась на них, а затем резко соскакивала, умудряясь в прыжке повернуться и придержать сидение руками. Так как это ей не всегда удавалось, и сидения, опережая её попытки, хлопали о стенку вагона, мама периодически выходила из купе и негромко ругала девочку:

– Соня, как тебе не стыдно! Все уже спят.

– А вот дяденька не спит.

Девочка близко подошла к Сергею и, задрав голову, спросила:

– А ты знаешь, как меня зовут?

– Конечно, знаю. Соня, то есть, София. В этом вагоне уже все знают, как тебя зовут.

– А тебя, как зовут?

– Сергей.

– Хм! А мою маму зовут «мама Оля».

– Хорошо. Вот и познакомились.

Мама Оля снова вышла из купе и сказала, обращаясь к Сергею:

– Вы уж нас извините, но мы поздно засыпаем.

Потом, повернувшись к дочери, снова поругала её, сказав, что через пять минут будет общий «отбой», и скрылась в купе.

Девочка особо на мамины слова не реагировала, хотя и старалась бегать на носочках и играть без особого шума. Спрыгнув с последнего сидения, она развернулась и быстро побежала к середине вагона, где стоял Сергей. Бежала она «на цыпочках» и, когда на каком-то небольшом изгибе пути вагон качнуло, она, споткнулась, потеряла равновесие и полетела вдоль коридора головой вперёд. Через секунду навстречу ей уже падал Сергей, потому что другого способа спасти ребёнка от неминуемой травмы уже не было. Они встретились на полу коридора почти одновременно, но Сергей, вытянувшийся во всю длину своего среднего роста, всё же коснулся пола на мгновение раньше, и девчушка даже не врезалась в него, а кубарем прокатилась по его спине, остановившись в его ногах.

В наступившей тишине Сергей услышал мамин вскрик:

– Ох!

Вскочив с пола, он ощупал девочку со словами:

– Нигде не болит? Не ударились?

– Не-а! Ну мы и летели!

Сергей поднял голову и посмотрел на маму, застывшую в дверях купе, так как её ноги, ставшие вдруг «ватными», по-прежнему не хотели двигаться. Офицер взял девочку за руку и подвёл к бледной и молчавшей маме.

– Всё хорошо, что хорошо кончается. Теперь у нас у всех есть повод, ложиться спать, потому, что все игры уже закончились. Да, Соня?

– Да, пойдём, мама, спать! – сразу кивнул девочка, так как поняла, что в данный момент ей надо быть очень послушной.

Они негромко разговаривали в дверях купе, в котором, как заметил Сергей, все полки, кроме одной нижней были заняты уже спящими пассажирами. На верхней полке головой к окну лежал одетый мужчина. Он, видно, снял только обувь, и его ноги в полосатых носках, упирались в «дипломат», стоящий на полке у вешалки над дверью.

– Не знаю, как вас и благодарить, – наконец-то вымолвила молодая женщина.

– Ну что вы? Слава Богу, всё обошлось. Спокойной ночи!

Скоро в вагоне всё затихло. Сергей, уверенный, что проводница его разбудит тогда, когда надо, тоже заснул. Проснулся он от шума открывающейся двери. Свет из коридора ударил по глазам.

– «Ну вот и приехали!» – подумал он и соскочил с полки. Но вместо проводницы перед ним стояла Ольга с широко открытыми глазами. По её лицу бежали слёзы.

– Что случилось? С дочкой что-то?

– Сумочки нет! А там д-документы и д-деньги...

Сергей быстро обулся и выскочил в коридор. За ок-

нами вагона было по-прежнему темно.

«Значит, ещё ночь. И спал я часа два», – промелькнуло в голове.

– Я проснулась, а сумочки нет. А там – деньги. Мы едем в Оренбург к моей маме. Деньги ей на операцию я собирала.

Одолжила..., – бормотала Ольга сквозь слёзы.

Сергей остановился около открытых дверей купе, посмотрел на спящую девочку.

– А где сумочка лежала?

– Там, за подушкой, в головах. Я её всегда так кладу.

– А где этот... сосед... в полосатых носках?

– Иван? Он сказал, что его зовут Иван. Не знаю. Я проснулась, его уже не было.

– А вещи у него были?

– По-моему, только один чемоданчик.

Сергей постучал в дверь купе проводников. Оттуда появилась заспанная проводница.

– Что случилось? – спросила она, поправляя причёску.

– Пока ничего хорошего. А мужчина из шестого купе, где сошёл?

– Нигде. Мы же пока нигде не останавливались. Минут через двадцать будет станция. Но ещё не ваша, ваша – за ней. А что, его нет? Он мне говорил, что в этом поезде едут его земляки. Наверное, пошёл их проводить.

– Ну да... Ну да. И вещи прихватил с собою. Вы дайте ей воды, – Сергей кивнул в направлении Ольги. – Успокойте... Сумочку у неё, похоже, украли. О, дайте ей валерьянки. А я скоро вернусь.

Проходя мимо заплаканной женщины, Сергей положил ей руки на плечи, встряхнул её, посмотрел прямо в глаза и сказал:

– Успокойся! Рано ещё плакать. Я скоро вернусь. Всё будет хорошо! Поняла?

Та кивнула головой.

Сергей быстро прошёл по коридору, открыл дверь, затем вторую, ведущую в тамбур, и уже сделал шаг вперёд. Но увидев боковым зрением, как что-то блеснуло на дверях туалета, остановился, сделал шаг назад и посмотрел налево.

На ручке туалетной двери висела чёрная женская сумочка, мерно покачиваясь в такт движению поезда. Она была закрыта на защёлку, украшенную сверху блестящими декоративными шариками.

«Вот, дурёха! Ходила в туалет и забыла сумочку», – понял Сергей. Он снял её с дверей и вернулся в коридор.

– Это твоя сумка?

Глаза Ольги заблестели, по лицу скользнула улыбка.

– Ну да! – повеселевшим голосом сказала она, – А где она была?

– В туалете ты её забыла, вот где!

Глаза женщины снова потемнели.

– Я не ходила ночью в туалет. И вообще, я сумочку из купе не выносила.

Она быстро открыла сумку, заглянула вглубь её и, пошарив внутри рукой, достала паспорт.

– Здесь только паспорт, а денег нет, – сказала Ольга дрожащим голосом и её глаза снова стали наполняться слезами. Затем она добавила:

– И духов нет... французских. Я маме везла на день рождения.

– Понял! Ждите тут! – быстро проговорил Сергей и побежал назад в сторону тамбура.

Конечно, в историю про земляков этого мужчины, назвавшегося Иваном, Сергей не поверил. А так как лица его он не видел, то искать вора надо было по другим

признакам. Об этом и рассуждал Сергей, продвигаясь вдоль поезда:

«Во-первых, рост у него – выше среднего, потому, что лежал на полке, вытянувшись и касаясь ступнями чемоданчика, стоящего на краю полки. Во-вторых, – полосатые носки... Хотя носки могут помочь в поисках только в последнюю очередь. Нельзя же всех встречаемых высоких мужчин просить разуться. Остаётся только третий признак – вещи этого Ивана, а точнее, – его «дипломат», в который и упирались длинные ноги в полосатых носках».

Сергей, когда после падения отдавал девочку маме в дверях шестого купе, то сразу обратил внимание на тот чемоданчик, типа «дипломат». Дело в том, что точно такой «дипломат» был раньше и у Сергея. В начале своей службы он с несколькими офицерами выезжал в командировку в один южный городок за молодым пополнением. В военной комендатуре он и увидел такой компактный чемоданчик у одного из местных офицеров. Оказалось, что в городе один завод, выпускающий, в основном «оборонную» продукцию, делает и такие вот «дипломаты». Они отличались от тех, плоских и узких прямоугольников, которые были в широкой продаже. Эти были потолще, с рифлёными боками и слегка округлёнными краями. Короче, Сергей в свою часть вернулся с молодыми солдатами и таким вот «дипломатом». Из-за его вместительности и прочности Сергей неизменно брал его на все полевые занятия, стрельбы и учения. Уезжая к новому месту службы, Сергей подарил свой «дипломат» офицеру, принявшему у него роту.

И вот сейчас Сергей, продвигаясь по вагонам, искал взглядом именно такой «дипломат». Купейные вагоны он прошёл быстро, не останавливаясь. Несколько человек,

встречавшиеся на его пути в коридорах и тамбурах, Сергея не заинтересовали. А вот в конце первого же плацкартного вагона, заполненного лежащими и сидящими пассажирами, когда офицер пошёл помедленнее, активно вертя головой и внимательно осматривая людей и вещи, он увидел, то, что искал.

Чёрный «дипломат», блестя гофрированными бочками, мирно стоял на полу между ног высокого мужчины, сидящего на нижней полке у туалета. Дежурный свет горел только в проходе, и тень от верхней полки падала на сидящего, укрывая его лицо.

Долго не раздумывая, Сергей молча сел рядом с мужчиной на самый край полки, потому что больше места и не было.

– Эй! – сказал мужчина, – Ты, что не видишь, что места нету?

– Знаешь, Иван, или как тебя на родине зовут, Ион, а я к тебе пришёл с приветом... из пятнадцатого вагона. Там соседка твоя по купе беспокоится, куда же ты, не попрощавшись, ушёл.

– Ты чё? Я тебя первый и последний раз вижу. Ты что-то перепутал, братан, – сказал мужчина и вдруг резко попытался встать.

Сергей ожидал это движение, так как его кулак уже был наготове и резко воткнулся мужчине в спину. Мужчина охнул, обмяк и плюхнулся на место. Сергей нагнулся, задрал у него брючину на левой ноге и посмотрел на носки. Убедившись, что сидит он рядом с тем, с кем и надо, Сергей сказал:

– Пойдём, выйдем в тамбур, покурим и поговорим... о жизни.

Мужчина был крупнее и, наверное, сильнее Сергея. Но это офицера не беспокоило. На выпускном курсе военного училища к ним на занятие по рукопашному бою

приехали члены сборной команды военного округа по боевому самбо. То занятие Сергей, которому наряду с товарищами-выпускниками уже шили лейтенантскую форму, запомнил, как говорится, «на всю жизнь». Ребята конкретно показали, что и как надо делать с противником в ближнем бою, когда ценой победы в схватке является жизнь, то ли твоя, то ли противника.

Сергей хорошо запомнил те точки, куда в бою надо наносить удары, чтобы вывести противника из строя. И только от силы удара зависело, будет противник оглушён или убит. Эти точки он даже своим солдатам на занятиях не показывал, так как знал, что эти приёмы применяются только в настоящем бою. А когда что-то серьёзное начнётся, он успеет научить этому своих подчинённых.

И вот теперь эти знаниягодились. Сергей взял «дипломат» в левую руку, а правой рукой взялся за кисть мужчины, и, вывернув её, встал и потянул мужчину за собой. Острая боль заставляла того подчиняться Сергею и безропотно двигаться за ним.

Так они дошли до «нерабочего» тамбура, в котором никого не было. Сергей закрыл дверь и, выворачивая мужчине кисть, заставил его присесть, а затем, сбив с ног, толкнул в угол у вагонной двери. Мужчина упал.

Сергей, присев на корточки у противоположных дверей, открыл «дипломат». Вот и деньги. Находились они в двух разных местах. Пачка, что лежала в основном отделении между всякими мелкими вещами, среди которых явно выделялась коробочка с духами, была аккуратно завёрнута в целлофан, а купюры из второй пачки, что была значительно тоньше первой, были небрежно брошены в отделение под крышкой «дипломата». Сергей взял все деньги и духи и засунул их в свои карманы. Потом, немного помедлив, несколько

«тысячных» купюр бросил обратно в «дипломат» и закрыл его.

Он уже вставал, когда краем глаза заметил движение мужчины, пытавшегося тоже встать. Сергей резко оттолкнулся ногами, в прыжке поднял дипломат над головой и с размаху ударил им мужчину. Тот охнул и, продолжая лежать, прижался к двери.

– Не дури, а то снова сделаю «больно», – сказал Сергей и бросил «дипломат» на пол. Он уже открыл дверь, чтобы уйти, но, передумав, прикрыл дверь и повернулся к лежащему мужчине.

– Мораль я тебе читать не буду. Бесплезно. Но и «ментам» я тебя сдавать не буду. Потому что, во-первых, – это хлопотно, а во-вторых, хоть одна, но светлая мысль у тебя есть. У тебя хватило ума не забрать из ворованной сумочки документы... не выбросить и не уничтожить. Но один совет на прощание я тебе всё-таки дам. Заканчивай ты это грязное дело и возвращайся в свою солнечную Молдавию. Иначе закончишь ты свою жизнь плохо. Или на нарах или под колёсами подобного поезда. А что-нибудь здесь строить вместе со своими земляками у тебя не получится. Кишка тонка. Потому что они вкалывают, а ты этого не умеешь.

Мужчина снизу-вверх посмотрел на Сергея и прохрипел:

– А как ты узнал, что я из Молдавии?

– А у меня в роте были солдаты-молдаване... толковые, дисциплинированные, исполнительные и работающие. Не то, что ты. Но слова «Молдавия» и «молдаванин» они произносили с таким же акцентом, как и ты, – сказал Сергей и вышел из тамбура.

Вагон тряхнуло. Завизжали тормоза. Поезд начал замедлять ход, подъезжая к очередной станции.

Пока Сергей возвращался в свой вагон, он вспоми-

нал службу в Чехословакии. Действительно у него в роте служило несколько молдаван. Самый толковый из них был командир отделения сержант Ион Жушке. Конечно, все его звали Иваном. Когда же из роты одного командира взвода направили в Афганистан, то Сергей предложил сержанту стать не просто заместителем командира взвода, а стать исполняющим обязанности командира взвода. Жушке, колебавшись, согласился, но с одним условием: чтобы в его взводе, кроме его самого, молдаван больше не было. И этот взвод на полгода, пока сержант не уволился, стал одним из лучших не только в роте, но и в батальоне.

Когда Сергей вернулся в свой вагон, уже рассветало. Проводница возилась у титана с кипятком, а Ольга по-прежнему сидела в коридоре на откидном сидении, прижимая к себе сумочку и отрешённо смотря в приоткрытую дверь своего купе.

Увидев Сергея, она вскочила и побежала ему навстречу.

Не ожидая её расспросов, Сергей остановился, достал из карманов деньги и коробку с духами. Затем, молча, взял у женщины сумочку, положил всё туда и вернул ей со словами:

– Я же говорил, что всё будет хорошо.

Далее он крепко взял женщину за плечи, развернул её, и, направив в дверь шестого купе, сказал:

– Отдыхайте, но сумочку больше не теряйте.

Женщина повернулась к Сергею.

– А где, а как...?

– Всё нашлось, и – слава Богу! Отдыхайте! – с этими словами Сергей прикрыл дверь купе и пошёл к себе.

– Ну, вы даёте, – сказала, обращаясь к нему, проводница. – Чай будете? Хотя вам уже пора собираться. Мы уже подъезжаем к вашей станции.

Сергей закрыл изнутри дверь своего купе, переоделся в военную форму. Когда он уже собирался вытаскивать чемодан в коридор, в дверь постучали.

– Уже иду! – сказал Сергей и открыл дверь купе, ожидая увидеть за ней проводницу. Но за дверью с сумочкой в руке и выражением недоумения на лице стояла Ольга.

– Здесь больше денег, чем у меня было.

– погоди секундочку, – сказал Сергей и вытащил свой чемодан в коридор. Затем он молча протащил его по коридору в тамбур. Там остановился, повернулся к женщине, безмолвно, в ожидании объяснений, следовавшей за ним, и сказал:

– Все эти деньги твои. На операцию маме, на её лечение, на твоё возвращение домой, на возврат долгов, в конце концов. Или тебе не надо отдавать долги?

– Надо, но...

Сергей приложил палец к губам Ольги.

– А раз надо, то считай это подарком судьбы. Жизнь не может состоять из одних чёрных полос. Деньги нашлись, значит, по закону «парности событий» и с мамой всё будет хорошо. Операция пройдёт успешно.

– Но я не знаю, как отблагодарить за всё! Столько добра для меня в жизни никто никогда не делал. Может, только мама...

– Ольга, ты веришь в Бога?

– Да, конечно! Вот и крестик всегда со мной.

– Понимаешь... Я – офицер, то есть человек, который умеет воевать. А вот со вчерашнего дня я – миротворец, направлен служить в миротворческие силы. И в управлении кадров мне полковник сказал, что в Библии написано: «Блаженны миротворцы, ибо названы они будут сыновьями Божьими». Понимаешь, что это значит? Вот я с сегодняшнего дня и выполняю свою

какую-то высшую миссию. Значит, это не случайно, что я попал именно в этот вагон, где нужна была моя помощь. Вернее, где я мог оказать помощь тем, кто в ней нуждался. Вот и всё!

Женщина покачала головой:

– Но так не бывает!

– Сама видишь, что бывает. И последнее, что я хочу тебе сказать. Запомни, что в жизни всего три несчастья – это смерть, болезнь и плохие дети. Так написано в одной «умной» книжке. Так вот, смерть тебе в ближайшем будущем не грозит. Болезнь мамы вы преодолете, она выздоровеет и всё будет хорошо. Так что тебе осталось только одно, не упустить воспитание своей дочери. Чтобы она, даже когда вырастет, продолжала тебя любить. Чтобы относилась к тебе так, как ты относишься к своей маме. Тогда ты действительно будешь счастлива. Потому что всё будет логично, значит, правильно, а потому хо-ро-шо.

Сергей замолчал. Молчала и Ольга, осмысливая услышанное.

В окне показались дома. Поезд начал замедлять ход.

Сергей неожиданно для самого себя вслух спросил:

– Да, а отец Сонин где?

– Уже год, как привыкаем жить без него, – спокойным голосом ответила Ольга. – Оказался предателем.

– В масштабах страны или семьи? – уточнил Сергей.

– А разве это не одно и то же? Семья – ячейка общества. Предал семью, значит, предал и страну. И наоборот, – глубокомысленно заявила Ольга и, помолчав, добавила. – Я вот раньше не понимала женщин, которые выходят замуж за военных. Это же – наплевать на себя, на свою жизнь, всё подчинив мужу, а точнее, его службе. А с Москвы до Пензы в нашем купе ехала женщина, жена

военного. Так она мне сказала, что если даже весь мир ополчится на её мужа, то она его не бросит, будет стоять за его спиной и подавать патроны. А теперь я думаю, что, наверное, она права.

Открылась дверь тамбура, появилась проводница.

– Посторонись! Подъезжаем!

Из коридора через открытую дверь донеслась музыка. София Ротару по поезвному радио снова запела песню про молдавского Ивана:

«Ын грэдина луй, Ион,

Тоате пэсэриле дорм».

Песня звучала из прошлой жизни, потому что певица пела её на молдавском языке, который запрещён теперь в Молдавии, где в качестве государственного языка определён румынский. Об этом Сергей узнал совсем недавно, когда находился в Приднестровье в командировке в качестве военного наблюдателя. И находясь там, он очень жалел, что рядом с ним не было его батальона, где он служил начальником штаба. Но скоро он вернётся в Приднестровье, куда должны направиться миротворческие подразделения, чтобы помочь окончательно установить на берегах Днестра мир, позволив людям в этом регионе разговаривать и петь на любом языке, в том числе, и на молдавском.

Поезд остановился. Проводница открыла дверь и пропустила вперёд Сергея.

– Стоянка две минуты! – объявила она.

– Всем счастливо! – попрощался Сергей, выгрузил свой чемодан и потащил его к зданию вокзала. Начинался новый период службы, новый период жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая. Перед выбором</i> <i>(Октябрь 65-го года).....</i>	<i>7</i>
<i>Глава вторая. «Человек человеку – друг, товарищ и брат?»</i> <i>(Ноябрь 70-го года).....</i>	<i>45</i>
<i>Глава третья. Разговор на кухне</i> <i>(Декабрь 73-го года)</i>	<i>75</i>
<i>Глава четвёртая. Военная игра</i> <i>(Октябрь 76-го года).....</i>	<i>103</i>
<i>Глава пятая. Мелодия любви и рукопашный бой</i> <i>(Май 77-го года).....</i>	<i>129</i>
<i>Глава шестая. Особое задание</i> <i>(Июнь 77-го года).....</i>	<i>149</i>
<i>Глава седьмая. «Служу Советскому Союзу!»</i> <i>(Февраль 78-го года).....</i>	<i>167</i>
<i>Глава восьмая. Племянник героя Франции</i> <i>(Июль 78-го года).....</i>	<i>183</i>
<i>Глава девятая. О стрельбе</i> <i>(Август 79-го года)</i>	<i>193</i>
<i>Глава десятая. Кому говорят неправду?</i> <i>(Май 80-го года).....</i>	<i>223</i>
<i>Глава одиннадцатая. О дружбе, предательстве и наказании</i> <i>(Октябрь 80-го года).....</i>	<i>247</i>
<i>Глава двенадцатая. Здоровье не купишь</i> <i>(Октябрь 84-го года – январь 85-го года)</i>	<i>285</i>
<i>Глава тринадцатая. «Иоане, Иоане»</i> <i>(Июль 92-го года)</i>	<i>306</i>

Александр Леонидович Вырвич –

родился в 1953 году на Украине. Окончил Калининское суворовское военное училище – в 1971 году, Московское высшее общевойсковое командное училище им. Верховного Совета РСФСР – с золотой медалью в 1975 году, Военную академию им. М.В.Фрунзе – в 1991 году.

Служил в Чехословакии и Оренбуржье, выполнял боевые, учебные и миротворческие задачи в Чечне, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, США и Казахстане. Награждён орденами и медалями СССР, России, Чехословакии, Южной Осетии и Приднестровья.

Являясь членом Союзов писателей России и Приднестровья, пишет стихи, прозу, песни, публицистику, литературную критику и пародии; выпустил 15 авторских сборников, лауреат 5 литературных премий.

Проживает в Москве, являясь руководителем Литературного объединения «Белый камень» городского округа Домодедово, редактором ежегодных литературных изданий: поэтического альманаха «Вдохновение моё – Домодедово», сборника для семейного и детского чтения «Домовёнок» и ежеквартальной литературной газеты «Диалог».

Литературно-художественное издание

Александр Вырвич

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

***Вторая книга
романа-трилогии «Есть такая профессия...»***

Публикуется в авторской редакции
e-mail: a.virv@mail.ru

*Макет обложки Лариной В.С.
Фото и рисунки из интернета*

Подписано в печать 15.02.2020. Формат 60х90 1/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печ. листов 9,0 Тираж 200 шт. Заказ 1210.

Отпечатано в типографии «Бит-принт»
г.Москва, ул. Шипиловская, дом 17, кор. 3
+7 (499) 394-30-89; +7 (926) 920-12-89

www.bit-print.ru
info@bit-print.ru

ISBN 978-5-6044621-1-9

